

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

На правах рукописи

Парыгина Наталья Николаевна

**ЗАЩИТА ПРАВА НА ДЕЛОВУЮ РЕПУТАЦИЮ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 12.00.03 – Гражданское право,
предпринимательское право, семейное право,
международное частное право

Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Е.Л. Невзгодина

Омск – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. Ключевые понятия в сфере гражданско-правовой защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей	17
§ 1.1. Деловая репутация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей как правовая категория.....	17
§ 1.2. Правовая природа и сущность диффамации.....	46
ГЛАВА 2. Гражданско-правовая ответственность при умалении права на деловую репутацию и проблемы защиты этого права юридических лиц и индивидуальных предпринимателей	67
§ 2.1. Условия ответственности при умалении права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.....	67
§ 2.2. Проблемы порядка защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.....	90
ГЛАВА 3. Гражданско-правовые способы защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, предусмотренные действующим законодательством	106
§ 3.1. Способы защиты права на деловую репутацию: общие положения.....	106
§ 3.2. Характеристика отдельных гражданско-правовых способов защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.....	114
ГЛАВА 4. Эффективные способы защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, не предусмотренные действующим законодательством	150
§ 4.1. Компенсация нематериального вреда как способ защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей...150	
§ 4.2. Принесение публичных извинений как способ защиты права на деловую репутацию индивидуальных предпринимателей.....	208
Заключение	232
Список использованных источников	237
Приложение: «Предложения по внесению изменений в действующее законодательство (предложенная и аргументированная в диссертации редакция норм Гражданского кодекса Российской Федерации)»	I

Введение

Актуальность темы исследования предопределена вступлением современного общества в новый этап развития, связанный с усилением его вовлечённости в информационное пространство, при явном отсутствии симметричного научно-техническим изменениям законодательного регулирования общественных отношений в сфере защиты прав на нематериальные блага (прежде всего – деловую репутацию) юридических лиц и граждан, занимающихся предпринимательством или иной профессиональной деятельностью.

В любой профессиональной среде, а тем более в бизнесе, велика ценность незапятнанной деловой репутации. Но столь же велика и уязвимость этого нематериального блага, в первую очередь применительно к организациям, ввиду неразработанности соответствующих положений позитивного права. Главное правонарушение здесь – диффамация. Открывшиеся немислимые прежде возможности быстрого широкого и порой анонимного распространения ложной порочащей деловую репутацию лица информации недопустимо оставлять без надлежащего внимания со стороны закона. Между тем конкретные рекомендации по совершенствованию обозначенного аспекта действующей нормативной правовой базы звучат нечасто, многие цивилистические исследования здесь ограничиваются сугубо теоретическими выкладками (развитие которых, впрочем, также представляется необходимым).

Вступившие в силу 1 октября 2013 г. изменения главы 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), принятые в рамках реформы гражданского законодательства, не обеспечили ответами все назревшие вопросы и предполагают дальнейшую модернизацию норм ГК РФ в сфере защиты прав на нематериальные блага. Учитывая выявленные практикой проблемы и активно вырабатываемые наукой предложения по совершенствованию действующих норм, пересмотр положений ГК РФ о защите прав на нематериальные блага был ожидаем, однако констатировать, что все имевшиеся пробелы правового

регулирующие устранимы, а внесенные в закон изменения полностью соответствуют потребностям практики, по-прежнему не удаётся.

С очевидностью необходимо пристальное внимание законодателя и учёных к особенностям механизма защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (в силу специфики воздействия умаления указанного нематериального блага на существование субъектов – его носителей) во избежание ситуации, при которой индивидуальные предприниматели, а в ещё большей степени – юридические лица, оказываются необоснованно обделёнными в средствах отстаивания своих неимущественных прав и интересов, что способно поколебать принцип равенства правового режима для всех субъектов гражданского права.

Закономерно, что несформированность надёжной легальной опоры для судов в принятии решений по делам о защите права на деловую репутацию организаций и индивидуальных предпринимателей, отсутствие единообразных отвечающих общественным потребностям ориентиров негативно влияют на правоприменительную практику. По схожим искам суды нередко принимают противоположные решения, о чём свидетельствует изученная автором судебная практика.

Следует сразу же подчеркнуть, что правом на деловую репутацию и её защиту обладают не только любые юридические лица (как коммерческие, так и некоммерческие), не только государственные и муниципальные органы, на которые распространён режим правового регулирования, установленный для юридических лиц, но и граждане-профессионалы вне сферы бизнеса (медицинские работники, педагоги, юристы, чиновники, политики и т.д.). Почти все положения работы о защите права на деловую репутацию индивидуальных предпринимателей относятся и к гражданам, занимающимся иной профессиональной деятельностью (исключение составляет отстаиваемая в диссертации возможность для предпринимателей требовать компенсации отличного от морального нематериального вреда). Направленность настоящей работы на исследование защиты права на деловую репутацию граждан-

предпринимателей объясняется не только тем, что именно эти граждане в сфере своей профессиональной деятельности приравниваются к юридическим лицам (п. 3 ст. 23 ГК РФ), защита права на деловую репутацию которых мало изучена (к предпринимательской деятельности граждан применяются правила, регулирующие деятельность коммерческих, а субсидиарно – и некоммерческих организаций), но и тем, что, как показывает судебная практика, деловая репутация именно этих субъектов особенно уязвима, а умаление её чревато значительными издержками вплоть до банкротства, и именно по отношению к ним доказывание умаления названного нематериального блага является наиболее сложным. Теория и практика взыскания компенсации морального вреда в пользу граждан, не осуществляющих предпринимательскую деятельность, относительно устоялись, им посвящены многочисленные научные труды, в том числе диссертации, чего не скажешь о компенсации нематериального вреда юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, требующей отдельного глубокого изучения. Вместе с тем все общие положения о защите права на деловую репутацию, закрепленные в нормах права и исследованные в диссертации, в полной мере относятся ко всем гражданам-профессионалам (как и ко всем организациям) как субъектам гражданского права, что неоднократно подчеркивается в тексте работы.

В диссертации (применительно к требующим того специальным аспектам) учтены результаты международного и иностранного опыта развития правовой мысли в отношении избранного круга проблем, а также отражение последних в российском историческом правовом наследии.

Степень научной разработанности темы исследования. В последние три десятилетия российскими учёными всё больше внимания уделяется рассмотрению не только нематериальных благ в общем, но и деловой репутации юридических лиц, субъектов предпринимательства – в частности. Однако, несмотря на возросшее число посвящённых этой теме научных публикаций и диссертаций, дискуссионные вопросы не исчерпываются, ко многим проблемам по-прежнему не выработано единообразных подходов (среди них само понятие деловой

репутации, его отграничение от понятий чести, достоинства, доброго имени, гудвилл, выделение субъектов и момента возникновения права на защиту деловой репутации, возможность защиты права на деловую репутацию и правопреемства в отношении неё после прекращения субъекта – её носителя), «белые пятна» и неоднозначности в законодательстве и судебной практике по-прежнему не ликвидированы (это касается, например, условий опубликования ответа как способа защиты права на деловую репутацию юридических лиц, отграничения ответа от реплики и комментария, выявления возможных форм опровержения как правового средства защиты от диффамации, вопросов о существовании и компенсации нематериального вреда, причиняемого юридическому лицу и индивидуальному предпринимателю, корректной терминологии в соответствующей сфере, применения принесения публичных извинений при защите права на деловую репутацию индивидуальных предпринимателей и иных граждан). Время от времени появляющиеся, но не устраняющие «легальных тупиков» фрагментарные законодательные правки и пояснения высших судебных инстанций каждый раз требуют нового доктринального обсуждения. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего углубленного исследования проблемы защиты права на деловую репутацию организаций и граждан-предпринимателей.

Автором были изучены уже имеющиеся авторефераты диссертаций и сами диссертации, посвящённые как общей теории нематериальных благ и неимущественных прав, так и гражданско-правовой защите права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: работы О.Ш. Аюпова «Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России» (Томск, 2013), А.Р. Гусаловой «Гражданско-правовая защита деловой репутации» (Владикавказ, 2012), О.В. Карайчевой «Деловая репутация как объект гражданских прав» (Ростов-на-Дону, 2014), В.В. Килинкарова «Право на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности» (Санкт-Петербург, 2011), О.А. Кулиуша «Защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности»

(Москва, 2011), А.А. Тимерханова «Деловая репутация юридического лица» (Москва, 2013) и другие.

Целями исследования являются комплексный анализ механизма защиты права на деловую репутацию юридических лиц и граждан-предпринимателей в России, всесторонняя характеристика его текущего состояния, выявление существующих в данной сфере проблем и нахождение эффективных средств их решения, восполнение имеющихся законодательных и доктринальных пробелов обоснованными предложениями по модернизации отечественного законодательства, с использованием, в том числе, сравнительного анализа отечественного и зарубежного права.

Достижению поставленных целей служит выполнение следующих **задач**:

1) раскрытие смыслового наполнения юридической категории «деловая репутация», выявление её признаков, соотношения со смежными категориями (чести, достоинства, доброго имени, гудвилл бизнеса), определение круга обладателей деловой репутации, моментов её возникновения и прекращения, а равно возможности в отношении неё правопреемства;

2) раскрытие смысла юридической категории «диффамация», её рассмотрение в разноотраслевых плоскостях (прежде всего, в сфере гражданского права), выделение самостоятельных составов близких к ней правонарушений, их разграничение;

3) характеристика ответственности при умалении деловой репутации организаций и индивидуальных предпринимателей, выработка адекватных подходов к решению проблем, касающихся обнародования порочащих высказываний оценочного характера (суждений, мнений), дающих основания сделать о лице заслуживающие порицания выводы;

4) предметный анализ отдельных проблемных вопросов порядка защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе о сроках исковой давности по требованиям соответствующей категории, а также о мерах по обеспечению данного рода исков;

5) исследование всех известных на данный момент российскому гражданскому законодательству способов защиты права на деловую репутацию организаций и индивидуальных предпринимателей и связанных с каждым из этих способов проблем;

6) подробное рассмотрение не отражённого в российском гражданском законодательстве, но фактически имеющего место правового феномена нематериального вреда, причиняемого юридическим лицам, обоснование официального закрепления права организаций на его компенсацию, критериев определения размера таковой, оценка возможности её взыскания в пользу индивидуальных предпринимателей;

7) аргументация введения в отечественное законодательство такого способа защиты права на деловую репутацию индивидуальных предпринимателей (и иных граждан), как принесение публичных извинений.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с умалением деловой репутации (прежде всего в виде диффамации) и защитой права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Предметом исследования выступают нормы права, регулирующие указанные общественные отношения, а также судебная практика их применения.

Методология и методы исследования. В основе методологии исследования лежит общенаучный метод диалектического материализма. В комплексе иных использованных при написании работы общенаучных инструментов – методы формальной логики, анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, системно-структурный, функциональный подходы. Среди применённых частных методов научного поиска – формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой, статистический, метод правового моделирования. В работе использованы грамматический, формально-логический, систематический и исторический виды толкования правовых норм.

Теоретическую основу исследования составили научные труды по гражданскому, предпринимательскому праву, общей теории права,

экономической науке и лингвистике. Среди авторов, внёсших (в дореволюционный, советский и современный период) научный вклад в их изучение: О.Ш. Аюпов, М.С. Белашова, А.В. Белявский, В.В. Быковский, А.А. Власов, Е.В. Гаврилов, К.И. Голубев, А.Р. Гусалова, О.Н. Ермолова, Е.А. Ершова, Ю.Г. Иваненко, О.С. Иоффе, К.В. Карпов, В.В. Кванина, В.В. Килинкаров, О.А. Красавчиков, Л.О. Красавчикова, Н.М. Кузнецов, О.А. Кулиущ, Т.Н. Макарова, М. Маковой, Н.С. Малеин, М.Н. Малеина, И.А. Михайлова, С.В. Нарижный, Е.Л. Невзгодина, Н.Ю. Никуличева, О.И. Осадчая, О.А. Пешкова, В.С. Плотников, О.В. Плотникова, С.В. Потапенко, Н.А. Придворов, Е.П. Редько, Г.М. Резник, М.А. Рожкова, В.Д. Рузанова, Ю.З. Сахапов, К.И. Скловский, Я.В. Соколов, А.Г. Супрунов, А.А. Тимерханов, Р.П. Тимешов, М.Ю. Тихомиров, А.В. Трофименко, И.В. Тюленев, П.Г. Фёдоров, Е.А. Флейшиц, И.Я. Фойницкий, Н.Г. Фроловский, Е.А. Чефранова, З.Б. Хавжокова, А.М. Эрделевский и др.

В диссертации учтены также труды иностранных учёных: S.L. Baron, C.E. Carroll, E. Chang, T. Dillon, G.A. Jentz, F.K. Hussain, E.L. Lamoureux, R.J. Miller, L.M. Parkinson, M.G. Parkinson, Stewart C.

Нормативной базой исследования являются Конституция Российской Федерации, международные правовые акты, российское гражданское, гражданско-процессуальное, административное и уголовное законодательство и подзаконные нормативные правовые акты, а также (в плане сравнительного анализа) соответствующие нормы права в зарубежных правовых порядках.

Эмпирическая основа исследования представлена актами Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного (до 6 августа 2014 г.) Судов Российской Федерации, обширной судебной практикой арбитражных судов и судов общей юрисдикции по делам о защите права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (проанализировано более 500 дел; проведено сравнение судебной практики, имевшей место до изменений ГК РФ в 2013 г. и после них), актами Европейского суда по правам человека.

Подвергаются анализу руководящие постановления, информационные письма, обзоры судебной практики высших судебных органов.

Научная новизна исследования. В работе представлена оригинальная научная концепция решения проблем, связанных с гражданско-правовой защитой права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Научная новизна диссертации обусловлена авторским исследованием механизма защиты права на деловую репутацию организаций и граждан-предпринимателей, широким охватом неоднозначных правовых вопросов в данной сфере, многие из которых исследуются впервые или в новаторском ключе. Вводится ряд не известных действующему законодательству и доктрине значимых в контексте освещаемой темы правовых конструкций и терминов (в их числе дезинформация, дискредитация, положительный и (или) правдивый образ лица, принесение публичных извинений). Выстроен и обоснован с точки зрения значимости для защиты права на деловую репутацию ряд классификаций исследуемых в диссертации явлений, что способствует наиболее полной характеристике последних (так, например, предложена систематизация правонарушений, относимых к диффамации (при самостоятельном выделении дезинформации и дискредитации), специальных способов защиты права на деловую репутацию, опровержений). Вносятся концептуально проработанные конкретные предложения по системному совершенствованию норм ГК РФ, связанных с защитой права на находящееся в центре исследования нематериальное благо организаций и граждан-предпринимателей. Обосновывается учитывающая сформулированные и аргументированные автором корректирующие определения новая редакция статьи 152 и других статей ГК РФ, предложены проекты новых статей ГК РФ в соответствующей сфере (они представлены в приложении к работе). Отдельно следует отметить многоаспектное авторское рассмотрение реально существующего, но пока не воспринятого российским законодательством правового феномена нематериального вреда, причиняемого юридическим лицам, и компенсации такого вреда. Впервые развёрнуто обосновывается введение в гражданское

законодательство принесения публичных извинений в качестве способа защиты прав индивидуальных предпринимателей и иных граждан.

В работе сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. При отсутствии легальных определений категорий чести, достоинства, деловой репутации и при наличии множества их доктринальных дефиниций доказываемся целесообразность закрепления этих понятий с разъяснением их содержания на уровне руководящего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что будет способствовать формированию стройного понятийного аппарата в сфере защиты прав на нематериальные блага и единообразие в правоприменительной практике. В работе предлагается и обосновывается раскрытие содержания указанных нематериальных благ. Термин же «доброе имя», по обоснованию автора, тождественен понятию чести, не обладает самостоятельным значением и заслуживает исключения из норм ГК РФ.

Диффамация рассматривается автором как *нарушение норм гражданского права, состоящее в распространении не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (деловую репутацию юридического лица)*. Аргументируется вывод о рассмотрении в качестве диффамации распространения не только ложных порочащих деловую репутацию потерпевшего утверждений о фактах, но и тех негативных мнений, суждений, сообщений-оценок, которые несут в себе констатацию фактов и последующий их анализ.

Осуществлено разграничение диффамации в различных отраслях права. Обосновывается отграничение диффамации от смежных явлений, уже регулируемых гражданско-правовыми нормами или претендующих на то, чтобы попасть в сферу их регулирования в ближайшем будущем. В этой связи научно обоснована необходимость выделения наряду с диффамацией посягательств на честь, достоинство и деловую репутацию в форме дезинформации и дискредитации, с целью раскрытия содержания и правовой сущности последних предлагаются и аргументируются их определения. *Дезинформация* –

распространение любых не носящих порочащего характера, но не соответствующих действительности сведений о гражданине или юридическом лице. Дискредитация – умышленное распространение соответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведений. В работе сконструированы составы соответствующих правонарушений и санкции за их совершение, при этом применение санкций за дискредитацию предполагается лишь в случае, если распространитель сведений не докажет, что они сделаны достоянием общественности в интересах последней.

2. Проведены и обоснованы классификации диффамации, в частности, *а) в зависимости от способа распространения ложной порочащей информации:* 1) неквалифицированная диффамация; 2) диффамация в СМИ; 3) документальная диффамация; 4) латентная диффамация; *б) в зависимости от характера распространённых ложных сведений с негативной коннотацией:* 1) профессиональная, или деловая, диффамация; 2) личная диффамация; 3) общественная диффамация. Систематизация исследуемого правонарушения позволяет максимально точно определить корреспондирующие содеянному санкции, осветить сферы проявления диффамации, круг лиц, на которых осуществляется воздействие при её совершении, а также области сведений, через которые причиняется вред деловой репутации потерпевшего. Практическое значение данных классификаций проявляется и в содействии определению оптимальных способов защиты и обстоятельств, оцениваемых в судебном процессе.

3. Доказывается, что деловая репутация прекратившего существование юридического лица, ушедшего из жизни гражданина (в том числе предпринимателя) прекращает существование вместе с ним, а потому защита права на неё невозможна. Предлагается введение в законодательство понятия **«положительный и (или) правдивый образ лица»** – сложившееся у общества, отдельных его представителей мнение об уже несуществующем лице, его качествах, поступках, характеристиках деятельности в любой (в частности, предпринимательской) сфере. Целесообразно закрепление на законодательном

уровне возникающего у заинтересованных лиц субъективного права неимущественного характера на защиту положительного и (или) правдивого образа умершего гражданина или ликвидированной организации, имея в виду отмену действующей нормы абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ. Доказывается, что при реорганизации деловая репутация организаций-правопреемников либо формируется на основе деловой репутации правопреемников (при выделении, разделении, слиянии, преобразовании), либо изменяется под влиянием таковой (при присоединении). Степень такой взаимосвязи подлежит доказыванию.

4. Сформулировано и обосновывается определение **опровержения** как *сообщения распространителя сведений об их несоответствии действительности, направленного на информирование лиц, среди которых такие сведения были распространены, и на изменение тем самым сложившегося неверного общественного мнения о характеристиках субъекта защиты*. Выделены и охарактеризованы *формы опровержения* (чёткое видение последних отсутствует в позитивном праве и доктрине): опровержение в тех средствах массовой информации (далее – СМИ), где недостоверные сведения были распространены (п. 2 ст. 152 ГК РФ), опровержение в письме конкретному лицу (лицам), которому (которым) ранее направляли письмо (письма) с такими сведениями (необходимо включить упоминание о таком опровержении в п. 2 ст. 152 ГК РФ), а также опровержение способом, обеспечивающим его доведение до пользователей сети «Интернет» (п. 5 ст. 152 ГК РФ).

5. Раскрывается легальная категоризация способов возможной реакции лица, о котором были распространены сведения, на их распространение в форме ответа, комментария и реплики. Содержание данных родственных, впервые разграниченных автором диссертации, понятий отсутствует в гражданском законодательстве (в том числе о СМИ), что противодействует единообразию судебной практики. **Ответ** – *сообщение, содержащее опровержение каких-либо сведений и (или) контраргументы каким-либо доводам, исходящее от лица, которого такие сведения и (или) доводы касаются*. **Комментарий** – *сообщение,*

содержащее уточнение, дополнение или истолкование каких-либо сведений или доводов без явно выраженного противоречия им. Реплика – незначительное по объёму сообщение, представляющее собой несущественную корректировку каких-либо сведений или доводов в виде дополнений или возражений.

6. Высказана и обоснована идея о необходимости комплексного переосмысления в гражданском законодательстве института защиты права на деловую репутацию организаций, подразумевающего закрепление в ГК РФ понятия нематериального вреда, причиняемого юридическому лицу, не тождественного моральному вреду гражданину, компенсации такого вреда в качестве самостоятельного способа защиты гражданских прав, а также механизма его реализации.

Доказывается, что **нематериальный вред, причиняемый юридическому лицу**, проявляется 1) в собственно отрицательных изменениях в нематериальном благе организации или в принадлежащем ей неимущественном праве и 2) в способных возникнуть из-за них не поддающихся точному подсчёту негативных внутриорганизационных явлениях неимущественного характера, косвенно или в перспективе опасных для деятельности юридического лица в целом, в частности, для сферы его имущественных прав (препятствия в управлении компанией, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании и трудовому коллективу, общее ухудшение внутрикорпоративного климата, текучесть кадров и т.д.).

7. Обосновывается, что нематериальный вред индивидуального предпринимателя может принимать форму как морального вреда гражданина, так и нематериального вреда юридического лица. Видится правильным предоставить право выбора между двумя соответствующими способами защиты прав самому потерпевшему. Неприемлемой была бы выплата обеих компенсаций, поскольку обе оказались бы направлены на сглаживание одних и тех же последствий правонарушения.

8. Аргументируется потребность отечественного правопорядка в новом способе защиты гражданских прав, обосновывается состоятельность следующего

его определения: *принесение публичных извинений* как перспективный способ защиты прав граждан (в том числе индивидуальных предпринимателей) – признание нарушителем своей неправоты в совершении противоправного деяния и его обращение к потерпевшему с просьбой о прощении. Предлагается закрепление принесения публичных извинений в качестве самостоятельного способа защиты гражданских прав в ст. 12 ГК РФ в виде общего (т.е. пригодного для защиты права на любое нематериальное благо), а также в ст. 152 ГК РФ – для применения при защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей.

Теоретическая значимость работы. В диссертации сформирован понятийный аппарат, обслуживающий механизм защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В рамках исследования выстроены классификации связанных с его темой правовых явлений для целей их наиболее полного анализа. Полученные выводы представляют интерес для науки гражданского права, в частности, для последующей научной разработки проблем защиты прав на нематериальные блага и особенно деловую репутацию организаций, граждан-предпринимателей, любых иных граждан-профессионалов.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования гражданского законодательства, а именно системы норм, регулирующих общественные отношения, возникающие при умалении деловой репутации организаций и индивидуальных предпринимателей, а также для достижения необходимого единообразия судебной практики по данной категории споров. Они применимы и в преподавании курсов гражданского и предпринимательского права, спецкурсов о защите прав на нематериальные блага в сфере предпринимательства и других смежных дисциплин.

Степень достоверности исследования. Достаточная степень достоверности выводов диссертации, соответствующая формату работы, обусловлена всесторонним анализом существенного объёма эмпирического материала (изучена как практика отечественных судебных органов, так и

Европейского суда по правам человека – с указанием в диссертации сносок на конкретные изученные судебные споры), а также значительного количества теоретических источников, представленных научными работами российских и зарубежных учёных.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре гражданского права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, где проведены её экспертная оценка и рецензирование. Содержащиеся в исследовании основные теоретические выводы и идеи прикладной направленности по корректировке законодательства и повышению эффективности правоприменительной деятельности излагались автором в 2013 – 2016 гг. на научно-практических конференциях и круглых столах, проводившихся на базе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и Омской академии МВД России, и отражены в 16 авторских работах, представленных международной научной публикацией, статьями в ведущих рецензируемых журналах и монографией, опубликованной издательством «LAP LAMBERT Academic Publishing» в 2016 г. Материалы диссертации используются автором при проведении лекционных и практических занятий по дисциплинам «Гражданское право» и «Предпринимательское право» на юридическом факультете Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка использованных источников и приложения, содержащего аргументированные в работе предложения по изменению действующего законодательства.

Глава 1. Ключевые понятия в сфере гражданско-правовой защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

§ 1.1. Деловая репутация юридических лиц

и индивидуальных предпринимателей как правовая категория

1.1.1. Личные неимущественные права и нематериальные блага: содержание и взаимозависимость. Положительное отражение в глазах окружающих образа любого члена общества (субъекта права), а тем более – лица, активно участвующего в гражданском обороте, имело важное значение на любых исторических этапах развития человечества. Применительно к правовому и социальному контексту сегодняшнего дня деловая репутация гражданина (отдельного внимания заслуживают в этом смысле граждане, занимающиеся предпринимательством) или юридического лица¹ представляет собой совершенно особый феномен. С точки зрения юриспруденции его дальнейшее углублённое изучение необходимо ввиду всё возрастающей заинтересованности граждан и организаций в ограждении своей деловой репутации от ставших много более ощутимыми угроз. Вместе с тем надёжная гражданско-правовая защита права на деловую репутацию как граждан, так и юрлиц невозможна без верного понимания природы и сущности таковой, её единообразной легальной, правоприменительной и доктринальной интерпретации.

Относимая ст. 150 ГК РФ к нематериальным благам, а ст. 128 ГК РФ в составе нематериальных благ – к объектам гражданских прав, деловая репутация нашла признание в основном источнике гражданско-правовых норм, приняв форму законодательного термина, который активно используется во многих правовых актах. Однако раскрытие рассматриваемой категории оставлено за рамками официальных документов.

---

¹ Далее в целях более эффективного использования стандартного объёма диссертации юридические лица обозначаются как юрлица, а индивидуальные предприниматели – как ИП.

С течением времени нематериальным ценностям субъектов гражданских правоотношений отводится всё больше места в научных исследованиях². Обосновываются их самые разнообразные классификации³. В юридической литературе последних лет нематериальное благо резонно определяется как «не имеющее материального (имущественного) содержания и неразрывно связанное с личностью его носителя благо, представляющее собой юридически квалифицированный интерес, направленный на то, чтобы никто не нарушал это благо»⁴.

Принятый 2 июля 2013 г. Федеральный закон № 142-ФЗ⁵ скорректировал восьмую главу ГК РФ, посвящённую нематериальным благам и их защите. Новая редакция, вступившая в силу 1 октября 2013 г., бесспорно, выигрывает в плане

---

² См., например: Андреев В.К. Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 27 – 33; Арзумян А.Б. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008; Борычева Т.А. Понятие и правовая природа нематериальных благ юридических лиц // Юридический мир. 2012. № 9. С. 30 – 32; Вешкурцева З.В. Структурные подходы к определению понятий «нематериальные блага» и «личные нематериальные права» // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 225 – 234; Ермолова О.Н., Трофименко А.В. Проблемы теории нематериальных благ. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008; Захаров Н. Нематериальные блага и их защита // ЭЖ-Юрист. 2014. № 9. С. 4; Костюк В.Д. Нематериальные блага. Защита чести, достоинства и деловой репутации. М.: Лекс-Книга, 2002; Малеина М.Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 102 – 105; Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных нематериальных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40 – 47; Тимешов Р.П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010; Трофимова Т.В. Нематериальные блага юридических лиц и их гражданско-правовая защита // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 3. С. 244 – 248; Гражданское право: учеб. в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; под ред. Б.М. Гонгалов. М.: Статут, 2016. Т. 1. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

О.А. Красавчиковым имущественные и нематериальные отношения выделены в качестве двух основных структурных подразделений предмета гражданско-правового регулирования. К нематериальным социальным связям учёным отнесены личные нематериальные отношения, творческие отношения, возникающие в связи с созданием и использованием продуктов духовного производства, а также организационные отношения. При этом под личными нематериальными понимаются отношения, складывающиеся в обществе по поводу нематериальных духовных благ, принадлежащих личности (индивиду или социальному образованию) как таковой и от нее неотделимых. См.: Советское гражданское право в 2 т. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968. С. 5, 12. (Автор главы – О.А. Красавчиков).

Конструируя определение понятия семьи, Р.П. Мананкова особое внимание уделяет личным отношениям, строящимся, по мнению автора, среди прочего, на физической или духовной близости, взаимной потребности в общении друг с другом, взаимной заботе и поддержке. См.: Мананкова Р.П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26 – 42.

³ См., например: Кожевина Е.В. Нематериальные блага как объект гражданских прав: дискуссионные вопросы теории и судебное толкование // Цивилист. 2010. № 4. С. 59 – 63; Красавчикова Л.О. Понятие и система личных нематериальных прав граждан в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 14 – 25; Сахапов Ю.З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности её гражданско-правовой защиты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 9; Тюленев И.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации по российскому и международному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12.

⁴ Редько Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 10.

⁵ О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Российская газета. 2013. № 145 (далее – Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ).

юридической техники. Изложение правовых норм более логично, формулировки отточеннее. В частности, в п. 1 ст. 150 ГК РФ ранее перечень рассматриваемых объектов гражданских прав по необъяснимым причинам заканчивался словами «иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага». Первые (права), таким образом, фактически были выведены на один уровень со вторыми (блага) при очевидно неидентичных статусах. Те же концептуальные изъяны прослеживались в п. 2 ст. 150 и в ст. 151 ГК РФ. На недопустимость отождествления нематериальных благ с субъективными правами неоднократно указывали учёные⁶, отмечая, что по отношению к личным неимущественным правам нематериальные блага выступают объектом⁷, а неимущественные права, в свою очередь, опосредуют отношения, возникающие по поводу личного неимущественного блага (в том числе по его приобретению и защите)⁸. Так, нельзя не согласиться с А.Р. Гусаловой, по мнению которой, намного более обоснованным является понимание соотношения неимущественных прав и нематериальных благ через философские категории «форма» и «содержание»⁹. В обновлённом тексте рассмотренные неточности устранены, из ставших в полной мере корректными фраз исключены слова «неимущественные права», ст. 150 ГК РФ не относит теперь личные неимущественные права к нематериальным благам, разведя эти понятия. Принимая во внимание название ст. 150, да и всей главы 8 ГК РФ, в которых присутствует только термин «нематериальные блага», можно констатировать восстановление законодателем логики рассмотренных норм.

---

⁶ См., например: Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 9 – 13; Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40 – 47; Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3 – 9; Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой под ред. П.В. Крашенинникова. Статут, 2011. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Быковский В.В. Гражданско-правовая защита физических и юридических лиц при распространении о них сведений, порочащих их честь, достоинство и деловую репутацию: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

⁸ См.: Гусалова А.Р. Гражданско-правовая защита деловой репутации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012. С. 9.

⁹ Там же.

Но в отечественной цивилистике разграничение понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права» остаётся дискуссионным. В отсутствие легальных определений и уточнений формулируются многочисленные, часто расходящиеся авторские толкования соответствующих категорий и их положения относительно друг друга. Право на деловую репутацию субъектов предпринимательства (и любых организаций) весьма обстоятельно рассмотрено с позиций теории права в специально посвящённых этому исследованиях¹⁰. Из спектра всех имеющихся точек зрения наиболее убедительной представляется ставшая классической идея о прочной взаимосвязанности нематериальных благ и личных неимущественных прав при их однозначной нетождественности. Вызывают согласие взгляды на нематериальное благо как на объект личного неимущественного права¹¹ и на субъективное право как на средство для обеспечения пользования благами¹². Если нематериальное благо (например, деловую репутацию) сравнить с чернилами, то уместной будет аналогия между стержнем, в который они заливаются (ручкой, пером), и личным неимущественным правом (по приведённому допущению, на деловую репутацию). С помощью неимущественного права полезность нематериального блага как бы обретает форму; существование одного становится полноценным за счёт другого при очевидной самостоятельности обоих явлений.

1.1.2. Деловая репутация: понятие, признаки, соотношение с честью, достоинством и добрым именем. Представляет интерес рассмотрение в обобщённом виде выделенных учёными (и предстающих наиболее значимыми) признаков нематериальных благ. К основным из них можно отнести

---

¹⁰ См.: Килинкарров В.В. Право на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011; Никуличева Н.Ю. Право юридических лиц на деловую репутацию и его гражданско-правовая защита: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2004. См. также: Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 8; Сахапов Ю.З. Указ. соч. С. 8; Тимерханов А.А. Деловая репутация юридического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8 – 9; Тюленев И.В. Указ. соч. С. 11; Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11, 36 – 45.

¹¹ См.: Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40 – 47.

¹² См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 613.

неотъемлемость, неотчуждаемость и непередаваемость иным способом¹³ (в некоторых интерпретациях – за исключением случая коммерческой концессии применительно к деловой репутации¹⁴, по некоторым формулировкам – неразрывная связь с личностью носителя¹⁵, принадлежность личности и неотделимость от личности¹⁶, связь нематериальных благ с человеком как субъектом соответствующих прав¹⁷), отсутствие материального (имущественного) содержания¹⁸, невозможность имущественной (денежной) оценки¹⁹ (иначе – свойство нетоварности, внеэкономическая природа²⁰, нахождение «вне оборота»²¹, объективная неосязаемость, неизмеримость в тех или иных единицах, невозможность выражения в доступной и равнозначной для всех форме²², свойство духовной ценности, противопоставляемое имущественной ценности товара, или индивидуальная и социальная духовная ценность²³). Помимо указанных, отмечаются и такие характеристики нематериальных благ, как самостоятельная ценность для их носителя²⁴, общая направленность на обеспечение существования личности²⁵, особое происхождение нематериальных

¹³ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 38; Гражданское право: учеб. / С.С. Алексеев, Б.М. Гонгало, Д.В. Мурзин [и др.]; под общ. ред. чл.-корр. РАН С.С. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Екатеринбург; Институт частного права, 2009. С. 94; Советское гражданское право в 2 т. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968. С. 12. (Автор главы – О.А. Красавчиков); Кожевина Е.В. Указ. соч. С. 59 – 63; Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 147; Борычева Т.А. Указ. соч. С. 31 – 32; Палькина Т.Н. Личные нематериальные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.

¹⁴ Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 20.

¹⁵ Бакаева И.В. Указ. соч. С. 9 – 13; Садиков О.Н., Файзутдинов И.Ш. Гражданское право: Учебник. Том 1. М.: Контракт; Инфра-М, 2006. С. 151 – 152; Гусалова А.Р. Указ. соч. С. 10; Тимешов Р.П. Указ. соч. С. 10 – 12; Гражданское право: учеб. в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 14 – 25.

¹⁷ Арзуманян А.Б. Указ. соч. С. 10 – 19.

¹⁸ Бакаева И.В. Указ. соч. С. 9 – 13; Садиков О.Н., Файзутдинов И.Ш. Указ. соч. С. 151 – 152; Гусалова А.Р. Указ. соч. С. 10; Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 147; Борычева Т.А. Указ. соч. С. 31 – 32; Палькина Т.Н. Указ. соч. С. 10; Тимешов Р.П. Указ. соч. С. 10 – 12.

¹⁹ Бакаева И.В. Указ. соч. С. 9 – 13; Садиков О.Н., Файзутдинов И.Ш. Указ. соч. С. 151 – 152.

²⁰ Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 12; Кожевина Е.В. Указ. соч. С. 59 – 63.

²¹ Гражданское право: учеб. в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²² Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М.: Наука, 1985. С. 12.

²³ Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных нематериальных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40 – 41; Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 44.

²⁴ Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 14 – 25.

²⁵ Бакаева И.В. Указ. соч. С. 9 – 13.

благ²⁶, изменчивость²⁷, отсутствие стандартных параметров²⁸, для чести, достоинства и деловой репутации – самообогащаемость, выражающаяся в том, что определённая наличность блага у лица создаёт предпосылки для прироста, приумножения блага «при условии дальнейшего добросовестного (в глазах общества) поведения»²⁹ его носителя, самобытность существования и самостоятельный характер восприятия³⁰, для нематериальных благ физических лиц – принадлежность гражданину от рождения или в силу закона³¹.

Деловая репутация аккумулирует в себе почти все перечисленные черты. Однако наличие некоторых доктринально признанных свойств нематериальных благ в приложении к ней не столь очевидно. Речь идёт о традиционно вызывающих сомнения неотчуждаемости и неизмеримости деловой репутации³². В самом деле, так ли неотчуждаема деловая репутация, если эффект её преимуществ можно передать в пользование с выгодой для себя (за плату) в форме объекта концессионного соглашения или обособить в качестве самостоятельного вклада в общее дело и каким-то образом отделить от собственной правовой личности?

Думается, присутствие названных сделок в основном источнике норм отечественного гражданского права всё же не должно посягать на статус нематериального блага, закреплённый за деловой репутацией в п. 1 ст. 150 ГК РФ. Так, рассматривая договор о совместной деятельности, А.М. Эрделевский справедливо признаёт за деловой репутацией некоторые признаки

---

²⁶ Арзуманян А.Б. Указ. соч. С. 10 – 19.

²⁷ Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М., 1971. С. 33.

²⁸ Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40 – 47.

²⁹ Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 19.

³⁰ Ермолова О.Н. Нематериальные блага личности в гражданском праве Российской Федерации. Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права, 2009. С. 15.

³¹ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 147.

³² Вопросы закономерно возникают в связи с присутствием в ГК РФ двух договорных конструкций. Во-первых, это коммерческая концессия (франчайзинг), предполагающая возмездное использование одной стороной соглашения (пользователем) комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта другой стороны (правообладателя) – гл. 54 ГК РФ. Во-вторых, обращает на себя внимание договор простого товарищества, в котором в состав вкладов товарищей включается и деловая репутация (глава 55 ГК РФ). Пункт 2 ст. 1042 ГК РФ предусматривает денежную оценку вкладов, а значит, потенциально и деловой репутации товарищей по соглашению между ними.

имущественного содержания, но лишь условного, ибо «деловая репутация не передаётся от одного участника к другому, не входит в состав общего имущества», а «её оценка в составе вклада производится лишь для целей распределения между товарищами прибыли, общих расходов и убытков ответственности по общим обязательствам»³³. Что же касается коммерческой концессии, то тут следует согласиться с трактовкой М.Н. Малеиной неотчуждаемости и непередаваемости иным способом нематериального блага как невозможности «передачи по воле управомоченного за плату или безвозмездно во временное пользование или безвозвратно именно блага, а не субъективного права на него»³⁴. Нет сомнений в том, что правообладатель передаёт своему контрагенту лишь право использования деловой репутации при осуществлении предпринимательской деятельности, однако отчуждение принадлежащей первоначальному и единственному носителю деловой репутации как нематериального блага не может иметь места.

Деловая репутация давно и устойчиво учитывается в составе нематериальных активов организации. Согласно пп. 42 и 43 Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов», утверждённому Приказом Минфина России от 27 декабря 2007 г. № 153н³⁵ (далее – ПБУ 14/2007), для целей бухгалтерского учета стоимость деловой репутации рассчитывается как разница между покупной ценой, уплачиваемой продавцу при приобретении предприятия как имущественного комплекса, и суммой всех активов и обязательств по бухгалтерскому балансу на дату его покупки. Таким образом, деловая репутация со знаком «плюс» в виде надбавки к цене, уплачиваемой покупателем в ожидании будущих экономических выгод, рассматривается в качестве отдельного инвентарного объекта. Отрицательная же деловая репутация трансформируется в скидку с цены, предоставляемую покупателю в связи с отсутствием факторов наличия стабильных покупателей, репутации качества, навыков маркетинга и

---

³³ Эрделевский А.М. Там же.

³⁴ Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 41 – 43.

³⁵ Российская газета. 2008. № 22.

сбыта, деловых связей, опыта управления, уровня квалификации персонала и т.п.³⁶. В пп. 17 и 18 Федерального стандарта оценки «Оценка нематериальных активов и интеллектуальной собственности (ФСО № 11)»³⁷, содержатся созвучные приведённым положения. (В действительности здесь идёт речь об иной сущности (гудвилл), которая будет рассмотрена в заключительной части параграфа). Банком России (Письмо от 21 июля 2011 г. № 110-Т³⁸) приняты специальные Методические рекомендации «О признании, оценке, представлении и раскрытии информации о деловой репутации при составлении кредитными организациями финансовой отчетности в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности». Подобные документы являются подтверждением неоспоримого влияния, которое оказывает состояние деловой репутации на материальную сферу юрлица. На это обращается внимание и в юридической литературе: так, Е.Л. Невзгодина относит деловую репутацию (наряду с деловыми связями и положением на рынке тех или иных товаров) к особым нематериальным элементам предприятия, имеющим «большое значение при реализации предприятием своих экономических интересов, связанных с получением прибыли»³⁹.

Тем не менее нет сомнений в том, что оценка деловой репутации даже при наличии специально разработанных для этого методик по своей сути приблизительна и во многом условна. Ни о каком её точном, в полной мере эквивалентном денежном (имущественном) отражении говорить не приходится. Этот очевидный факт в сочетании со столь же очевидной коммерческой ценностью деловой репутации делает её поистине уникальным нематериальным благом, требующим особого законодательного подхода к своей защите и

---

³⁶ Аналогичные тезисы содержались и в предшествовавшем данному документу, Положении по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2000), утверждённому Приказом Минфина России от 16 октября 2000 г. № 91н.

³⁷ Утверждён Приказом Минэкономразвития России от 22 июня 2015 г. № 385 // Вестник образования России. 2015. № 19.

³⁸ Вестник Банка России. 2011. № 41.

³⁹ См.: Невзгодина Е.Л. Сделки с недвижимостью (понятие, виды, правовое регулирование): Учебное пособие / Под ред. А.И. Казанника. – 2-е изд., доп. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. С. 210; Невзгодина Е.Л. Правовой режим предприятия как недвижимое имущество // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 2 (11). С. 59.

углублённого доктринального изучения⁴⁰. Особое свойство отражения нематериального в материальном при неизмеримости объективной величины такового вовсе не колеблет неимущественной природы деловой репутации, а скорее, наоборот, гармонизирует с ней. В данном отношении верна мысль А.Ф. Суржика о том, что деловую репутацию в силу её принадлежности к нематериальным благам нет возможности не оценивать в принципе, а лишь нельзя оценить точно⁴¹.

Констатируя полное соответствие деловой репутации «научным стандартам» нематериальных благ, нельзя вместе с тем не отметить уже высказанные возражения устоявшейся мысли о неотчуждаемости (неотделимости) нематериальных благ, их неспособности участвовать в имущественном обороте, обладать экономическим содержанием и быть товаром⁴². Так, по мнению И.А. Михайловой, традиционное понимание правовой сущности личных нематериальных благ как ценностей, не имеющих имущественного содержания, нуждается в обсуждении и, возможно, в пересмотре⁴³, а О.А. Пешкова считает, что грань между благами, не имеющими материального содержания, и благами, таковым обладающими, является «чисто условной»⁴⁴. Видимо, взаимосвязь умаления деловой репутации и негативных изменений в имущественной сфере её носителя (прежде всего это касается юрлиц и ИП), а также направленность деловой репутации на индивидуализацию своих обладателей послужили почвой для развития рядом авторов рассуждений о том, что деловая репутация юрлица «занимает промежуточное положение между нематериальными благами и объектами интеллектуальной собственности»⁴⁵,

---

⁴⁰ Закономерны в этом смысле выводы О.А. Кулиуша, который, квалифицируя деловую репутацию как нематериальное благо, приписывает ей в то же время свойства материального характера, по причине её экономической ценности для своего обладателя. (См.: Кулиуш О.А. Защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 48).

⁴¹ См.: Суржик А.Ф. Правовое регулирование чести, достоинства и деловой репутации в гражданском праве Российской Федерации. М.: ТрансЛит, 2007. С. 30.

⁴² См.: Слипченко С.А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 43; Бакаева И.В. Указ. соч. С. 9 – 13; Тагайназаров Ш.Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. Душанбе, 1990. С. 24.

⁴³ Михайлова И.А. Указ. соч. С. 8 – 9.

⁴⁴ Пешкова О.А. Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 9 – 10.

⁴⁵ Гусалова А.Р. Указ. соч. С. 5.

абсолютное субъективное право на защиту деловой репутации носит исключительный характер⁴⁶, и о том, что необходимо приравнять деловую репутацию юрлица к результатам интеллектуальной деятельности, а право последнего на деловую репутацию признать исключительным правом⁴⁷. В литературе также выражена мысль о выделении деловой репутации вместе с честью и достоинством в «относительно самостоятельную группу нематериальных благ, связанную с удовлетворением как имущественных, так и неимущественных интересов»⁴⁸. Несмотря на подкреплённую своей логикой аргументацию приведённых оригинальных высказываний, в силу природы нематериальных благ со всеми приписываемыми им научным сообществом признаками (наличествующими согласно проведённому анализу и в случае с деловой репутацией), а также исходя из буквального толкования ст. 150 ГК РФ, наиболее убедительным представляется восприятие деловой репутации именно как нематериального блага, а права на деловую репутацию – как личного неимущественного права, не связанного с имущественными правами.

В диссертационных работах о понятии деловой репутации и его разграничении со смежными понятиями (главные из которых – честь, достоинство и доброе имя) тоже высказано множество в чём-то схожих, а в чём-то разноплановых мнений⁴⁹.

Нельзя отрицать социологическое и философское происхождение и наполнение рассматриваемых терминов. Однако в силу того, что они являются также и законодательными категориями, существует необходимость в их

---

⁴⁶ Кузнецов Н.М. Содержание отношений по защите чести, достоинства и деловой репутации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 14.

⁴⁷ Тимерханов А.А. Указ. соч. С. 7 – 8.

⁴⁸ Сахапов Ю.З. Указ. соч. С. 8.

⁴⁹ См., например: Быковский В.В. Указ. соч. С. 9; Беспалов А.В. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 100; Добриева М.Д. Честь, достоинство и деловая репутация как объект защиты в гражданском праве и процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 32 – 51; Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 18 – 21; Килинкар В.В. Указ. соч. С. 18 – 27, 31 – 36; Кузнецов Н.М. Указ. соч. С. 12; Кулиуш О.А. Указ. соч. С. 31 – 34, 48 – 49; Леонидов М.А. Гражданско-правовая охрана чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15 – 43; Никуличева Н.Ю. Указ. соч. С. 16 – 28; Сахапов Ю.З. Указ. соч. С. 8; Седов В.М. Условия и способы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12 – 24; Супрунов А.Г. Правовая защита деловой репутации по законодательству современной России: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 8 – 9, 29; Тюленев И.В. Указ. соч. С. 10 – 11; Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 10 – 11.

адаптации к правовой материи, уместной будет легальная объективизация их содержания. Поскольку на данный момент официальные дефиниции отсутствуют, правоведам остаётся полагаться на общеупотребительное значение указанных слов, истолкования словарей. Настоящее исследование в свою очередь базируется в этой части на двух авторитетных источниках⁵⁰. Итак, оправданно закрепившимися можно признать следующие трактовки.

Честь – 1) внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть; 2) моральное или социальное достоинство, то, что вызывает, поддерживает уважение (к самому себе или со стороны окружающих); 3) самое драгоценное, то, что придаёт кому-чему-нибудь ценность, достоинство, то, чем гордятся; 4) целомудрие, непорочность; 5) внешнее доказательство отличия; почёт, почесь, почтенье, чествованье, изъявление уважения, признание чьего превосходства; 6) высокое званье, сан, чин, должность; 7) условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое.

Достоинство – 1) необходимые моральные качества, моральная ценность человека; сознание этой ценности, проявление уважения к себе; 2) стоимость, добротность, степень годности; 3) отличное качество или превосходство; 4) сан, звание, чин, значенье.

Репутация (от латин. *reputatio* – счёт, счисление) – составившееся общее мнение о достоинствах и недостатках кого-чего-нибудь; слава человека, добрая или дурная, как и чем кто славится.

Как видно, понятия достаточно тесно связаны, через призму некоторых значений они выглядят как синонимы, пересекаются, порой объясняются одно через другое. Вместе с тем с позиций права важно уяснение вполне конкретных определений и разграничение соответствующих нематериальных благ. Опора лишь на общепринятую семантику в сложившейся ситуации представляется недостаточной, существует потребность в закреплении чётких юридических

---

⁵⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М.: Русский язык, 1978. – Т. 1. С. 480. Т. 4. С. 93, 599; Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н.Ушакова в 4 т. М.: ТЕРРА, 1996. – Т. 1. С. 784. Т. 3. С. 1344. Т. 4. С. 1267 – 1268.

формулировок – желательно, в руководящем разъяснении Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ).

Анализ работ цивилистов показывает, что основные расхождения в квалификации родственных объектов связаны с разграничением чести и достоинства: одни учёные избирают в качестве критерия для этого субъект, формирующий оценку качеств лица, другие – основание уважительного отношения к обладателю нематериального блага. Так, при первом подходе честь понимается как общественная оценка личности (различных её характеристик в их совокупности), а достоинство – как самооценка личности⁵¹. Второй подход преподносит честь как социальную оценку личности, обусловленную её индивидуальными уникальными характеристиками, а достоинство – как некое минимальное уважение, которого заслуживает любое лицо, независимо от его поступков и качеств, достоинство в такой интерпретации присуще всем и должно признаваться за каждым в одинаковом объёме; сторонники данной концепции исходят из представления о социальном равенстве людей, из принципа равенства всех людей в моральном отношении⁵². В подтверждение такого понимания достоинства иногда приводят п. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации⁵³ (далее – Конституция РФ), закрепивший охрану достоинства личности государством. В этой связи думается, что как первое, так и второе видение вопроса имеют право не только на существование, но и на восприятие правоприменительными и законодательными органами, поскольку нематериальные блага в обеих трактовках наличествуют в объективной реальности и требуют правовой защиты. Введение отдельного термина для

---

⁵¹ См.: Быковский В.В. Указ. соч. С. 9; Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М.: Издательский дом «Форум», ИНФРА-М, 1997. С. 149; Гражданское право: учеб. в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; под ред. Б.М. Гонгалов. М.: Статут, 2016. Т. 1. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Верными в этом смысле представляются утверждения А.М. Эрделевского о том, что «взаимосвязь чести и достоинства так же неразрывна, как взаимосвязь личности и общества», и «умаление положительных качеств человека в глазах окружающих может отрицательно сказаться на его чувстве уважения к себе».

⁵² См.: Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 20 – 21; Кузнецов Н.М. Указ. соч. С. 12; Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 10.

⁵³ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445; 2009. № 1. Ст. 1; 2009. № 1. Ст. 2.

обозначения минимального стандарта уважения, полагающегося любому лицу (такого, как, например, «ценность человеческой личности»⁵⁴), рискует отяготить понятийный аппарат и нормативный материал, ибо слово «достоинство» наиболее точно отражает имеющуюся в виду ценность; кроме того, два приведённых его понимания находятся в прочной взаимосвязи: защита права личности на уважение, основанное на всеобщем равенстве людей, всегда идёт рука об руку с защитой её права на самоуважение. Поэтому видится возможным и целесообразным объединение двух указанных значений в одной категории.

При расшифровке феномена деловой репутации учёные, оперируя разными комбинациями слов, по сути единодушны. Можно сформулировать следующее определение *деловой репутации*, адекватное её содержанию: *нематериальное благо гражданина или юрлица, состоящее в общественной оценке его деловых качеств в любой сфере его профессиональной деятельности*. Очевидное отличие деловой репутации от чести – в объекте оценки, которым в случае с деловой репутацией выступают характеристики определённого вида, а именно – характеристики, связанные с деловой активностью лица.

Специалистами отмечается, что в гражданском праве отсутствует понятие репутации вообще, есть лишь понятие деловой репутации⁵⁵. Это видится ненапряжным. Дело в том, что понятие репутации без конкретизирующего слова «деловая» станет синонимичным приведённому понятию чести⁵⁶. При таких обстоятельствах, мало того, что нет никакого смысла говорить о репутации вообще, – наличие дублирующей категории способно привести лишь к путанице.

Учитывая рассмотренную семантику слова «честь», видится логичным мнение большинства исследователей о том, что данная категория всегда подразумевает реноме со знаком «плюс», не может иметь отрицательной коннотации⁵⁷ (это подтверждается и существованием таких выражений, как

---

⁵⁴ Кузнецов Н.М. Указ. соч. С. 18.

⁵⁵ См., например: Потапенко С.В. Судебная защита от диффамации в СМИ. Краснодар, 2002. С. 147.

⁵⁶ А.М. Эрделевский обоснованно рассматривает деловую репутацию в качестве отдельного вида чести как родового понятия. (См.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики, 3-е издание. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 146).

⁵⁷ См., например: Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 20 – 25; Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и

«бесчестный поступок», «бесчестный человек»). Однако в литературе представлена и противоположная точка зрения⁵⁸. А вот деловая репутация, что не оспаривается учёными, может быть как позитивной, так и негативной. Впрочем, её качество не должно сказываться на возможности предъявления исков в её защиту. Здесь безоговорочной поддержки заслуживают рассуждения А.М. Эрделевского, отмечающего, что «деловая репутация потерпевшего, даже будучи плохой в сравнении с деловой репутацией других лиц, должна рассматриваться как хорошая по сравнению с её состоянием после распространения порочащих сведений»⁵⁹.

Представляется, что термин «доброе имя» также не обладает самостоятельным значением. В юридической литературе имеются обоснования законодательного решения использовать в ст. 150 ГК РФ слова «доброе имя»; в хорошо известном авторами раскрываются новые нюансы и смысловые оттенки⁶⁰. Думается, однако, доброе имя всё же в конечном счете сводимо к чести, тождественно ей и не подлежит выделению в качестве обособленно существующего нематериального блага; упоминание о нём, напротив, заслуживает исключения из норм ГК РФ; эта мысль также артикулировалась в научной литературе⁶¹.

Честь и достоинство формируются на основе сведений о самых разнообразных, не поддающихся исчерпывающему перечислению сторонах человеческой личности, их оценок с позиций нравственности, норм общественной, политической жизни и т.д. Деловая же репутация представляет

деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 18, 21; Килинкар В.В. Указ. соч. С. 31 – 32; Кузнецов Н.М. Указ. соч. С. 12; Обязательства, возникающие не из договора: сборник статей / Ф.Х. Альманса Монтойя, А.А. Амангельды, Д.В. Афанасьев и др.; отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2015. (Автор статьи («Обязательство по компенсации репутационного ущерба как разновидность деликтного обязательства») – М.А. Рожкова); Тимошенко В.А., Смушкин А.Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁸ См.: Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40 – 47; Быковский В.В. Указ. соч. С. 9.

⁵⁹ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики, 3-е издание. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 117.

⁶⁰ См.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики, 3-е издание. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 116 – 117; Килинкар В.В. Указ. соч. С. 32; Кузнецов Н.М. Указ. соч. С. 18.

⁶¹ См.: Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40 – 47; Аюпов О.Ш. Указ. соч. С. 13.

собой информацию об исключительно деловых качествах своего носителя. Поскольку юрлица только такими качествами и обладают, им может принадлежать лишь последнее нематериальное благо, категории чести и достоинства к организациям неприменимы. По этой причине определения чести как «положительной социальной оценки гражданина или *организации*»⁶² (*курсив мой – Н.П.*) нуждаются в корректировке.

В отдельных научных исследованиях рассматривается соотношение деловой репутации с иными родственными, однако не носящими правового характера понятиями (реноме, имидж, бренд, миф, престиж, авторитет, кредит доверия, респектабельность)⁶³.

В литературе высказаны и предложения о замене понятий чести, достоинства и деловой репутации единым термином «репутация», обоснованные успешным применением последнего в англосаксонском праве; при этом вид репутации предполагается уточнять в зависимости от субъекта защиты⁶⁴. Признавая теоретическую возможность такого объединения, нельзя не выразить сомнения в его преимуществе перед устоявшимся положением дел (использованием трёх самостоятельных категорий), даже не из-за самобытности рассматриваемых феноменов, но главным образом в силу исключительной специфики деловой репутации как нематериального блага, её уникальной способности влиять на материальную сферу своего обладателя, требующей отдельного изучения и особой законодательной регламентации.

Необходимо принять в расчёт, что деловая репутация имеет свойство формироваться на основании как истинной, так и ложной информации о её носителе, и потому она не столь адекватна, как отражение объекта в зеркале, а наоборот, не носит на сто процентов объективного характера; кроме того,

---

⁶² См.: Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 10. См. также: Супрунов А.Г. Указ. соч. С. 157.

⁶³ См.: Килинкаров В.В. Указ. соч. С. 31 – 34; Кулиш О.А. Указ. соч. С. 32 – 33.

⁶⁴ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики, 3-е издание. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 118 – 119. См. также: Аюпов О.Ш. Указ. соч. С. 13. – С автором нельзя согласиться в том, что «деловая репутация, честь и достоинство являются терминами, которые, исходя из положений статьи 152 ГК РФ, в общем, обозначают одно и то же понятие». Несмотря на семантическую близость анализируемых категорий, они всё-таки без сомнения представляют различные правовые феномены.

деловая репутация динамична, т.е. имеет постоянную тенденцию к изменениям⁶⁵. Учитывая эти факты, нельзя не отметить значение самостоятельных действий субъекта-носителя деловой репутации по её благополучному складыванию, а в дальнейшем – по её поддержанию на должном уровне⁶⁶. Это может быть непростым и затратным, однако это необходимое условие для создания благоприятной среды формирования деловой репутации.

Закономерно, что в разных странах отношение к тому, какой должна быть хорошая деловая репутация, разное; ведь в различных культурах бытуют различные представления о том, что может её опорочить. Убеждающие в этом иллюстрации приводят А.П. Иванов и Ю.Н. Быкова, обращая внимание на то, что «в Китае меньше значения придают экологическим последствиям деятельности промышленных предприятий, в Польше – соблюдению этических норм предпринимательства, в России – корпоративной культуре и социальной ответственности»⁶⁷. При этом ценность самого данного нематериального блага актуальна во всём мире⁶⁸.

Предприниматели-производители из отдельных государств, успешно зарекомендовавшие себя на мировом рынке благодаря высокому качеству своих товаров, в определённой степени создают положительную деловую репутацию для предпринимателей-соотечественников, если добиваются того, что их отличающаяся превосходством продукция начинает ассоциироваться у потребителей мира с конкретной страной⁶⁹.

Деловая репутация подразумевает общественную оценку деловых качеств лица, но деловые качества – не то же, что качества предпринимательские,

---

⁶⁵ Данные обстоятельства признаны в научных работах. См., например: Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса. М.: Статут, 2013. С. 11 – 12; Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 110; Килинкаров В.В. Указ. соч. С. 22.

⁶⁶ См. по этому вопросу: Супрунов А.Г. Указ. соч. С. 29, 43.

⁶⁷ Иванов А.П., Быкова Ю.Н. Защита деловой репутации // Международный бухгалтерский учёт. 2007. № 11. С. 35.

⁶⁸ См.: Chang E., Dillon T., Hussain F.K. Trust and reputation for service-oriented environments: technologies for building business intelligence and consumer confidence. John Wiley & Sons Ltd., West Sussex, England. 2006. P. 183 – 286; Carroll C.E. The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation. SAGE Publications, Inc., Thousand Oaks, California. 2016. P. 890 – 934.

⁶⁹ Здесь в пору вспомнить чешский хрусталь, кубинские сигары, французскую парфюмерию, российское вооружение и ракетные двигатели, японскую и немецкую бытовую технику или итальянские спортивные автомобили.

подобное их понимание было бы неоправданно зауженным. Обладателями деловой репутации, наряду с коммерческими юрлицами и ИП, являются некоммерческие организации и граждане, не обладающие указанным особым статусом, ибо общественное мнение о деловых характеристиках лица складывается в сфере не только бизнеса, но и деятельности любого другого рода. В научной и учебной литературе, к слову, давно отмечается, что понятие деловой репутации в отношении граждан «имеет более широкое содержание, включая соответствующую оценку их профессиональных (не обязательно коммерческих) качеств как специалистов в той или иной области (например, инженеров, адвокатов и т.д.)»⁷⁰, а сама деловая репутация определяется как «существующее признание профессионального авторитета»⁷¹. Корректность и практичность выделения в качестве самостоятельных явлений профессиональной или служебной репутации⁷² сомнительны⁷³. Если у организации в силу её правовой сущности все качества являются деловыми, то у гражданина в эту категорию попадают любые характеристики его как лица, занимающегося бизнесом, или как профессионала в любой общественно полезной области, а также, согласно уместному суждению М.Н. Малеиной, персонифицирующие его среди других

---

⁷⁰ См.: Гражданское право. В двух томах. Том 1. Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Издательство «БЕК», 1993. С. 366.

⁷¹ Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 18 – 19.

⁷² См.: Плотников В. Деловая репутация как объект гражданско-правовой защиты // Хозяйство и право. 1995. № 11. С. 38; Гусалова А.Р. Указ. соч. С. 6 – 7, 10.

⁷³ В этом мнении солидарны многие авторы. См., например: Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 102; Супрунов А.Г. Указ. соч. С. 31 – 32; Фроловский Н.Г. Защита деловой репутации юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 49 – 50; Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики, 3-е издание. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 117 – 118. В.В. Килинкарров, обосновывая мысль о том, что субъектом права на репутацию необходимо признать юрлицо любого вида независимо от того, создавалось ли оно в коммерческих целях, тем не менее делает из норм ст.ст. 150 и 152 ГК РФ категоричный вывод: деловой репутацией могут обладать лишь субъекты предпринимательской деятельности, что, по мнению исследователя, не лишает граждан возможности защиты профессиональной чести, но ставит в затруднительное положение некоммерческие организации. Это обнаруживает противоречие справедливым суждениям того же автора об относимости деловой репутации к любым деловым характеристикам своего обладателя. (См.: Килинкарров В.В. Указ. соч. С. 12, 24 – 25, 153). Думается, верная общая логика признания некоммерческих организаций субъектами права на деловую репутацию (из которой следует исходить) рискует быть подорванной, если пренебречь закреплением этого статуса также и за всеми гражданами, занимающимися профессиональной, трудовой деятельностью, независимо от их отношения собственно к бизнесу.

профессионалов⁷⁴. При этом неважно, является ли соответствующий вид деятельности основным.

О.Ш. Аюпов в содержание деловой репутации включает оценку не только профессиональных, но и иных социально значимых качеств субъекта; ибо «в современном мире деловая репутация не может ограничиваться только сферой профессиональной деятельности»⁷⁵. Если имеются в виду качества, которые напрямую не относятся к главному виду деятельности лица, возражений не возникает, однако если речь об иных потенциально социально значимых свойствах (например, моральных характеристиках), спешить с выводами не стоит. Допустим, индивидуальному предпринимателю приписывают неэтичное поведение с друзьями, склонность подводить или обманывать товарищей. Эти качества находятся в плоскости нравственности; ложность обвинений, предположим, в конкретном факте кражи должна оспариваться в рамках защиты права на честь. Если же описанный порок проявится в нечестных поступках по отношению к партнёру по бизнесу или попросту в мошенничестве применительно к любым лицам, что предсказуемо даст основания опасаться за сотрудничество с предпринимателем как с профессионалом, – моральное (точнее, аморальное) качество приобретёт форму делового и будет пятнать уже деловую репутацию лица. Таким образом, деловая репутация всё же имеет дело с оценкой именно и исключительно профессиональных свойств и компетенций или их отсутствия. Помимо всего прочего, обратное затруднило бы разграничение деловой репутации как профессиональной характеристики и чести как всевозможных иных характеристик благообладателя⁷⁶.

---

⁷⁴ Малеина М.Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. 1993. № 23. С.18.

⁷⁵ Аюпов О.Ш. Указ. соч. С. 10 – 11. Созвучно приведённому мнению О.А. Кулиуша, понимающего под деловой репутацией не только оценку деловых качеств юридического лица, но и целостную оценку всей его деятельности. (См.: Кулиуш О.А. Указ. соч. С. 53 – 54).

⁷⁶ Вместе с тем здравомыслие усматривается и в тезисе о том, что в процессе защиты прав на честь и достоинство происходит (пусть и косвенно) защита права на деловую репутацию, поскольку «воздействие на честь и достоинство неизбежно влияет на мнение окружающих о деловых качествах лица». (См.: Килинкаров В.В. Право на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 33). Думается, хотя и не всегда, но, действительно, достаточно часто распространение нелестных сведений, затрагивающих два первых блага, сказывается и на последнем.

1.1.3. Субъекты и момент возникновения права на защиту деловой репутации. Итак, обладателями права на деловую репутацию являются любые юрлица, вне зависимости от их вида и организационно-правовой формы (ибо безотносительно сферы и целей деятельности абсолютно все характеристики организаций являются деловыми), а также физические лица, профессионально занимающиеся какой-либо деятельностью (необязательно связанной с систематическим извлечением прибыли)⁷⁷. С учётом положений ст. 124 ГК РФ⁷⁸ и ст. 41 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131–ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁷⁹ необходимо упомянуть об органах государственной власти и местного самоуправления, за которыми также должны признаваться деловая репутация и возможности её защиты (в этом солидарны многие учёные⁸⁰), ибо они попадают под действие режима правового регулирования, предусмотренного для юрлиц⁸¹.

---

⁷⁷ Защита прав субъектов предпринимательской деятельности составляет предмет отдельных научных исследований. См., например: Кванина В.В. Особенности правового режима отдельных форм имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 42 – 46; Защитные институты в сфере предпринимательской и профессиональной деятельности: учебное пособие / В. В. Кванина. – М.: Юнити-Дана, 2014. – 167 с.; Рузанова В.Д. Системность гражданского законодательства как необходимое условие наиболее полного осуществления гражданских прав в предпринимательской сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 15 – 20.

⁷⁸ Пункт 2 названной статьи распространяет на публично-правовые образования правила о юридических лицах.

⁷⁹ Российская газета. 2003. № 202; Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

Согласно п. 2 названной статьи органы местного самоуправления в соответствии с обозначенным законом и уставом муниципального образования наделяются правами юридического лица. (Сама статья озаглавлена «Органы местного самоуправления как юридические лица»).

⁸⁰ См.: Килинкар В.В. Указ. соч. С. 154; Кулиш О.А. Указ. соч. С. 53 – 58; Супрунов А.Г. Указ. соч. С. 153; Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики, 3-е издание. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 118 – 119.

⁸¹ Это верное направление избрано и судебной практикой. Так, например, Главное Управление Министерства внутренних дел России по Кемеровской области обратилось в суд с иском о защите деловой репутации к К., опубликовавшем в своём блоге в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» ложные сведения, порочащие деловую репутацию истца как органа правоохранительной службы. Требование о признании распространённых сведений не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию заявителя было удовлетворено судом апелляционной инстанции со ссылкой на следующее. Указание на негативные аспекты деятельности истца (вопреки правилам о распределении бремени доказывания, ответчиком необходимых свидетельств представлено не было), выраженное в оскорбительной форме в виде обвинения в преступных действиях, затрагивает деловую репутацию истца как органа в сфере правоохранительной деятельности, в обязанности которого входит пресечение общественно опасных деяний. (Апелляционное определение Московского городского суда от 24 ноября 2015 г. по делу № 33-38619/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

В другом деле в пользу уполномоченного органа исполнительной власти Республики Башкортостан в сфере закупок для обеспечения нужд субъекта была взыскана компенсации вреда, причиненного деловой репутации, в сумме 100 000 руб. При этом суд отметил: «При осуществлении своих полномочий Государственный комитет Республики Башкортостан по размещению государственных заказов, как и любой другой государственный орган, не должен совершать действий, вызывающих сомнения в его безупречной репутации, а

Насчёт же непосредственно публично-правовых образований (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных единиц) надо отметить: в силу совершенно уникального характера правосубъектности, особых целей существования и выполняемых функций относить их к профессионалам в какой бы то ни было области и, тем более, к предпринимателям нельзя (в литературе обоснованно указывается, что это противоречит публично-правовой природе таких образований⁸²). Из этого следует, что и деловой репутацией такие субъекты не обладают. То же самое касается наций, народов, людей определённой возрастной группы, мировоззренческих убеждений, политических взглядов и иных граждан, составляющих неопределённый или даже определённый круг лиц, не характеризующийся организационным единством⁸³. В теории права справедливо констатируется наличие у описанных социальных групп таких нематериальных ценностей, как честь и достоинство⁸⁴. О.А. Кулиуш пишет о возможности установления факта нарушения личных неимущественных прав неопределённого круга лиц. Заслуживают поддержки рассуждения автора о том, что конкретное лицо-представитель подобной общности, обратившееся за защитой личных прав с исковым заявлением, реализует своими действиями также отстаивание интереса всей социальной группы, хотя такие способы защиты гражданских прав, как взыскание убытков или компенсация морального вреда, для подобных целей неприменимы⁸⁵. Но деловая репутация подразумевает сложившееся в обществе мнение об именно профессиональных качествах своего носителя, а части общества, не являющиеся юрлицами, нельзя полагать единым субъектом-профессионалом в какой-либо сфере деятельности, поэтому

также подрывающих авторитет государственной власти». (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 ноября 2014 г. № 18АП-11959/2014 по делу № А07-801/2014. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

⁸² См.: Кулиуш О.А. Указ. соч. С. 11 – 19. См. также: Определение Конституционного Суда РФ от 1 октября 1998 г. № 168-О «По запросу Администрации Московской области о проверке конституционности части первой п. 1 и п. 2 ст. 1015 Гражданского кодекса РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 1.

⁸³ Нельзя согласить со встречающимися в юридической литературе утверждениями об обратном. См., например: Кузнецов Н.М. Указ. соч. С. 14, 17 – 18; Сахапов Ю.З. Указ. соч. С. 9.

⁸⁴ См.: Малеина М.Н. Защита чести и деловой репутации неопределённого круга лиц // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 173 – 180.

⁸⁵ См.: Кулиуш О.А. Указ. соч. С. 58 – 60.

соответствующие защитные правовые механизмы в данном случае использоваться не могут.

Не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд, и вопрос о моменте возникновения деловой репутации как нематериального блага и права на защиту деловой репутации. Цивилисты тут не проявляют единодушия, связывая эти моменты с разными событиями и обстоятельствами. Так, по мнению Ю.Г. Иваненко, честь, достоинство и деловая репутация относятся к числу приобретённых ценностей и приобретаются делами своего обладателя⁸⁶; А.Ф. Суржик полагает, что моментом возникновения деловой репутации организаций является момент их государственной регистрации⁸⁷; по утверждению А.А. Тимерханова, «субъективное право на деловую репутацию может возникать у каждого конкретного юридического лица только с момента начала осуществления предпринимательской деятельности в соответствии с действующим законодательством»⁸⁸. С точки зрения В.В. Килинкарлова, «деловая репутация появляется не с момента возникновения субъекта (как честь и достоинство), а по прошествии определённого времени с начала профессиональной деятельности, с возникновением мнения о лице», в то время как естественные права на честь, достоинство и деловую репутацию «приходят в мир» одновременно с тем, кому они принадлежат⁸⁹. При этом объектом защиты права на деловую репутацию предлагается считать не её саму, а неприкосновенность последней, интерес в беспрепятственном формировании и использовании деловой репутации⁹⁰.

Комментируя существующее разнообразие воззрений на данный счёт, нужно сразу оговориться: если деловая репутация возникает только после того, как организация или ИП проявит себя в деле, то и честь как публичная характеристика субъекта должна возникать не с началом его жизни, а после его

---

⁸⁶ Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 19 – 20.

⁸⁷ Суржик А.Ф. Указ. соч. С. 30.

⁸⁸ Тимерханов А.А. Деловая репутация юридического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8.

⁸⁹ Килинкарлов В.В. Указ. соч. С. 32 – 33.

⁹⁰ См.: Килинкарлов В.В. Указ. соч. С. 12, 155 – 157.

первых общественных взаимодействий, после очерчивания его социально значимых качеств, отражающихся в поступках, поведении гражданина. Что же касается достоинства, при понимании под ним минимального уважения общества к любому индивиду, возникать оно, несомненно, должно с рождением человека; если же расшифровывать достоинство как самооценку личности, вероятно, его возникновение следует связывать с появлением у ребёнка способности к рефлексии⁹¹. Рассуждения в рамках изложенной логики имеют под собой заслуживающие внимания аргументы, однако если отталкиваться от них, момент возникновения нематериального блага (причём не только деловой репутации, но и чести с достоинством) становится довольно неопределённым. Неоднозначными будут взгляды на то, насколько продолжительно должна осуществляться предпринимательская (или какая-либо иная) деятельность, чтобы в обществе успела сформироваться необходимая оценка деловых качеств субъекта.

Однако если с момента возникновения субъект имеет право на формирование своей деловой репутации, а последнюю формируют любые относимые к ней сведения, возможно, изначально деловая репутация представляет собой отсутствие сведений, характеризующих её носителя отрицательно (или являющихся почвой его высокой оценки): добросовестность субъектов гражданских отношений презюмируется. Тогда деловая репутация как нематериальное благо в момент появления лица, имеющего на неё право, представляет собой своеобразный «чистый лист». Дополнительно необходимо согласиться с тем, что представления о качестве профессиональной деятельности предприятия, о котором после его учреждения мало что известно, формирует характеристика учредивших его юридических и физических лиц⁹². Таким образом, часто определённый задел, материал для составления имиджа юрлица имеется уже непосредственно после его создания. Представим, что ложные порочащие сведения распространены о едва зарегистрированной компании, – вряд

---

⁹¹ Рефлексия (от лат. reflexio – обращение назад) – мыслительный процесс, направленный на самопознание, анализ своих способностей, поведения, состояний, эмоций и чувств.

⁹² См.: Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 20.

ли справедливо отрицать вред её деловой репутации на основании несформированности (отсутствия) последней. Думается, верно говорить о том, что субъективное право на деловую репутацию и она сама как нематериальное благо организации или гражданина-предпринимателя возникают одновременно в момент соответствующей государственной регистрации. В этот момент деловая репутация может рассматриваться в качестве оценки, сформированной на основе информации о лицах-учредителях, условиях (обстоятельствах) учреждения юрлица, заявленных целях деятельности субъекта или просто отсутствия его негативных характеристик. Такой подход представляется наиболее определённым, однозначным и гарантирующим надёжную правовую защиту рассматриваемой нематериальной ценности.

1.1.4. Деловая репутация и гудвилл: сравнительная характеристика.

Последние десятилетия, отмеченные глобализацией мировой экономики, сопровождаются достаточно активным обращением к возможностям заимствования положительного зарубежного опыта регулирования общественных отношений, что (при разумном подходе и выверенной адаптации к особенностям отечественных правовых традиций и реалий) можно только приветствовать. К одному из выразительных проявлений обозначенной тенденции в части защиты прав на нематериальные блага юрлиц и ИП относится введение российскими юристами в употребление термина «гудвилл», использующегося в странах англосаксонской правовой семьи и в 90-е годы ещё отсутствовавшего в подавляющем большинстве издаваемых в России словарей иностранных слов. Каково смысловое наполнение этого понятия и как оно соотносится с понятием деловой репутации бизнеса, предпринимателей?

Рецепция категории гудвилл так свежа, что в настоящее время её результаты нельзя назвать устоявшимися, а её процесс – завершённым. Первым свидетельством этого является отсутствие единообразно воспринятого варианта написания, однозначной орфографии слова. Нередко в одном и том же источнике (в частности, в тезаурусах) приводится сразу несколько версий письменного воспроизведения термина (гудвилл, гудвилл, гудвил). Е.А. Ершова, ссылаясь на

работы лингвистов⁹³, предлагает не адаптировать слово к нормам русского языка, а употреблять как несклоняемое существительное иностранного происхождения с соблюдением правописания: «гудвилл»⁹⁴. Позиция автора представляется разумной, равно как и приводимая в её обоснование следующая аргументация. Отсутствие в когнитивной базе языка-рецептора соответствующего понятия (а в российском гражданском праве нет понятия «гудвилл» с тем смысловым содержанием, которое оно имеет за рубежом) является в соответствии с правилами заимствования иностранных слов в русском языке основанием для перенесения на его почву нового слова в первоначальном состоянии. Поэтому в настоящей работе используется наиболее близкий по написанию к оригиналу, несклоняемый вариант literalного оформления лексической единицы⁹⁵.

Однако на вопросах орфографии противоречия не заканчиваются, а простираются далее, на сферу семантики слова. Буквально «гудвилл» переводится с английского языка как «добрая воля». В словаре экономических терминов рассматриваемому понятию даётся следующее определение: активы, капитал фирмы, не поддающийся материальному измерению, например, престиж, деловая репутация, техническая компетенция, связи, маркетинговые приёмы, клиенты и кадры компании, влияние и прочее⁹⁶.

Сегодня в России понятие «гудвилл» рассматривается, прежде всего, через призму хозяйствования, бухгалтерского учёта, оценочной деятельности⁹⁷;

---

⁹³ См.: Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Владивосток: Диалог-МГУ, 1997; Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни. Русский язык конца XX столетия. М.: 1996. С. 132 – 135.

⁹⁴ Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса. М.: Статут, 2013. С. 13.

⁹⁵ Высказываются, однако, и пожелания закрепить непривычный термин в «обрусевшем» виде. Так, например, Я.В. Соколов пишет: «Есть в русской природе усталая нежность». И согласные в конце русских слов не удваиваются. Гудвилл - это наш варваризм, слово, проникшее из английского в наш язык и ставшее чисто русским». (См.: Соколов Я.В. Гудвилл - большая новость // БУХ. 1С. 2005. № 7. С. 42 – 43). См. также: Иванов А.Е. Генезис нормативного регулирования учета гудвилла: движение к гармонизации // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 34. С. 10 – 11; Иванов А.Е. Деагрегация гудвила и оценка его компонентов - актуальная научная задача // Аудиторские ведомости. 2016. № 2. С. 68.

⁹⁶ Тут же указывается, что гудвилл не имеет самостоятельной рыночной стоимости и играет роль главным образом при поглощениях и слияниях. (Борисов А.Б. Большой экономический словарь. Изд. 2-е переработанное и дополненное. М.: Книжный мир, 2009. С. 156).

⁹⁷ Категория «гудвилл» используется в Международном стандарте финансовой отчетности (IFRS) 3 «Объединения бизнесов», введенном в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28 декабря 2015 г. № 217н (в приложении к документу она определяется как актив, представляющий собой будущие экономические выгоды, являющиеся результатом других активов, приобретенных при объединении бизнесов, которые не идентифицируются и не признаются отдельно), а также с дополнительной буквой «л»

большинство отечественных научных работ, касающихся этого феномена, является заслугой экономистов⁹⁸. Между тем несомненна необходимость исследования гудвилл и с позиций юриспруденции, в качестве правового явления⁹⁹.

Как отмечается в литературе, «пальма первенства в разработке доктрины гудвилл, бесспорно, принадлежит странам общего права»¹⁰⁰, причём первое упоминание гудвилл в свете теории бизнеса относят ещё к XVI веку: в 1571 г. новый термин прозвучал на лекции по бухгалтерскому учёту в Лондоне, в школе экономических и политических наук. Следующее знаковое напоминание научной общественности о гудвилл связывают с лекцией бухгалтера Френсиса Мора, которую он прочитал в 1891 г. в Эдинбурге коллегам, недавним студентам, попутно заметив, что не представляется возможности цитировать какого-нибудь автора, имеющего работы по указанной теме, в связи с полным отсутствием информации по предмету. На рубеже XIX – XX веков рост промышленности, увеличение числа акционерных обществ, формирование требований, связанных с

в написании – в утверждённой Приказом Росстата от 3 июля 2015 г. № 296 годовой форме № 11-НА «Сведения о наличии, движении и составе контрактов, договоров аренды, лицензий, маркетинговых активов и гудвилла (деловой репутации организации)», подразумевающей синонимичность понятий «гудвилл» и «деловая репутация организации». ПБУ 14/2007 оперирует последним термином, не апеллируя к первому.

⁹⁸ См., например: Акатьева М.Д. Репутационный риск: оценка современного теоретико-понятийного аппарата // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 20. С. 16 – 29; Борзунова О.А. Гудвилл: хорошую репутацию нельзя потрогать, но можно обложить налогами // Налоговый вестник. 2009. № 6. С. 115 – 118; Генералова Н.В., Попова Е.Ю. Анализ научных публикаций по учету гудвилла в российской и международной периодике за 1990 - 2014 гг. // Аудиторские ведомости. 2015. № 2. С. 63 – 72; Климашина Ю.С. Альтернативный подход к учету деловой репутации организаций // Аудитор. 2015. № 10. С. 42 – 49; Кравченко П.И. Оценка гудвилла предприятия на региональном рынке: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2006; Кузубов С.А. Гудвилл как объект учета: истоки происхождения // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 2. С. 12 – 20; Плотников В.С., Плотникова О.В. Оценка обесценения гудвилла и возмещение потерь от обесценения в консолидированной финансовой отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 5. С. 25 – 37; Савельев А.С. Оценка гудвилла компаний как инструмент принятия управленческих решений: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008; Хоружий Л.И. Гудвилл в бухгалтерском учете и бухгалтерской отчетности организаций АПК // Бухучет в сельском хозяйстве. 2014. № 2. С. 39 – 49.

⁹⁹ Некоторые из немногих проливающих в этом смысле свет на загадочное понятие «гудвилл» трудов юристов: Ворожевич А.С. Незаконное использование товарного знака: понятие, меры ответственности // Вестник гражданского права. 2015. № 6. С. 7 – 46; Ершова Е.А. Гудвилл: основные проблемы и противоречия // Сб. ст. «Основные проблемы частного права» / Отв. Ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. С. 240 – 252; Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожевич, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2015; Филиппова С.Ю. Фирменное право России. М.: Статут, 2016. Весьма обстоятельно правовые аспекты гудвилл проанализированы в книге Е.А. Ершовой «Гудвилл бизнеса» (М.: Статут, 2013).

¹⁰⁰ Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожевич, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

документальным подтверждением наличия гудвилл на счетах компании, появление мошеннических схем, связанных с неоправданным увеличением его стоимости, и проблемы налогообложения стимулировали изучение института гудвилл в Великобритании и в США¹⁰¹. До настоящего времени исследователи, прилагающие усилия к разгадке тайны как экономической, так и правовой стороны сущности гудвилл, вынуждены тщательно анализировать англоязычные первоисточники и прецедентную практику стран общего права.

А.Е. Иванов сравнивает гудвилл как понятие, фигурирующее в международных и национальных стандартах финансовой отчетности, с «чёрным ящиком», имея в виду, что объясняется, сколько он стоит, но не даётся представления о том, из чего он состоит¹⁰². Гудвилл получил такие определения, как «благоприятное отношение к предприятию», «приманка места» (the lure of the place), «импульс покупательской активности», «правовое и экономическое признание привычек покупателей», «сила притяжения», которой обладает конкретный бизнес¹⁰³, «количественное выражение качественных преимуществ»¹⁰⁴, «нематериальные активы организации, совокупность которых составляет ту незримую «личность» организации, которая и позволяет отличать одну компанию от другой»¹⁰⁵. Экономико-правовой литературе известны различные классификации гудвилл¹⁰⁶.

---

¹⁰¹ См.: Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса. М.: Статут, 2013. С. 14 – 16.

¹⁰² См.: Иванов А.Е. Деагрегация гудвила и оценка его компонентов - актуальная научная задача // Аудиторские ведомости. 2016. № 2. С. 68 – 87.

¹⁰³ Подобные примечательные характеристики приводятся в юридической литературе (Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса. М.: Статут, 2013. С. 12; Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожечин, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс») со ссылками на работы иностранных авторов разных периодов (Nelson R.H. The Momentum Theory of Goodwill // The Accounting Review. 1953. Vol. 28. No. 4. P. 491 – 499; Comm'rs of Inland Revenue v. Muller & Co's Margarine, Ltd. [1901]. A.C. 217, 223; A. Bourjois & Co. v. Katzel, 260 U.S. 689 (1923); McCarthy J.T. McCarthy on Trademarks and Unfair Competition. § 2:15 (ed. 2004); Spence M. Intellectual Property. Oxford, 2007. P. 225).

¹⁰⁴ Зайчатникова Е. Деловая репутация компании // Аудит и налогообложение. 2002. № 10. С. 34.

¹⁰⁵ Настольная книга руководителя организации: правовые основы / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁶ Так, например, Ю.А. Иноземцева различает внешний гудвилл (ресурсы, которые не признаются в отчетности организации в качестве активов, не относятся к идентифицируемым, т.е., не принадлежат организации на каком-либо юридическом основании и их нельзя отделить от неё, чаще всего не контролируются организацией и не обладают достоверно оцениваемой себестоимостью) и внутренний гудвилл (разница между ценой приобретения компании и рыночной стоимостью приобретенной доли её чистых активов). (См.: Иноземцева Ю.А. Сколько стоит доброе имя // Главная книга. 2014. № 8. С. 71 – 74).

Элементы, составляющие гудвилл, в представлениях разных авторов варьируются. Весьма полный их перечень зафиксирован по итогам внушительного анализа работок британских и американских учёных, выполненного Е.А. Ершовой, включающей в систему гудвилл бизнеса, которая создаёт определённый его образ, воспринимаемый рынком, следующие компоненты: приобретённую деловую репутацию в глазах потребителей услуг (продукции) и рынка, фактическое положение бизнеса на рынке, установившиеся деловые связи бизнеса, качество производимой продукции и предоставляемых услуг, сложившуюся клиентуру, имидж управляющего персонала (личный гудвилл)¹⁰⁷, личные и профессиональные качества, квалификацию сотрудников, доброжелательные трудовые отношения¹⁰⁸, первоклассные тренинговые компании для сотрудников, наработанные многолетним трудом связи в различных инстанциях, контакты с другими компаниями, деловой потенциал бизнеса, возможность приобретения новых связей и заключения новых контрактов, наличие внеконтрактных отношений с потенциальными заказчиками, возможность получения лицензий, расширяющих и укрепляющих бизнес,

---

А в научно-практическом пособии под редакцией М.А. Рожковой описывается сложившаяся на основе бихевиористско-психологического (учитывающего позиции потребителей) подхода к пониманию гудвилл классификация поведения клиентов в соответствии с их привязанностью и лояльностью. Таким образом, выделены четыре разновидности гудвилл: кошачий, собачий, крысиный и кроличий. В пособии раскрывается содержание таких «зоологических» разновидностей гудвилл, обусловленных поведением названных животных. «Кошачий гудвилл (привязанность к дому) признается в случае, когда потребители остаются клиентами той же компании и после ухода из этой компании обладателя личного гудвилл (в качестве примеров обычно рассматриваются рестораны, гостиницы, магазины). Собачий гудвилл (привязанность к хозяину) - это гудвилл, создание которого влечет уход потребителей из компании вслед за обладателем личного гудвилл, во вновь созданную им компанию (обладателем личного гудвилл может выступать известный изобретатель, повар, модельер и т.п.). Крысиный гудвилл (отсутствие привязанности к человеку или месту) - это гудвилл, сформировавшийся случайно, без учета каких-либо критериев (в литературе отмечается, что он не имеет ценности). Кроличий - это гудвилл, обусловленный близостью (удобством) расположения бизнеса компании (его ценность также невелика, поскольку признается, что здесь существует только вероятность того, что старые клиенты будут привязаны к старому месту)». (См.: Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожевич, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰⁷ Дж.Р. Кэтлетт и Н.О. Олсон, на чью работу («Бухгалтерский учёт гудвилл») среди прочих ссылается автор, выделяют в качестве составляющих гудвилл не только сильную управленческую команду и выдающегося менеджера по продажам или отдел продаж, но и слабость менеджмента конкурирующих компаний и неблагоприятное развитие бизнеса конкурентов, благоприятные для бизнеса налогообложение и нормативно-правовое регулирование. Таким образом, в орбиту гудвилл оказываются вовлечёнными даже обстоятельства, напрямую к характеристике соответствующего бизнеса не относящиеся.

¹⁰⁸ По уместному замечанию Ю.А. Иноземцевой, некоторые российские специалисты по трудовым ресурсам полагают, что в нашей стране здоровая атмосфера в организации является более действенным фактором повышения производительности труда работников, чем материальные стимулы. (См.: Иноземцева Ю.А. Указ. соч. С. 72).

хорошие связи с административными органами (административный ресурс), стратегическое местоположение и имя бизнеса, товарные знаки, фирменные наименования и бренды, базы данных, особые ноу-хау, секреты производства и секретные формулы, патенты, авторские права, договоры франчайзинга, незарегистрированные товарные знаки, незапатентованные технологии, доступ к высоким технологиям, организационные расходы, расходы на развитие бизнеса, возможность получения сверхприбылей, эффективную рекламу и прочее, а также возможность оперировать этими элементами в различных гражданско-правовых сделках¹⁰⁹.

Очевидно, что понятие «гудвилл» гораздо шире по значению, чем рассмотренное в настоящем параграфе традиционное для российского гражданского права понятие «деловая репутация». Характерно и то, что учёными используется словосочетание «деловая репутация бизнеса», более пространное и менее точное, чем, допустим, термин «деловая репутация юридического лица»; первое, логично полагать, вбирает в себя также деловую репутацию работников, учредителей и даже контрагентов (например, поставщиков) организации. По точному обобщению Е.А. Ершовой, гудвилл подразумевает не только деловую репутацию бизнеса в чистом виде, но и те аспекты, из которых она складывается¹¹⁰. Деловая репутация является, несомненно, крайне важным, и, справедливо считать, даже основополагающим, но не единственным «ингредиентом» гудвилл, наряду с ней «в рецепте» наличествует немалое множество движущих сил, свойств бизнеса и обстоятельств, в которых он существует. Поэтому распространённое отождествление деловой репутации и гудвилл ошибочно. Эксплуатация термина «деловая репутация» как синонима термина «гудвилл» грозит одним из двух: либо необоснованным расширением содержания первой категории, либо неоправданным сужением содержания

---

¹⁰⁹ См.: Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса. М.: Статут, 2013. С. 10, 13, 25 – 27, 92. Исследователь, в свою очередь, опирается на результаты научных изысканий, представленные в следующих трудах: Nelson R.H. The Momentum Theory of Goodwill // *The Accounting Review*. 1953. Vol. 28. № 4. P. 491 – 499; Catlett G.R., Olson N.O. Accounting for Goodwill. AICPA; Accounting Research Study. 1968. № 10; Falk H., Gordon L.A. Imperfect Market and Nature of Goodwill // *Journal of Business Finance and Accounting*. 1977. Vol. 4. № 4. P. 443 – 457.

¹¹⁰ Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса. М.: Статут, 2013. С. 91.

второй. Чёткое уяснение смысла обоих слов необходимо для искоренения заблуждений на их счёт и формирования корректного понятийного аппарата доктрины и законодательства.

Таким образом, подводя итог данному параграфу, следует отметить, что деловая репутация представляет собой мультиаспектное, многогранное явление, имеющее, прежде всего, социологическую, а также философскую, экономическую, правовую и даже деонтологическую составляющие, ни одну из которых нельзя игнорировать.

Неоспоримая коммерческая ценность деловой репутации для организаций и ИП (как и её имущественная ценность для любых граждан-профессионалов) сочетается с невозможностью вывести её точный денежный эквивалент. При неизбежности вести речь об отчуждении права *использования* деловой репутации нельзя согласиться с допущениями отчуждения её самой. Это утверждает в квалификации деловой репутации как нематериального блага с особыми свойствами и важнейшего нематериального актива юрлиц и ИП. *Деловую репутацию справедливо определять как нематериальное благо гражданина или юрлица, состоящее в общественной оценке его деловых качеств в любой сфере его профессиональной деятельности.*

За родственными понятию деловой репутации понятиями чести и достоинства возможно закрепить следующие определения. *Честь – нематериальное благо гражданина, состоящее в даваемой обществом личности гражданина положительной оценке, обусловленной уникальным сочетанием её индивидуальных характеристик (деяний, качеств, способностей). Достоинство – нематериальное благо гражданина, состоящее в положительной самооценке, а также в стандарте уважительного отношения со стороны общества и его отдельных членов, основанного на моральном равенстве граждан. Термин «доброе имя» тождественен понятию чести, не обладает самостоятельным значением, а потому заслуживает исключения из норм ГК РФ.*

Обладателями права на деловую репутацию являются любые юрлица, вне зависимости от их вида и организационно-правовой формы, а также физические

лица, профессионально занимающиеся какой-либо деятельностью (необязательно связанной с систематическим извлечением прибыли, хотя для ИП деловая репутация имеет особое значение). Субъективное право на деловую репутацию и она сама как нематериальное благо организации или ИП возникают одновременно в момент государственной регистрации субъекта права.

Понятие «гудвилл» шире по значению, чем традиционное для российского права понятие «деловая репутация». Последняя – безусловно, крайне значимый, основной, цементирующий, но далеко не единственный элемент гудвилл. Верное толкование и точное употребление правовой терминологии – залог создания эффективных норм закона, а также стройных научных концепций.

§ 1.2. Правовая природа и сущность диффамации

1.2.1. Диффамация и её юридические последствия в гражданском праве и иных отраслях отечественного права. Исследование проблем защиты права на деловую репутацию невозможно без подробного рассмотрения юридической категории «диффамация», используемой для обозначения самого распространённого и выразительного варианта умаления этого нематериального блага юрлиц, а также граждан, как являющихся, так и не являющихся предпринимателями.

В российском гражданском праве давно обособился институт защиты от диффамации¹¹¹; в литературе в последнее время всё чаще встречаются слова «диффамационное право»¹¹². Термин «диффамация» на слуху у юристов и

---

¹¹¹ Понятие диффамации хорошо известно и продолжает изучаться за рубежом; находит развитие законодательная регламентация возникающих в связи с диффамацией общественных отношений. См., например: Miller R.J., Jentz G.A. *Business Law Today: The Essentials*. Institute for University Studies, Arlington, Texas. 2014. P. 115; Parkinson M.G., Parkinson L.M. *Law for advertising, broadcasting, journalism, and public relations*. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Routledge, MahWah, New Jersey. 2006. P. 273; Lamoureux E.L., Baron S.L., Stewart C. *Intellectual property law and interactive media: free for a fee*. Peter Lang Publishing, Inc., New York. 2009. P. 190; Howard S. (15 March 2007). *Defamation of corporate entities in England*. Lexology. URL: <http://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=405621d2-ac5c-48b4-92d0-b161421b7476> (дата обращения: 20 марта 2017 г.); Lane S. *Defamation Act 2013: what scientists need to know*. URL: <https://www.timeshighereducation.com/comment/opinion/defamation-act-2013-what-scientists-need-to-know/2010434.article> (дата обращения: 5 февраля 2017 г.).

¹¹² См., например: Потапенко С.В. *Диффамационное право. Гражданско-правовой аспект: Учебное пособие*. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2007. – 204 с.; Свинцова М.В. *Сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию граждан и юридических лиц // Судья*. 2014. № 4. С. 29 – 33.

не только, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дать ему однозначную интерпретацию не так-то просто: от официального закрепления термина и его разъяснения отечественный законодатель отказался, а зарубежные легальные определения, а также определения, даваемые учёными прошлого и настоящего, имеют существенно отличающееся друг от друга содержание. Как грамотно расставить точки над «i», стремясь к установлению единообразного понимания юридического термина «диффамация»? Необходимо ли его раскрытие в гражданско-правовых нормах, а если необходимо, то как именно оно должно выглядеть? Ответам на эти и другие вопросы посвящён настоящий параграф.

ГК РФ в актуальной редакции ни разу не воспроизводит термин «диффамация», однако фактически обеспечивает правовым регулированием общественные отношения, связанные с противоправным деянием, обозначаемым этим понятием в соответствии сразу с несколькими вариантами интерпретаций (ложные порочащие сведения, любые ложные сведения). Не считая самых общих норм о защите гражданских прав, правила, так или иначе сопряжённые с категорией диффамации, сосредоточены в главе 8 ГК РФ («Нематериальные блага и их защита»).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»¹¹³ (далее – Постановление ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3) отмечается, что используемое Европейским судом по правам человека (далее – Европейский Суд) в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 ГК РФ.

Приходится констатировать, что в связи с имеющим ныне место бурным развитием отношений по защите нематериальных благ степень разработанности гражданско-правовой наукой понятия «диффамация» нельзя признать достаточной. Несмотря на то, что указанный термин исследовался в российском

---

¹¹³ Российская газета. 2005. № 50; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

праве сравнительно долгий период времени, учёный, который поставит цель однозначно расшифровать его, столкнётся со значительными трудностями.

Различное понимание диффамации в законодательстве разных стран и в разные исторические эпохи развития отечественного законодательства отчасти объясняют отсутствие солидарности на этот счёт и у современных правоведов. Так, О.Ш. Аюпов выделяет два вида диффамации: полную и усечённую, понимая под полной распространение не соответствующих действительности сведений порочащего характера, а под усечённой – распространение любых не соответствующих действительности сведений¹¹⁴. А.А. Смирнова определяет диффамацию как нарушение чести, достоинства, репутации, доброго имени, а в отдельных случаях – также личной и (или) семейной тайны лица, путём распространения порочащих сведений, имеющих фактический персональный характер (под последним в данном случае понимается отсутствие в распространённых сведениях содержания, значимого для нормального функционирования общества). Причём ложность распространяемых сведений не рассматривается в качестве обязательного элемента диффамации, которая, по мнению автора, может проявляться как в распространении ложных (в том числе заведомо ложных) сведений, так и в оглашении правдивой информации (например, составляющей личную или семейную тайну лица)¹¹⁵.

Даже юристу легко запутаться в подобном семантическом плюрализме. Думается, внесение ясности в этот вопрос на уровне закона, разъяснения высшего судебного органа могло бы сгладить напряжённость доктринальных споров о содержании понятий гражданско-правовой и общеправовой диффамации, а главное, закрепить логичную, много более простую для понимания категориальную систему в сфере защиты прав на честь, достоинство и деловую репутацию, которая будет способствовать единообразию и эффективности правоприменения.

---

¹¹⁴ Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 8.

¹¹⁵ Смирнова А.А. Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9. С. 7 – 10.

Надо признать, что целый ряд правовых явлений, удостоившихся в последнее время внимания практиков и ученых, описывается с помощью разнообразных комбинаций многочисленных и зачастую лишних слов – для этих явлений просто нет ёмких лаконичных названий ни в законе, ни в доктрине. Поставив задачу определить, в каких терминах и дефинициях нуждаются сегодня отечественные гражданское законодательство и цивилистика, справедливо начать как раз с диффамации.

Анализ конструкций действующего законодательства, позиций Верховного Суда РФ, актов Европейского Суда, а также классических и новейших научных подходов к рассматриваемой категории даёт основание закрепить за сведениями, распространение которых квалифицируется как диффамация, признаки порочности и ложности (их наличие обязательно должно быть одновременным) и сформулировать следующее понятие.

Диффамация в праве – это правонарушение (гражданско-правовой деликт, проступок или преступление), выражающееся в распространении не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (деловую репутацию юрлица). В настоящей работе диффамация рассматривается как нарушение норм гражданского права (и одновременно субъективного права и охраняемого законом интереса конкретного лица), состоящее в распространении не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (деловую репутацию юрлица).

Но наряду с гражданско-правовыми, диффамация может иметь уголовно-правовые и административно-правовые последствия¹¹⁶. В уголовном и административном праве России диффамация представлена главным образом составами клеветы и оскорбления из соответствующих отраслей

---

¹¹⁶ Статьи 186 и 188 Уголовного кодекса Германии, гл. 5 Уголовного кодекса Швеции, ст. 212 Уголовного кодекса Польши, ст.ст. 239 и 241 Уголовного кодекса Албании, ст. 184 Уголовного кодекса Чехии предусматривают наказание за диффамацию в виде лишения свободы. (Цит. по: Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожечин, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

законодательства¹¹⁷. Главным образом – потому, что в Уголовном кодексе Российской Федерации¹¹⁸ (далее – УК РФ), помимо ст. 128.1, предусматривающей ответственность за клевету, понимаемую как распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, есть ст. 336, устанавливающая санкции за оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы, а в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях¹¹⁹ (далее – КоАП РФ) в дополнение к ст. 5.61, предусматривающей ответственность за собственно оскорбление, толкуемое как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, имеется ст. 20.1, содержащая состав мелкого хулиганства, которое определяется как нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся, в частности, нецензурной бранью в общественных местах или оскорбительным приставанием к гражданам¹²⁰.

Стоит отметить «метания» законодателя при закреплении норм о клевете и оскорблении в обозначенных законах. Не так давно оба названных деяния квалифицировались как преступления, затем были декриминализованы, а касающиеся их правила перекочевали в КоАП РФ. В конце концов, оскорбление оставили административным правонарушением, а клевету снова поместили

---

¹¹⁷ См.: Индербиев Д.С. Трансформация законодательных подходов к регламентации ответственности за распространение порочащих личность измышлений в российском уголовном праве (1922 - 2012 гг.) // Российский следователь. 2014. № 6. С. 19 – 23; Прохорова М.Л., Индербиев Д.С. Законодательное описание основного и квалифицированных составов клеветы: перспективы совершенствования // Российский следователь. 2014. № 8. С. 19 – 22; Мещерякова Т.Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 46 – 49; Симонова И.С. О некоторых особенностях обеспечения законности при привлечении граждан к административной ответственности за оскорбление // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 69 – 72; Тарасенкова А.Н., Зайцев А.А. Жизнь без конфликтов: добрососедство и закон. М.: Редакция «Российской газеты», 2016. Вып. 9; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁰ Примечательно, что как в УК РФ, так и в КоАП РФ законодатель учёл многократно увеличивающийся урон, наносимый нематериальным благам жертвы правонарушения при распространении недостоверных сведений с помощью СМИ: оба кодекса предусматривают квалифицированные составы клеветы и оскорбления, содержащихся «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации» (п. 2 ст. 128.1 и п. 2 ст. 5.61 УК РФ и КоАП РФ соответственно), а п. 3 ст. 5.61 КоАП РФ вдобавок ко всему предостерегает от непринятия мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или СМИ.

в сферу ведения УК РФ, введя в него для этого Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ очередную новую статью. Подробно не вдаваясь в хронологию приведённых поправок, заметим лишь, что такая «непостоянность» законодателя указывает на условность подразделения публично-правовой диффамации на уголовно-правовую и административно-правовую; основания, по которым оно проводится, носят в значительной степени формальный характер. И всё же пристальнее рассмотрим различия между ними, исходя из той схемы, которую предлагает актуальная редакция законодательства.

По каким же критериям разграничивать отраслевые виды диффамации, чтобы сравнение было грамотным? Во-первых, нельзя не обратить внимание на то, что они несколько не совпадают друг с другом уже в объекте. Если при административно-правовой диффамации (оскорблении) нарушитель посягает лишь на честь и достоинство другого лица, то при уголовно-правовой диффамации в форме клеветы может также подрываться репутация потерпевшего; гражданско-правовая диффамация предполагает «очернение» чести, достоинства и – по формулировке закона – именно деловой (относящейся к профессиональной деятельности потерпевшего) репутации.

Второй весьма важный критерий – вина. Клевета в ст. 128.1 УК РФ описывается как распространение заведомо ложных порочащих сведений (недаром иногда она именуется «преднамеренной» или «умышленной» диффамацией), а значит, одним из оснований ответственности нарушителя при диффамации в уголовно-правовом варианте является вина в форме умысла. Нормы КоАП РФ, касающиеся оскорбления, о форме вины ответственного лица умалчивают, но и при административно-правовой диффамации, без сомнения, вина в обязательном порядке должна быть установлена. Что же касается юридической ответственности за гражданско-правовую диффамацию, то она может наступать и независимо от вины лица, распространившего ложную нелицеприятную информацию (это следует из ст. 1100 ГК РФ, предусматривающей компенсацию морального вреда в указанном случае без привязки к вине причинителя такого вреда).

Наконец, третье, естественным образом вытекающее из отраслевой принадлежности соответствующих норм отличие – виды санкций, грозящих нарушителю. Уголовно-правовая ответственность представлена в основном штрафами, а также обязательными работами; в случае с оскорблением военнослужащего, тоже являющимся преступлением, это ограничение по военной службе или содержание в дисциплинарной воинской части. Административно-правовая ответственность также по существу выражается в штрафах, а если говорить о мелком хулиганстве, которое, как было рассмотрено, также вбирает в себя элемент оскорбления, возможен административный арест. Гражданско-правовая ответственность при диффамации предлагает гораздо большую вариативность в санкциях: она позволяет активировать целый набор специфических мер, зафиксированных в ст. 152 ГК РФ (публикация опровержения, ответа, возмещение убытков, компенсация морального вреда и т.д.). Такая полярность форм реагирования правовых норм различной отраслевой принадлежности на диффамацию закономерна, если учитывать соотношение функций юридической ответственности в отраслях публичного и частного права (в первом случае прежде всего выполняется карательная функция, во втором же главное – максимально компенсировать нанесённый потерпевшему урон или восстановить его положение до нарушения его прав). Кроме того, ответственность за диффамацию в гражданском праве – это всегда ответственность одного участника гражданского правоотношения перед другим, тогда как диффамация в административном и в уголовном праве имеет в виду ответственность нарушителя перед государством¹²¹.

Таким образом, диффамация может проявляться в нарушении норм административного права, состоящем в унижении чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме (оскорбление), а также в нарушении норм уголовного права, состоящем в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (клевета), а также в оскорблении (унижении чести и достоинства,

---

¹²¹ Гражданское право. Том 2. Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2011. С. 646.

выраженном в неприличной форме) одним военнослужащим другого при исполнении обязанностей военной службы.

В п. 6 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 выделено: если действия лица, распространившего не соответствующие действительности порочащие сведения, содержат признаки преступления, предусмотренного ст. 129 УК РФ (клевета), потерпевший вправе обратиться в суд с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности, а также предъявить иск о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства. При этом отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 129 УК РФ, прекращение уголовного дела, если оно было возбуждено, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска. Таким образом, одни и те же действия, будучи способными нарушить нормы сразу двух отраслей права, могут влечь и уголовно-правовую (административно-правовую), и гражданско-правовую ответственность, образуя состав диффамации в обеих отраслях. Вместе с тем судьба заявления о привлечении к уголовной (административной) ответственности и гражданского иска могут сложиться по-разному, они получают совершенно самостоятельное развитие.

Если же обратить внимание на количественное соотношение дел о клевете, оскорблении и гражданско-правовой диффамации, последние составляют подавляющее большинство. Думается, эта фиксируемая правоприменителями тенденция не случайна. В силу специфики функций гражданско-правовой ответственности в сравнении с тем, что имеет место в отраслях публичного права, ст. 152 ГК РФ предоставляет более привлекательные для потерпевшего от диффамации, более эффективные с точки зрения восстановления его нарушенных субъективных прав способы защиты. Не зря В.А. Тарховым было отмечено, что гражданско-правовая защита чести и достоинства личности была введена отчасти в связи с недостаточностью средств защиты, связанных с наказанием¹²². Речь не идёт об упразднении составов клеветы и оскорбления за ненадобностью, — здесь следует согласиться с теми авторами, которые полагают, что «гражданско-

---

¹²² Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 385.

правовая и уголовно-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации вполне удачно дополняют друг друга, а в большинстве случаев могут и сочетаться, что следует учитывать при квалификации правонарушений»¹²³. Однако нельзя не оценить те очевидные преимущества, которые имеет гражданско-правовая защита от диффамации (они также освещены в научных исследованиях)¹²⁴. Это: 1) первоочередная направленность гражданско-правовой ответственности на максимальное восстановление нарушенных прав потерпевшего с помощью гибкой системы разнообразных правовых средств, рассчитанных на различные обстоятельства совершения диффамации и индивидуальные запросы защищающих свои права лиц; 2) неотвратимость гражданско-правовой ответственности, когда это предусмотрено законом, даже при отсутствии вины распространителя сведений, когда это предусмотрено законом; 3) реакция права на диффамацию в случае неустановления нарушителя (п. 8 ст. 152 ГК РФ допускает в таких обстоятельствах признание распространённых сведений не соответствующими действительности); 4) нераспространение в силу ст. 208 ГК РФ сроков исковой давности на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ за предусмотренными законом исключениями (это подчёркнуто и в п. 14 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3) – при угрозе истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности; 5) возможность обращения требований к законным представителям нарушителей, не обладающих достаточным для самостоятельной ответственности объёмом дееспособности, – учитывая, что уголовная ответственность при невменяемости или недостижении шестнадцатилетнего возраста не наступает; 6) отсутствие в гражданском праве института амнистии, который может быть применён к клеветникам.

В свете изложенного не оставляет сомнений общеправовая значимость института гражданско-правовой диффамации, его практическая востребованность и необходимость его глубокой теоретической разработки.

---

¹²³ Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 78.

¹²⁴ Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 76 – 77, 176.

1.2.2. Диффамация, дезинформация и дискредитация. Цивилистами¹²⁵ давно одобряются идеи защиты добросовестных участников гражданских правоотношений от распространения в отношении них не только порочащих, но и любых ложных сведений, а также от распространения порочащих сведений, пусть и соответствующих действительности, но распространённых в отсутствие требующих того общественных интересов, главным образом – с намерением причинить вред потерпевшему. Думается, подобные мысли звучат здраво и действительно заслуживают поддержки законодателя, которая начала в последнее время проявляться. Так, после вступления в силу 1 октября 2013 г. нового правила п. 10 ст. 152 ГК РФ, введённого Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ, почти все способы защиты, присутствующие в ст. 152 ГК РФ (исключение составляют положения о компенсации морального вреда), «могут быть применены судом также к случаям распространения любых не соответствующих действительности сведений о гражданине, если такой гражданин докажет несоответствие указанных сведений действительности».

Провозглашённая защита от любого обмана видится оправданной: даже если распространённые ошибочные, не соответствующие действительности сведения не порочат чьи-либо честь, достоинство и деловую репутацию сегодня, где гарантии того, что права и законные интересы «героя дезинформации» не окажутся попорчены завтра? Что уж говорить о самом факте злоупотребления правом на свободу слова в подобных случаях, о необходимости его легальной оценки и о предсказуемо небезразличном отношении к факту такого злоупотребления со стороны лица, к которому оно непосредственно относится?

В этой связи следует отметить, что ст. 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»¹²⁶ (далее – Закон РФ «О СМИ») всегда предусматривала право на ответ (комментарий, реплику) в СМИ для гражданина

---

¹²⁵ См., например: Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 8; Смирнова А.А. Указ. соч. С. 7 – 10; Тимерханов А.А. Деловая репутация юридического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9, Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 126 – 127, 131 – 132.

¹²⁶ О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

или организации, в отношении которых в соответствующем СМИ распространены сведения, либо только не соответствующие действительности, либо ещё и ущемляющие права и законные интересы гражданина. На необходимость устранения противоречий в формулировках ст. 152 ГК РФ и ст. 46 Закона РФ «О СМИ» указывалось в юридической литературе, в обоснование чего справедливо приводилась недопустимость ограничения права граждан и организаций на ответ вне зависимости от вида распространённых сведений¹²⁷.

Отдельные исследователи распространение сведений, не носящих порочащего деловую репутацию характера (в том числе положительных), но не соответствующих действительности и затрагивающих интересы того лица, о котором они распространяются, квалифицируют как нарушение неприкосновенности деловой репутации¹²⁸.

Точным для обозначения акта распространения ложных не порочащих сведений, санкционированного сегодня п. 10 ст. 152 ГК РФ, представляется понятие «дезинформация». Введение последнего на законодательном и доктринальном уровне будет способствовать укреплению тематической терминологии, ясности и экономичности изложения правового материала. Удачной видится следующая дефиниция. *Дезинформация* – это распространение любых не носящих порочащего характера, но не соответствующих действительности сведений о гражданине или юрлице. Обязанность по доказыванию факта распространения указанных сведений разумно возложить на того, о ком сведения распространены и кто считает свои права нарушенными таким распространением, а обязанность по доказыванию соответствия сведений обстоятельствам реальной действительности – на их распространителя. Таким образом, бремя доказывания при дезинформации видится верным распределять так же, как и при диффамации (п. 9 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, п. 1 ст. 152 ГК РФ), а не так, как на данный момент это сделано в п. 10

---

¹²⁷ Выдвигались предложения по корректировке ст. 152 ГК РФ в части предоставления гражданам и организациям права на ответ не только в случаях, когда распространённые сведения ущемляют их права и законные интересы, но и когда они лишь не соответствуют действительности. (Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 11).

¹²⁸ Тимерханов А.А. Указ. соч. С. 9.

ст. 152 ГК РФ. Если истец сам распространял о себе ложные данные, например, имел неосторожность похвастаться несуществующими заслугами, а ответчик просто констатировал это (например, публично заявил, что его сосед утверждает, будто является победителем международного конкурса по художественному свисту или прямым потомком М.И. Кутузова), его действия не должны квалифицироваться как дезинформация (она при таких обстоятельствах исходит от истца). Чтобы защититься в этой ситуации, ответчику необходимо лишь доказать факт распространения спорной информации истцом¹²⁹.

В диссертационных исследованиях, касающихся вопросов защиты права на деловую репутацию субъектов гражданских правоотношений, встречаются облечённые в различные формулировки предложения установить гражданско-правовую ответственность и за распространение любых сведений, порочащих чьи-либо честь, достоинство и деловую репутацию – пусть даже и соответствующих действительности¹³⁰.

В самом деле, возможно такое предание гласности некоторых сведений, относящихся к личности гражданина, которое не имеет значения для общества, поскольку разглашаемые сведения не касаются публичных интересов, но которое, однако, способно нарушить душевное спокойствие человека и даже нанести ему психологическую травму. В качестве иллюстраций разглашения подобных сведений обычно приводят (при прочих нормальных условиях) сообщения о тайне происхождения, о наличии неочевидного физического недостатка, увечья, какого-либо «щекотливого» заболевания, о существовании скомпрометировавших себя родственников, компрометирующих связей и т.д. Действующие нормы гражданского законодательства, как отмечается в научной литературе, не позволяют возложить ответственность за распространение порочащих честь,

---

¹²⁹ Когда ответчик свидетельствует, что истец распространял о себе ту или иную информацию (какой бы она ни была, ложной или правдивой), если исходить из доказанности факта распространения информации истцом – ответчик лишь констатирует факт распространения, т.е. исходящие от него сведения правдивы.

¹³⁰ Этот подход в приложении к физическим лицам корреспондирует ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, гласящей: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств». (Всеобщая декларация прав человека. (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. № 67).

достоинство и деловую репутацию сведений на причинителя вреда, если он докажет истинность сообщённой информации, в связи с чем подобные случаи остаются без правового регулирования¹³¹, а потерпевшие – без правовой защиты.

Нельзя отрицать, что в описанных действиях (имеющих все шансы стать реальной причиной чьих-то нравственных страданий) выражается недобросовестная реализация права на пользование информацией и нарушение чужих прав на честь, достоинство и деловую репутацию, а значит, эти действия заслуживают внимания законодателя. Причём мировой практике уже известны занятные казусы. Так, недавно в СМИ сообщалось об иске 18-летней жительницы Австрии, который она обратила к собственным родителям из-за того, что те публиковали в социальной сети Фейсбук её компрометирующие детские фотоснимки (например, те, на которых девочка сидит на горшке, лежит голой в кроватке или где ей меняют подгузники). Истица и её адвокат рассчитывают на компенсацию за причинённые «моральные» страдания и «душевные муки»¹³².

Что же касается распространения порочащих истинных сведений об организациях, то оно, как заключают специалисты, может иметь целью причинить вред юрлицу или ограничить конкуренцию¹³³. Высказываются мысли о введении гражданско-правовых санкций за подобное деяние¹³⁴. Здесь, однако, стоит задуматься. Во-первых, о переживаниях применительно к организации говорить не приходится, а во-вторых, достоин размышления вопрос о том, могут ли негативно влияющие на общественную оценку деловых характеристик юрлица истинные сведения быть безразличны обществу. Не в каждом ли случае распространение таких сведений предполагает интерес многих членов социума? Думается, в силу самой природы организаций не может существовать и такой порочащей их деловую репутацию информации, которая, как в случае с гражданами, относится исключительно к так называемой «личной сфере».

---

¹³¹ Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 125.

¹³² В Австрии такой иск будет рассматриваться впервые, а вот в соседней Франции имеются прецеденты взыскания в подобных случаях штрафов в 45 000 евро и даже назначения года реального тюремного срока. (Родители дочке заплатят за «муки». Газета «Ваш Ореол». 2016. 21 сент. № 38. С. 8).

¹³³ Тимерханов А.А. Указ. соч. С. 9.

¹³⁴ Тимерханов А.А. Там же.

Сведения, компрометирующие сотрудников фирмы, если они касаются выполняемых ею работ или оказываемых ею услуг (поскольку, как известно, юрлицо осуществляет профессиональную деятельность и в целом участвует в деловом обороте через своих работников), сведения о недобросовестности политики компании, о нарушениях при её создании, о связях со скомпрометировавшими себя контрагентами – эта и прочая подобная информация не лучшим образом отражается на деловой репутации организации именно вследствие того, что затрагивает общественные интересы. Поэтому представляется, что нет оснований выделять истинные порочащие деловую репутацию юрлица публичные сообщения, которые стоило бы запретить под угрозой правовой кары, ибо в каждом случае эти сообщения не обходят интересы общества.

Таким образом, приемлемо введение в ст. 152 ГК РФ санкций за распространение лишь таких соответствующих действительности сведений, которые наносят урон деловой репутации (а также чести и достоинству) физических, но не юридических лиц. При этом распространившему рассматриваемые сведения о гражданине должна быть предоставлена возможность избежать ответственности, доказав, что они были распространены в общественных интересах, а это вполне можно представить (например, если речь идёт о публичных фигурах, которые приобретением специального статуса по умолчанию выражают готовность делать значительную часть своей частной жизни достоянием общественности). На истца по делам данной категории справедливо возложить бремя доказывания факта распространения касающихся его сведений и их порочности¹³⁵.

---

¹³⁵ По мнению З.Б. Хавжоковой, нельзя считать, что всякое распространение соответствующих действительности сведений противоправно и должно влечь за собой юридическую ответственность, напротив, «в некоторых случаях распространение правдивых сведений о недостойных действиях субъекта может диктоваться общественными потребностями либо соображениями воспитательного характера». (Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 126 – 127). Анализируя условия, при наличии которых распространение порочащих правдивых сведений является правомерным в законодательстве некоторых зарубежных стран, где нормы о диффамации существуют на протяжении длительного времени, автор приходит к выводу о том, что таковыми (их заимствование российским законодательством оценивается положительно) являются действия, направленные на охрану общественных интересов либо выполнение служебного долга. Указывается на необходимость разумного компромисса между общественными интересами и интересами личности и отмечается, что гражданско-правовая ответственность за распространение сведений, которые порочат честь, достоинство и деловую репутацию лица, «не должна идти

Думается, для более действенного правового регулирования целесообразно выделить распространения правдивых порочащих честь, достоинство или деловую репутацию субъектов гражданских правоотношений сведений в отдельную легальную и доктринальную категорию по причине подлежащих учёту при формулировании соответствующих юридических санкций особенностей описанного деяния, заслуживающего статуса гражданско-правового деликта.

Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова содержит существительное «дискредитация», определяемое как «умаление, утрата значения, авторитета». Глагол «дискредитировать» согласно этому же источнику подразумевает следующее: «неуместными действиями или словами вызывать недоверие к чему-нибудь, умялять чей-нибудь авторитет, значение»; «сообщать о ком-нибудь сведения, подрывающие к нему доверие»¹³⁶. Исходя из приведённой трактовки, именно понятие «дискредитация» наиболее полно передаёт суть проанализированного деяния (распространения истинных порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведений), в то время как гражданское законодательство и наука гражданского права нуждаются в термине для ёмкого обозначения последнего (особенно имея в виду перспективу закрепления в ГК РФ нового правонарушения). Слово «дискредитация» видится оптимальным для того, чтобы стать таким термином, хотя автор не исключает, что в дальнейшем доктрина и законодательство найдут и иные удачные варианты его обозначения.

Применимыми при дискредитации так же, как и при дезинформации, будут почти все специальные способы защиты прав ст. 152 ГК РФ за естественными исключениями: абсурдно выглядело бы требование об опровержении интересующих истца порочащих, но истинных сведений, как и, разумеется, требование о признании распространённых истинных сведений не соответствующими действительности. Пригодиться в описанных обстоятельствах может ответ (реплика), если гражданин захочет дополнить или

вразрез с необходимостью соблюдать свободу слова и право на информированность в обществе». (Указ. соч. С. 131 – 132). Подобные рассуждения видятся вполне резонными.

¹³⁶ Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1996. С. 715.

уточнить рассекреченную истинную информацию о себе для формирования исходного контекста потенциальных оценок, снабдить её каким-либо комментарием и т.д. Компенсация морального вреда, возмещение убытков, принесение извинений в качестве нового перспективного способа защиты гражданских прав (о чём подробнее позже) также будут здесь весьма уместны.

Есть смысл прислушаться к авторам, акцентирующим внимание на том, что распространение соответствующих действительности, но порочащих сведений, которое может быть запрещено гражданско-правовыми нормами, должно быть умышленным¹³⁷. Действительно, установление вины распространителя сведений в форме умысла будет в этом случае весьма разумным. Если такой субъект не радеет об общественных интересах, то он преследует иную цель – нанести вред нематериальным благам, принадлежащим потерпевшему¹³⁸.

Таким образом, приемлемой видится следующая формулировка. **Дискредитация** – это умышленное распространение соответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведений¹³⁹. Состав гражданского правонарушения дискредитация могла бы образовывать тогда, когда распространителю сведений не удастся доказать, что они были сделаны достоянием общественности в интересах последней.

Вышеизложенная аргументация содержания и разграничения рассматриваемых дефиниций, равно как и распределения бремени доказывания при возникновении судебного спора, исследование значения вины при распространении тех или иных сведений, влияние этих составляющих на

---

¹³⁷ Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 8.

¹³⁸ Именно из этого, к слову, исходила статья 1039 Уголовного уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., признавая оглашение в печати о частном или должностном лице, обществе или установлении обстоятельства, которое может повредить их чести, достоинству или доброму имени, диффамацией лишь при наличии умысла. (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. Изд. 1885 г. с включением статей по продолжению 1889, 1887 и 1889 г. С. 503).

¹³⁹ Приведённые слова (диффамация, дезинформация, дискредитация) в принципе могут наполняться разным содержанием, однако предложение использовать их в качестве законодательных и научных терминов, каждый из которых должен быть однозначен, предполагает закрепление за ними чётких недвусмысленных определений.

содержание судебного постановления позволяют сделать предложения по изменению редакции ст. 152 ГК РФ.

В качестве варианта отражения в законе приведённых выше аргументов целесообразно изложение первого предложения абз. 1 п. 1 ст. 152 ГК РФ в следующей редакции: *«При распространении не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (деловую репутацию юридического лица) сведений (диффамация), такие гражданин или юридическое лицо вправе требовать по суду опровержения распространённых о них сведений, если распространивший сведения не докажет, что они соответствуют действительности»*¹⁴⁰.

Первое предложение п. 10 ст. 152 ГК РФ может выглядеть следующим образом: *«Правила пунктов 1 - 9 настоящей статьи, за исключением положений о компенсации морального вреда, могут быть применены судом также к случаям распространения любых не носящих порочащего характера, но не соответствующих действительности сведений о гражданине или юридическом лице (дезинформация), если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности»*.

Наконец, п. 10 ст. 152 ГК РФ может быть дополнен вторым абзацем следующего содержания. *«Правила пунктов 1 - 9 настоящей статьи, за исключением положений об опровержении, о признании распространённых сведений не соответствующими действительности и положения абзаца 1 пункта 10 настоящей статьи о сроках исковой давности, могут быть применены судом также к случаям умышленного распространения соответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведений (дискредитация), если распространивший такие сведения не докажет, что они были распространены в общественных интересах»*¹⁴¹.

---

¹⁴⁰ Здесь и далее курсивом выделен текст закона в редакции, предлагаемой диссертантом.

¹⁴¹ Полную версию предложений по внесению изменений в законодательство, в частности, обновлённой редакции ст. 152 ГК РФ, см. в приложении к настоящему исследованию.

1.2.3. Виды диффамации. Правонарушения, относимые к диффамации, поддаются чётким классификациям на виды по различным основаниям, что служит наиболее полной характеристике и лучшей систематизации особенностей явления, обозначаемого термином «диффамация» (в предложенной трактовке, при отдельном выделении дезинформации и дискредитации)¹⁴².

В зависимости от того, каким образом была распространена ложная порочащая честь, достоинство или деловую репутацию потерпевшего информация, могут быть рассмотрены: 1) неквалифицированная диффамация (оглашение о гражданине или организации нелесных неправдивых сведений в присутствии кого-либо, кроме одного лишь того лица, о котором рассматриваемые сведения оглашаются: на собрании, официальном мероприятии, при трудовом коллективе, любых иных свидетелях – независимо от их статуса, характера взаимоотношений с потерпевшим и количества); 2) диффамация в СМИ (печать в периодических изданиях, озвучивание по телевидению, радио, публикация на сайтах международной информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»); 3) диффамация в официальных нетиражируемых документах, исходящих от организации, или документальная информация (распространение соответствующих сведений, например, в трудовой характеристике: именно для таких случаев существует правило п. 3 ст. 152 ГК РФ, предусматривающее замену или отзыв документа, содержащего диффамацию¹⁴³; 4) диффамация неочевидными способами, или латентная диффамация (представима, например, в литературном произведении, текст которого явно даёт основания сделать о конкретном лице беспочвенные заслуживающие порицания выводы).

---

¹⁴² Исходя из представленной концепции диффамации, в настоящем исследовании не обсуждается существующее подразделение диффамации на недостоверную и достоверную, ибо последняя охватывается смежным понятием дискредитации, введение которого способно предотвратить известную семантическую путаницу.

¹⁴³ Здесь, однако, нельзя упускать из вида важную деталь, на которую обращается внимание в п. 7 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3. Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок (например, не могут быть опровергнуты в порядке ст. 152 ГК РФ сведения, изложенные в приказе об увольнении, поскольку такой приказ может быть оспорен только в порядке, предусмотренном Трудовым кодексом Российской Федерации). (Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

Приведённая классификация способствует комплексному рассмотрению соответствующего правонарушения во всём многообразии возможных особенностей его проявления; позволяет наиболее объективно квалифицировать конкретное деяние в процессе правоприменения с тем, чтобы максимально точно определить корреспондирующие содеянному санкции, ибо выделенные виды диффамации подразумевают специфику в правовых последствиях, приоритетное использование различных средств защиты.

В зависимости от того, чьи нематериальные блага страдают в результате диффамации, можно выделить диффамацию по отношению к гражданам и по отношению к юрлицам, тогда как в зависимости от субъекта-нарушителя при диффамации (диффаматора) – диффамацию, исходящую от гражданина, и исходящую от юрлица.

В зависимости от характера распространённых ложных сведений с негативной коннотацией можно обозначить: 1) профессиональную, или деловую, диффамацию (распространение информации, порочащей деловую репутацию гражданина или организации, т.е. отрицательной характеристики в любой профессиональной сфере). В качестве подвида профессиональной диффамации может быть выделена диффамация в сфере бизнеса (предпринимательская диффамация); 2) личную диффамацию (распространение информации о недостойном в общественном мнении, неэтичном поведении гражданина в межличностных отношениях); 3) общественную диффамацию (предание гласности информации о предосудительных обстоятельствах чьей-либо общественной жизни/деятельности). Эта категория по остаточному принципу вбирает те сведения, которые не вошли в две предыдущих.

Изложенные способы систематизации исследуемого правонарушения позволяют осветить сферы проявления диффамации, круг лиц, на которых осуществляется воздействие при её совершении, а также области сведений, через которые наносится вред деловой репутации потерпевшего. Практическое значение данных классификаций проявляется в содействии определению тех

обстоятельств, которые требуют исследования и оценки в ходе судебного разбирательства.

В зависимости от отраслевой принадлежности правовых норм, нарушаемых при диффамации, может быть выделена диффамация с 1) гражданско-правовыми; 2) административно-правовыми и 3) уголовно-правовыми последствиями. Очертив базовые признаки приведённых видов последствий диффамации (что было сделано выше), нетрудно зафиксировать, что диффамация в гражданском праве в противовес правилам административного и уголовного права не всегда предполагает установление вины нарушителя (ст. 1100 ГК РФ), а диффамация в уголовном праве всегда имеет в виду его вину в форме умысла¹⁴⁴.

Среди наиболее распространённых способов нарушения деловой репутации организаций наряду с диффамацией в юридической литературе выделяют действия в виде недобросовестной конкуренции или ненадлежащей рекламы (недостоверной, ложной или негативной)¹⁴⁵.

Итак, получены следующие промежуточные выводы. Категория «диффамация», учитывая возрастающую потребность в ней на всех уровнях правового регулирования (прежде всего в гражданско-правовой сфере), требует более глубокого доктринального осмысления и выработки легальной позиции по её толкованию. Необходимо разграничивать диффамацию в различных отраслях права: гражданском, административном, уголовном. Гражданско-правовая и уголовно-правовая (административно-правовая) диффамация не исключают друг друга, одни и те же действия могут быть квалифицированы одновременно и как первая, и как вторая. Однако в институте гражданско-правовой диффамации заложен ряд существенных преимуществ для лица, защищающего свои права; последние обусловлены функциями гражданско-правовой ответственности.

---

¹⁴⁴ Рассмотрению особенностей доказывания состава гражданско-правовой диффамации и образующих его элементов посвящён следующий параграф.

¹⁴⁵ Иваненко Ю.Г. Правовая защита деловой репутации юридических лиц // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 24 – 26.

Важным видится также отграничение диффамации от смежных явлений, в свете чего предлагаются следующие дефиниции. *Диффамация* – правонарушение, выражающееся в распространении не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (деловую репутацию юрлица). В настоящей работе диффамация рассматривается как нарушение норм гражданского права. Вместе с тем диффамация может также выражаться в нарушении норм административного, а равно уголовного права. *Дезинформация* – распространение любых не носящих порочащего характера, но не соответствующих действительности сведений о гражданине или юрлице. *Дискредитация* – умышленное распространение соответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведений. Целесообразно введение гражданско-правовых санкций за дискредитацию, но лишь в случае, если распространителю сведений не удастся доказать, что они сделаны достоянием общественности в интересах последней. Обосновывается учитывающая сформулированные и аргументированные автором определения новая редакция пп. 1 и 10 ст. 152 ГК РФ.

Для наиболее полной характеристики изучаемого явления рациональным (особенно с позиций судебной практики) видится обоснованное автором проведение классификаций диффамации по различным основаниям. Последнее способствует комплексному рассмотрению соответствующего правонарушения со всеми особенностями его проявления, позволяет наиболее точно квалифицировать конкретное деяние в процессе правоприменения с тем, чтобы определить максимально корреспондирующие содеянному санкции, а также облегчает выявление обстоятельств, требующих исследования и оценки в ходе судебного разбирательства.

Глава 2. Гражданско-правовая ответственность при умалении права на деловую репутацию и проблемы защиты этого права юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

§ 2.1. Условия ответственности при умалении права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

Порядок защиты права на деловую репутацию участников гражданских правоотношений в целом и субъектов предпринимательской деятельности, а также юрлиц, к последним не относящихся, в частности, не лишён однозначно не разрешённых в теории и на практике вопросов, пробелов и противоречий в правовом регулировании. Несмотря на неоднократные разъяснения высших судебных органов¹⁴⁶ и многочисленные научные разработки, посвящённые данной проблематике, которые учитываются в рамках этого параграфа, далеко не все из имеющихся юридических коллизий и «белых пятен» устранены. Прежде, чем обратиться к подробному рассмотрению способов защиты права на деловую репутацию юрлиц и ИП (а они применимы и при защите прав на нематериальные блага любых граждан-профессионалов), необходимо составить целостное представление об общем механизме защиты права на деловую репутацию обозначенных субъектов, уделить внимание его отдельным, представляющимся особенно важными проблемам, а также чётко определить условия ответственности при посягательствах на исследуемое нематериальное благо, выделить элементы основного из нарушений права на деловую репутацию – диффамации, охарактеризовав каждый из них¹⁴⁷.

---

¹⁴⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 сентября 1999 г. № 46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации» (далее – Информационное письмо ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. № 46; источник публикации: Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1999. № 11; Российская газета («Ведомственное приложение»). 1999. № 210), Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации Президиума Верховного Суда РФ от 16 марта 2016 г. (далее – Обзор ВС РФ от 16 марта 2016 г., документ не опубликован, ссылка на него содержится в СПС «КонсультантПлюс») и др.

¹⁴⁷ Отграничение диффамации от дезинформации и дискредитации, а также от оскорбления и клеветы в иных отраслях права, виды диффамации исследуются в параграфе 1.2 главы I настоящей работы.

В литературе широко представлено вызывающее согласие мнение о нетождественности мер защиты и мер ответственности, которые различают между собой по основаниям применения, социальному назначению и выполняемым функциям, принципам и формам реализации, наличию внеэквивалентных имущественных обременений и некоторым другим моментам¹⁴⁸. В настоящем параграфе предпринята попытка осмысления условий гражданско-правовой ответственности за диффамацию¹⁴⁹.

Российское гражданское законодательство (вкуче с руководящими ориентирами Верховного Суда РФ) устанавливает определённые параметры, которым должно соответствовать распространение информации для того, чтобы быть квалифицированным в качестве диффамации (распространения не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию субъекта защиты). Через фрагменты состава этого деликта раскрывается и само содержание анализируемого понятия. Есть смысл остановиться на необходимой совокупности признаков диффамации в системе координат гражданского права, на раскрытии последних.

Видение структуры состава диффамации представлено в юридических исследованиях неоднозначно. Так, одни авторы¹⁵⁰, описывая сущность диффамации как правонарушения, т.е. неправомерного поведения, влекущего юридическую ответственность, в качестве значимых выделяют следующие условия: 1) распространение фактических сведений, могущих нанести вред чьей-

---

¹⁴⁸ См., например, Кархалев Д.Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 8; Гражданское право. Том 1. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2004. С. 341, 335 – 336, 644 – 647; Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. – М.: Юристъ, 1996. С. 104 – 107; Пчелинцева Л.М. Семейное право России. Учебник для вузов. – М.: Норма Инфра М, 1998. С. 68; Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. С. 98; Кравченко А.А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 94 – 104; Гражданское право: учеб. в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. (Гл. 18, § 5 («Особенности защиты интеллектуальных прав (меры защиты и меры ответственности»)). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁹ В диссертации не ставится задача исследования понятия и соотношения мер ответственности и мер защиты в гражданском праве в целом. Исторически сложилось так, что законодатель, обращаясь к способам защиты прав на нематериальные блага, не проводит четкого разграничения между ответственностью за нарушение прав на честь, достоинство и деловую репутацию и защитой этих прав, о чем свидетельствует прежде всего ст. 152 ГК РФ, озаглавленная «Защита чести, достоинства и деловой репутации» и предусматривающая как меры ответственности (возмещение убытков и компенсацию морального (а также – *de lege ferenda* – нематериального) вреда), так и собственно меры защиты (остальные формы реагирования на нарушения неимущественных прав).

¹⁵⁰ См.: Смирнова А.А. Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9. С. 7 – 10.

либо репутации; 2) персональный характер оглашаемых сведений (иными словами, отсутствие в них содержания, значимого для нормального функционирования общества в целом. Думается, что выделение этого признака имело бы смысл только при включении в понятие диффамации распространения достоверных порочащих сведений); 3) ложность распространяемых сведений. По мнению А.А. Смирновой, последний признак необязателен. Нужно, однако, уточнить, что в отношении юрлиц и ИП распространение правдивой порочащей информации не должно караться законом, ибо публичный интерес в её получении присутствует всегда. На организациях же и гражданах-предпринимателях, напротив, лежит обязанность предоставлять обществу все способные привлечь его внимание сведения о себе, а к нелестной информации контрагенты и клиенты, даже потенциальные, объяснимо относятся с пристрастием (о личной приватной сфере здесь речи вести нельзя).

Е.В. Гаврилов¹⁵¹ расширяет круг элементов состава гражданско-правовой диффамации, подлежащей ответственности, дополняя традиционные – 1) факт распространения сведений, 2) несоответствие сведений действительности и 3) их порочащий характер – следующим: 4) распространенные сведения должны касаться конкретного лица, которое само инициирует процесс защиты своего права, 5) распространенные сведения должны представлять собой утверждения о фактах, а не быть мнениями, оценочными суждениями, гипотезами и т.д., 6) отсутствие «привилегий», освобождающих от ответственности за диффамацию в отношении тех сведений, которые формально могут содержать все её признаки, но не являться диффамационными в силу закона¹⁵². При этом отмечается, что

---

¹⁵¹ См.: Гаврилов Е.В. Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение // «Налоги» (газета). 2010. № 29. С. 27 – 30.

¹⁵² Имеется в виду ст. 57 Закона РФ «О СМИ», содержащая закрытый (что подчеркнуто в п. 12 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3) перечень из шести обстоятельств, освобождающих редакцию, главного редактора и журналиста за распространение порочащей неправды.

В формулировке данной нормы, по всей видимости, допущена неточность. Текст содержит указание на распространение «сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организаций», тогда как, очевидно, речь о недостоверной информации, порочащей честь и достоинство граждан, деловую репутацию граждан и юрлиц.

Изыятия из общего правила, по сути, сводятся к случаям «просачивания» в СМИ дезинформации из иных недостаточно проверенных источников (это касается, среди прочего, сведений, полученных от информационных агентств, содержащихся в авторских произведениях, которые идут в эфир без предварительной записи, содержащихся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб государственных органов,

в Постановлении ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 как ключевом интерпретационном акте в области российского диффамационного права лишь в общих чертах раскрыта характеристика необходимых признаков гражданско-правовой диффамации с упором на три первых из перечисленных. Думается, однако, что именно три первых признака и являются необходимыми и достаточными условиями, при которых распространение информации обретает черты диффамации. Относимость сведений к конкретному лицу, которое по общему правилу инициирует процесс защиты своего права, представляется очевидной чертой диффамации, не требующей отдельного выделения, имманентно присущей первому и третьему признакам (собственно распространению порочащих сведений). О проблеме разграничения мнений и утверждений о фактах чуть позже, но и увязанное с ним требование не предстаёт обладающим самостоятельным значением – дело в том, что проверяться на адекватность действительности могут лишь утверждения о фактах, а значит, вторым признаком изначально подразумевается рассмотрение в качестве диффамации только таких утверждений. Наличие же «привилегий», освобождающих от ответственности за диффамацию, является скорее исключением из правила, их отсутствие не должно восприниматься как общее условие ответственности при противоправном распространении сведений.

Согласно ещё одной (уже третьей) точке зрения¹⁵³, обособленно выявляется следующее условие ответственности за умаление деловой репутации организаций: распространённые сведения должны быть известны третьему лицу (либо неопределённому кругу лиц), не считая самого распространившего эти сведения, что, как видится, обнимается признаком наличия факта распространения информации.

организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений, являющихся дословным воспроизведением сообщений и материалов (их фрагментов), распространённых другим СМИ, которое может быть установлено и привлечено к самостоятельной ответственности). При этом наличие указанных обстоятельств не препятствует обращению субъекта защиты с иском об опровержении сведений, порочащих его деловую репутацию, равно как и рассмотрению такого иска судом с привлечением к участию в деле граждан и организаций-источников дезинформации. Вне зависимости от того, является ли редакция СМИ субъектом ответственности, возможно возложение на неё обязанности сообщить о решении суда.

¹⁵³ Пешкова О.А. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 21 – 22.

Принимая за основу избранную в настоящем исследовании концепцию понимания диффамации (при отдельном выделении дезинформации и дискредитации), единственно правильным представляется определение соответствующих условий ответственности через их триаду, содержащуюся сегодня в законе: 1) факт распространения сведений о лице, 2) порочащий характер этих сведений и 3) несоответствие их действительности. Такой вывод следует из анализа ст. 152 ГК РФ. В п. 7 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 раскрывается содержание указанных понятий.

Стоит прокомментировать отсутствие в этом составе вины распространителя сведений. Ведь, как известно, по общему правилу юридическая (в том числе гражданско-правовая) ответственность предполагает вину правонарушителя (в форме умысла или неосторожности). Наличие вины причинителя вреда в соответствии с п. 2 ст. 1064 ГК РФ презюмируется. Однако п. 1 ст. 401 ГК РФ не исключает оговорок закона на этот счёт, иными словами, законом могут допускаться исключения из указанного правила. Именно такое исключение содержит ст. 1100 ГК РФ, дающая возможность взыскать компенсацию морального вреда, причинённого диффамацией, независимо от вины его причинителя. В соответствии с п. 2 ст. 1101 ГК РФ на размер компенсации морального вреда степень вины причинителя может влиять лишь «в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда» (т.е. опять же не в случае с диффамацией).

Из чего же исходил законодатель, закрепляя подобные положения? Очевидно, в них подчёркнута особая ценность повреждённой диффамацией эмоциональной сферы потерпевшего. Даже отсутствие вины распространителя ложной порочащей информации не может препятствовать компенсации причинённых гражданину нравственных страданий, не может отсутствие вины и способствовать снижению размера компенсации. Подобная справедливая логика видится вполне уместной и при компенсации нематериального вреда юрлицам, обоснованию которой как перспективного способа защиты прав организаций посвящён параграф 4.1 настоящей работы. Таким образом, установление вины в

гражданском праве, в отличие от административного и уголовного, не является обязательным условием ответственности распространителя недостоверных нелицеприятных сведений, имея в виду предусмотренную ст. 1100 ГК РФ компенсацию морального вреда гражданам, а в перспективе и нематериального вреда юрлицам. Хотя в иных случаях реагирования на диффамацию (например, при возмещении убытков или опровержении) вина нарушителя подразумевается. При этом нельзя не обратить внимание на то, что весьма сложно представить диффамацию без вины: таковая может состояться в редкой ситуации, когда гражданин неверно понял (не так расслышал) сообщённую ему информацию и впоследствии распространил ложные порочащие сведения. Правда и то, что доказать неверную фиксацию или восприятие изначально полученной от кого-либо информации и, следовательно, отсутствие вины в данном случае будет непросто.

Распространение сведений вполне оправданно понимается достаточно широко. К нему в указанном документе относится обнародование информации в любых СМИ, распространение в сети «Интернет», а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу, за исключением сообщения информации в качестве конфиденциальной тому лицу, которого распространяемая информация непосредственно касается.

Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности в то время, к которому относятся оспариваемые сведения. Обязанность доказывать соответствие действительности распространённых сведений лежит на ответчике. (Правда, думается, что, несмотря на подобную презумпцию ложности спорных распространённых сведений, субъект защиты вправе по своему желанию публично аргументированно отвергнуть напрасно возведённую критику). Истцу предписывается доказать факт распространения сведений лицом, к которому

предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений (п. 9 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, п. 1 ст. 152 ГК РФ).

Примеры порочащих сведений приведены в п. 7 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 в виде приблизительного неисчерпывающего ряда¹⁵⁴. Умалить деловую репутацию юрлица способны, например, отмеченные Верховным Судом РФ утверждения о нарушении опороченным субъектом действующего законодательства, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота. Справедливо полагать, что это может быть также информация о нарушении не только закона, но и договора, корпоративного соглашения, иных принятых на себя лицом обязательств (совсем не обязательно связанных с основной сферой его деятельности), о компрометирующих связях, о незаслуженно негативной характеристике работников и сотрудников компании, учредителей (участников) организации. В юридической литературе подчёркивается сложность доказывания именно порочащего характера распространённых сведений по делам о защите права на деловую репутацию юрлиц¹⁵⁵. Индивидуальному предпринимателю

---

¹⁵⁴ Следует отметить, что понятие порочащих сведений порой получает неожиданную трактовку. Так, известен случай, когда гражданин обратился в суд с иском к отделению Министерства внутренних дел России и старшему участковому уполномоченному полиции о взыскании компенсации морального вреда, мотивируя свои требования тем, что участковый вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в описательной части которого употребил его фамилию в женском роде. Это оскорбило истца, полагавшего, что в описанном случае искажения его имени должны применяться правила, предусмотренные ст. 152 ГК РФ. Суды первой и апелляционной инстанции, как представляется, вполне обоснованно, в удовлетворении иска отказали. Фамилия истца, действительно, единожды была приведена в процессуальном документе в женском роде, однако далее в исковом предложении было употреблено слово «пояснил», т.е., мужская форма глагола. Неверное изложение фамилии признали «технической опiskeй». Суд апелляционной инстанции отметил: то обстоятельство, что с субъективной точки зрения истца изложение его фамилии в женском роде оскорбляет его честь и достоинство, не влечет за собой безусловное право на возмещение морального вреда, поскольку порочащий характер сведений должен определяться законом, моралью и принципами нравственности. Оскорбительных выражений рассмотренный документ не содержал. (Апелляционное определение Пермского краевого суда от 16 мая 2016 г. по делу № 33-5248/2016. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁵⁵ См.: Карпов К.В., Морозова С.А. Проблематика в установлении и доказывании порочащего характера распространённых сведений по делам о защите деловой репутации юридических лиц // В сборнике: Современные тенденции развития юридической науки Сборник материалов III международной заочной научно-практической конференции. Под общ. ред. Т.М. Пономарёвой. 2014. С. 79 – 82. По вопросу о возможности причинения юрлицу нематериального вреда диффамацией см. также: Кванина В.В. Компенсация репутационного вреда как способ защиты юридического лица // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 108 – 112; Карпов К.В. О некоторых вопросах возмещения репутационного вреда, причинённого юридическим лицам // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 113 – 116; Карпов К.В. Компенсация морального вреда юридическим лицам // Научный вестник Омской высшей школы милиции МВД России. 1996. № 1. С. 32 – 34; Карпов К.В. О необходимости введения конструкции нематериального вреда вместо компенсации

могут также навредить утверждения о совершении им нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в общественной жизни (возможно, непорядочное поведение по отношению к партнёрам или клиентам). Порой встречающееся в научной литературе упоминание о категории «личная жизнь» применительно к организациям видится не более чем недоразумением¹⁵⁶.

Представляется обоснованным введение в ст. 152 ГК РФ двух составов новых гражданско-правовых деликтов – дезинформации и дискредитации. Элементами состава дезинформации в таком случае будут являться 1) факт распространения ответчиком сведений об истце, 2) несоответствие их действительности и 3) вина ответчика в распространении не носящих порочащего характера ложных сведений об истце, а элементами состава дискредитации – 1) факт распространения ответчиком сведений об истце (всегда – о гражданине в отличие от истца при диффамации и дезинформации, которым может быть как физическое, так и юридическое лицо), 2) порочащий характер этих сведений, а также 3) умышленная вина ответчика в распространении соответствующих действительности сведений об истце в отсутствие требующих того общественных интересов с исключительным или преимущественным намерением причинить ему вред. Показательно, что при дискредитации умышленная вина всегда попадает в состав правонарушения: ответственность в данном случае устанавливается за разглашение истинных сведений, а потому необходим обстоятельный анализ целей, преследуемых распространителем. Именно от его исхода будет зависеть ответ на вопрос о том, каким образом в каждой конкретной ситуации расценивать предание гласности правдивой информации: как реализацию права на свободу слова и информированность в обществе или как злоупотребление своими правами и нарушение чужих прав на честь, достоинство и деловую репутацию. При дезинформации порочащий характер распространённых ложных сведений отсутствует, а значит, нет оснований компенсировать моральный

морального вреда // Вопросы гражданского права в деятельности правоохранительных органов: материалы 2 международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. С. 66 – 72.

¹⁵⁶ Фроловский Н.Г. Защита деловой репутации юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 50 – 51.

(нематериальный) вред, поэтому правило, аналогичное правилу ст. 1100 ГК РФ, здесь применить не получится, – вина нарушителя при дезинформации также должна быть установлена без исключений.

Отмечая особое место диффамации среди правонарушений, наносящих вред деловой репутации юрлиц и ИП, не стоит игнорировать остальные и забывать о их достаточном многообразии. Диффамация и дезинформация – лишь два из ряда возможных вариантов умаления деловой репутации означенных субъектов. Не в меньшей степени опасными для указанного нематериального блага могут оказаться нарушение прав на фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания, коммерческое обозначение¹⁵⁷. Трудно не согласиться с О.А. Пешковой, которая отмечает, что при использовании торговой марки (товарного знака) добросовестного, успешного, хорошо зарекомендовавшего себя на рынке производителя предприятием, производящим продукцию более низкого качества, причиняется вред не только репутации качества товара, который выпускается главным производителем, но и его деловой репутации, что так или иначе негативно отражается на его финансовом положении¹⁵⁸. Нельзя отрицать, что ощутимый и даже роковой удар по репутации юридического лица или ИП может быть нанесён любым незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности, разнообразной информации (так называемых её «утечек»), в том числе раскрытием коммерческой или служебной тайны, ненадлежащей (недобросовестной и недостоверной) рекламой (ст. 5

---

¹⁵⁷ Эти деяния, в том числе проникающие в «виртуальный мир» через доменные имена, обстоятельно рассмотрены в научно-практическом пособии под редакцией М.А. Рожковой и объединены общей категорией неправомерного использования «чужой» деловой репутации. В соответствующем научно-практическом пособии отмечается: если цель использования доменного имени носит некоммерческий характер, то оно выступает уникальным идентификатором владельца информационного ресурса; если цель извлечения выгоды наличествует, то доменное имя становится родовым идентификатором товаров, работ и услуг (подобно товарному знаку, указанию места производства/происхождения продукции, универсальному штрих-коду) и выделяет конкретного производителя (продавца, исполнителя) среди иных.

Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожечин, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М: Статут, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁸ Пешкова О.А. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 24 – 25. Исковые требования о защите права на деловую репутацию, умалённую незаконным использованием товарного знака, в суды заявляются, хотя и не всегда оказываются удовлетворёнными. См., например: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2016 г. № 18АП-10294/2016 по делу № А07-29244/2015; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 мая 2013 г. № 15АП-4280/2013 по делу № А53-33975/2012; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 2 октября 2008 г. по делу № А56-27956/2007. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»¹⁵⁹), всяческими проявлениями ограничения конкуренции (ст. 178 УК РФ). Заслуживает положительной оценки дополнение законодательным решением от 5 октября 2015 г.¹⁶⁰ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹⁶¹ за счёт включения в него новой главы 2.1. (ст.ст. 14.1 – 14.8), посвящённой различным неисчерпывающим образом перечисленным формам недобросовестной конкуренции. Так, конкретизирован запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации, т.е. (в данной интерпретации) распространения ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации¹⁶². Уделить пристальное внимание всем угрожающим сегодня деловой репутации организаций и граждан-предпринимателей нарушениям в границах одного диссертационного исследования непросто, однако для полноты картины проблем, связанных с механизмом соответствующей правовой защиты, необходимо представление о таких угрозах; недопустимо сбрасывать со счетов их существование.

Ответственность за нарушение права на деловую репутацию юрлиц знакома также и уголовному судопроизводству¹⁶³. Пункт 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹⁶⁴ (далее – УПК РФ) предусматривает, что в случае причинения преступлением вреда деловой

---

¹⁵⁹ Российская газета. 2006. № 51; Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

¹⁶⁰ О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 5 октября 2015 г. № 275-ФЗ // Российская газета. 2015. № 225; Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 41 (ч. 1). Ст. 5629.

¹⁶¹ Российская газета. 2006. № 162; Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434; Парламентская газета. 2006. № 126 – 127.

¹⁶² Регламентированы также отношения, связанные с недобросовестной конкуренцией путём введения в заблуждение, некорректного сравнения хозяйствующего субъекта и (или) его товара с другим хозяйствующим субъектом-конкурентом и (или) его товаром, приобретения и использования исключительного права на средства индивидуализации юрлица, средства индивидуализации товаров, работ или услуг, использования результатов интеллектуальной деятельности, создания смешения с деятельностью хозяйствующего субъекта-конкурента либо с товарами или услугами, вводимыми хозяйствующим субъектом-конкурентом в гражданский оборот на территории Российской Федерации, незаконного получения, использования, разглашения информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну.

¹⁶³ См.: Сабитов Р.А., Литвиненко А.Ю. Уголовно-правовая защита деловой репутации юридического лица // Современное право. 2009. № 12. С. 132 – 136.

¹⁶⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

репутации юрлицо может быть признано потерпевшим. Для этого необходимо установить факт совершения общественно опасного деяния и факт причинения вреда его деловой репутации¹⁶⁵. С целью защиты права на деловую репутацию юрлицо вправе предъявить требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением (ст. 44 УПК РФ). Также ст. 44 УПК РФ содержит положение о том, что гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда. Аналогичное положение в отношении юрлица отсутствует, что корреспондирует непростой ситуации, сложившейся вокруг решения вопроса о компенсации нематериального вреда организациям в рамках гражданского судопроизводства¹⁶⁶.

Статья 152 ГК РФ говорит о защите от распространения любых сведений, которые, не соответствуя действительности, порочат честь и достоинство гражданина, деловую репутацию гражданина или организации. В этой связи как у правоприменителей, так и у учёных традиционно вызывает живой интерес вопрос о том, можно ли отнести к упоминаемым ГК РФ «любым сведениям» мнения, суждения, личные оценки, субъективные взгляды, – ведь в основном источнике норм гражданского права не делается различий между констатацией факта и выражением персональной точки зрения¹⁶⁷. Данная проблема не нашла отражения и в правилах, устанавливаемых отечественными федеральными законами, к тому же она неоднозначно решается в юридической литературе и судебной практике.

---

¹⁶⁵ Преступлениями, которые могут причинить вред деловой репутации юрлица, к примеру, являются незаконное использование товарного знака (ст. 180 УК РФ, соответствующие отношения освещаются также ст. 14.10 КоАП РФ, ст. 1515 ГК РФ), незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ, действуют также ст. 13.14 КоАП РФ и ст. 14 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». (Российская газета. 2004. № 166; Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283).

¹⁶⁶ О положительном взгляде автора настоящей работы на законодательное закрепление подобной компенсации, а также об аргументах в пользу необходимости её взыскания – в первом параграфе заключительной главы этого исследования. Желательная дополненная редакция последнего предложения п. 1 ст. 44 УПК РФ, соответствующая изложенной далее позиции, могла бы выглядеть следующим образом: «Гражданин может предъявить гражданский иск и для денежной компенсации морального вреда гражданину или нематериального вреда юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю».

¹⁶⁷ Здорово звучат мысли о том, что свести полномочия СМИ исключительно к передаче обстоятельств означает «обречь профессию журналиста на медленное вымирание, ибо тогда будет достаточно одного информационного источника». (См.: Мананников О.В. Пределы свободы печати: правовые аспекты // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 86 – 88). Вместе с тем, из этого отнюдь не следует, что допустимо закрывать глаза на факты дезинформации или диффамации. Важным становится разграничение мнений с суждениями и утверждений.

В соответствии с первой (и наиболее широко представленной) из трёх основных выработанных правоведами позиций необходимо различать утверждение о факте, которое можно проверить на соответствие действительности и опровергнуть, и выражение мнения, которое не может быть охарактеризовано как ложное или правдивое и, соответственно, не может составлять диффамацию¹⁶⁸. Этот подход воспринят в п. 9 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3¹⁶⁹, который предлагает заинтересованному лицу обосновать несостоятельность распространённых о нём в СМИ суждений, если они затронули его честь, достоинство или деловую репутацию, с помощью иного способа защиты гражданских прав, предусмотренного на сегодня в п. 2 ст. 152 ГК РФ и в ст. 46 Закона РФ «О СМИ» – опубликования ответа, комментария или реплики в том же СМИ (по уточнению того же пункта, если субъективное мнение было изложено в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации причиненного истцу оскорблением морального вреда). Согласно второй позиции, все оценочные высказывания можно поделить на имеющие и не имеющие под собой фактологическую базу. Таким образом, первые могут быть опровергнуты и квалифицированы как диффамация, вторые – нет¹⁷⁰. Наконец, в интерпретации третьей позиции, любые мнения охватываются статьёй 152 ГК РФ, поскольку

---

¹⁶⁸ См.: Иоффе О.С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 64 – 65; Мишонов А.С. Защита деловой репутации: основные моменты, на которые стоит обратить внимание // Право и экономика. 2008. № 9. С. 13 – 16; Кузнецов Н.М. Содержание отношений по защите чести, достоинства и деловой репутации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18; Седугин П.И. Судебная практика по делам о защите чести и достоинства // Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1964-1965 гг. М.: Юридическая литература, 1966. С. 63; Шулепова Т.И. Рассмотрение дел о защите деловой репутации // Арбитражная практика. 2008. № 11. С. 85; Бычков А. Защита от диффамации. Практика судебных разбирательств // Финансовая газета. 2016. № 22. С. 12 – 13; Чубина Е.А. Факт или интерпретация факта: анализ экспертной практики по делам о недостоверной рекламе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 27 – 30.

¹⁶⁹ По его рекомендации требуют разграничения имеющие место утверждения о фактах, которые можно подвергнуть верификации, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, поскольку, будучи выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не проверяются на предмет соответствия действительности.

¹⁷⁰ См.: Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Ученые записки ВИЮН. М., 1941. Вып. 6. С. 149; Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ. М.: Статут, 2006. С. 10 – 12; Тюленев И.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации по российскому и международному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 11; Глисков А.А. Проблемы квалификации клеветы, совершенной путем распространения негативной оценочной характеристики потерпевшего // Адвокат. 2011. № 8. С. 64 – 69.

могут быть рассмотрены на предмет обоснованности¹⁷¹. Высказываются мысли о том, что любое субъективное суждение взрослого человека предполагает наличие фактов, послуживших основанием для негативных выводов¹⁷². Какое же из трёх возможных отношений к описанной юридической задаче оптимально?

Слова «информация» и «сведения», исходя из общепринятого употребления и законодательного толкования, являются синонимами и, согласно ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁷³, представляют собой сообщения, данные независимо от формы их представления. Слова «мнение» и «оценка» названный закон упоминает лишь однажды, приводя в подп. 2 п. 3 ст. 10.2 в качестве одного из прав блогера право излагать на собственном сайте или странице сайта в сети «Интернет» личные суждения и оценки с указанием своего имени или псевдонима, но определений этих понятий не даёт.

В п. 6 Обзора ВС РФ от 16 марта 2016 г. также подчёркнуто: «При рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо учитывать, что содержащиеся в оспариваемых высказываниях ответчиков оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, если только они не носят оскорбительный характер»¹⁷⁴. Верховный Суд РФ указал на сложность обеспечения судом хрупкого баланса между необходимостью восстановления доброго имени истца во мнении третьих лиц или общества в целом и конституционными правами, свободами ответчика, включая свободу мысли и слова, которые он вправе реализовать всеми не запрещенными законом способами. Сам факт повторного

---

¹⁷¹ См.: Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 47 – 48.

¹⁷² См.: Макарова Т.Н. Вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // Комментарий судебной практики. Выпуск 10 / под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юридическая литература, 2004. С. 57 – 71.

¹⁷³ Российская газета. 2006. № 165; Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

¹⁷⁴ По вопросу о справедливой критике не совсем удачной формулировки, создающей впечатление, что защите по ст. 152 ГК РФ подлежит не деловая репутация, а оценочные суждения, мнения, убеждения см.: Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожечин, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М: Статут, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обращения Верховного Суда РФ к этому вопросу более чем через 11 лет после принятия Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 свидетельствует о том, что он продолжает оставаться проблемным; признание сложностей, возникающих в судебной практике в данной сфере, присутствует и в самом Обзоре ВС РФ от 16 марта 2016 г.

Содержательный анализ показательной тематической подборки судебных решений проведён в научно-практическом пособии под редакцией М.А. Рожковой. В нём среди встречающихся ошибок в квалификации высказываний, в частности, упоминается «довольно распространенная» практика арбитражных судов относить диффамационные сведения к разряду «оценочных суждений», основываясь на одном только вопросительном характере предложений, содержащих эти сведения. При этом разграничение «оценочных суждений» и «недостовверных утверждений» на основании знаков пунктуации оправданно именуется таким же невозможным, как сравнение цветов по критерию веса или роста по температуре¹⁷⁵.

И.Я. Фойницким выдвинут тезис о том, что содержанием оглашения при диффамации должен быть определённый позорящий человека, унижающий его во мнении других факт. Этим наказуемое оглашение, по утверждению автора, отличается, с одной стороны, от высказывания суждений и предположений о лице, не подкрепляемых конкретными обстоятельствами, с другой – от употребления укорительных выражений, обнимающих совокупность неопределённых конкретно фактов¹⁷⁶. В середине 80-х годов прошлого века при рассмотрении дела «Лингенс против Австрии» Европейский Суд пояснил: «С точки зрения суда, следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано. <...> В отношении оценочных суждений выполнить это требование невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений...» (Постановление от 8 июля

---

¹⁷⁵ Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожечин, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М: Статут, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁶ Фойницкий И.Я. Посягательства личные и имущественные // Уголовное право. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. С. 50.

1986 г.)¹⁷⁷. Сегодня это отмечается как свидетельство того, что взгляд дореволюционных российских учёных-юристов прошёл проверку временем и в конце концов нашёл закрепление в качестве судебного прецедента в постановлении международного судебного органа¹⁷⁸.

А.М. Эрделевский вполне резонно стоит на позициях презумпции сообщения о факте при сомнениях относительно того, является какое-либо высказывание утверждением о нём или выражением мнения¹⁷⁹.

Вопрос, действительно, весьма деликатный, и потому, думается, необходимо минимизировать категоричность в подходах к его решению для достижения адекватного результата. В этом смысле наиболее взвешенной и гибкой из трёх приведённых позиций представляется вторая. – Дело в том, что все суждения можно поделить на предполагающие оценку именно фактов (информация о которых может быть истинной или ложной) и предполагающие оценку таких качеств субъекта, которые приписываются ему исключительно субъективно и естественным образом могут (и даже должны) выглядеть по-разному в глазах разных людей. Невозможно, например, абсолютизировать категории красоты, личного обаяния, невежества, талантливости, персональных предпочтений в искусстве и т.д. Вместе с тем, если делается заявление о чьих-либо непорядочности, «подкупности»/«продажности», недостойном поведении в деловой или общественной жизни, оно непременно подразумевает анализ вполне конкретных фактов реальной действительности, представляет собой итог осмысления информации о таких фактах. Высказываниям взрослого человека, к которым обычно относятся с известным доверием и которые способны оказать влияние на общественное мнение, должен предшествовать процесс обязательной верификации готовящихся к разглашению сведений. Если же публичное сообщение, по своему содержанию имеющее в виду оценку определённого рода

---

¹⁷⁷ Европейский суд по правам человека. Избранные решения / Пред. ред. колл. В. А. Туманов. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 524 – 531.

¹⁷⁸ См.: Измествьева-Кунц А.А. Диффамация и способы защиты от неё в дореволюционном гражданском праве // Российский судья. 2010. № 1. С. 31 – 32.

¹⁷⁹ Эрделевский А.М. Утверждения о факте и выражение мнения понятия разного рода // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 19.

обстоятельств и характеристик, на деле бесосновательно, негативный отпечаток, налагаемый им на представления членов социума о, скажем, деловой репутации «очернённого» лица, в итоге ничуть не меньше. Ведь адресатами распространяемой информации в силу формы её изложения она воспринимается именно как оценка фактов. Учитывая потенциальные массивные отрицательные последствия для потерпевшего, которые могут вызываться подобными «извещениями-откровениями», справедливо требовать от совершеннолетних дееспособных субъектов гражданских правоотношений ответственного подхода к оглашаемой ими информации не только с позиций деонтологии, но и с позиций права.

Нет оснований беспокоиться о том, что такое видение вопроса приведёт к правоприменительной практике, противоречащей ст. 10 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция)¹⁸⁰ и ст. 29 Конституции РФ, гарантирующих каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации. Свобода самовыражения журналистов и любых прочих членов общества по-прежнему остаётся неприкосновенной: важно лишь отличать посвящения в свои в полной мере субъективные мысли («*Cogitatio nis roenam nemo patitur*»¹⁸¹) от констатации якобы объективно наличествующих фактов (дезинформации), сопровождаемой субъективно окрашенными с помощью вводных конструкций (типа «по нашему мнению», «имеется точка зрения») оценками. Е.А. Флейшиц метко писала в своё время о существовании суждений, которые «будучи по форме оценкой личности, представляют собой по существу утверждения фактического характера»¹⁸², своеобразно перефразировав крылатое выражение, возникшее на базе высказываний В.И. Ленина: «формально правильно, а по существу издевательство».

---

¹⁸⁰ Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод. (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2.

¹⁸¹ Одно из положений римского права, гласящее: «Никто не несёт наказания за мысли». («Дигесты», XVIII, 48, 19; Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов / Под ред. Боровского Я.М. – М.: ТЕРРА, 1997. С. 129).

¹⁸² Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 149.

Л.А. Забегайло, анализируя конфликты, связанные с ущемлением деловой репутации работодателей (в лице различных предприятий, учреждений, организаций) критикой, исходящей от их бывших работников, подчёркивает, что «эмоции работников, их субъективные мнения и оценки не будут приняты судом во внимание, если они не содержат сообщений о реальных событиях и фактах, которые можно проверить на соответствие действительности»¹⁸³. При этом приведены выражения и изречения, которые, по мнению автора, свидетельствуют об «оценочном» и «исключительно эмоциональном» характере сообщений, однако ближайшее рассмотрение последних заставляет усомниться в однозначном отнесении их к таковым. Например, фразы, содержащие слова «напрашивается вывод» и, тем более, «есть основания полагать», как раз напротив, претендуют на то, чтобы быть результатом переработки некой информации об определённых событиях и обстоятельствах, соответствующим образом настраивают они и читателей (слушателей). Более размыта формулировка «существует мнение», однако и здесь требуется разбор того, о какого рода мнении идёт речь (достаточно ли оно субъективно, не строится ли на утверждении о некоем факте); возможно указание на точный источник (распространителя) информации, что тоже имеет значение для общего исхода дела. Приводимые в качестве оценочных предложения «на фирме нечеловеческое, отвратительное отношение к людям» или «на фирме постоянно нарушается трудовое законодательство» не в меньшей степени наводят на догадки о лежащих в их основе именно фактах вполне конкретных нарушений прав человека или трудового законодательства. В другом научном исследовании на предмет «оценочности» рассматриваются слова «вор и коррупционер», «типичный казнокрад»¹⁸⁴. Всё это, надо полагать, не что иное, как выводы, которые, по законам логики всегда должны из чего-то следовать, вытекать из объективной данности, а не из субъективных ощущений. Такого толка сообщения сложно назвать суждениями или мнениями; опровержение, как представляется, вполне к ним применимо. Другое дело – примерно такая

---

¹⁸³ Забегайло Л.А. Современные гражданско-правовые способы защиты деловой репутации юридического лица // Право и экономика. 2011. № 5. С. 21 – 22.

¹⁸⁴ Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 49.

обструкция: «персонал недостаточно приветлив и обходителен, поэтому лично мне не доставило большого удовольствия общение с сотрудниками на рецепшне», «мне больше по вкусу услуги фирмы А, нежели услуги фирмы Б», «есть в оформлении магазинов компании О какая-то неопрятность, так что в них всегда неприятно заходить», «в этих ресторанах/салонах не очень уютно», «логотип и вывеска фирмы совершенно безвкусны». Пospорить с подобными утверждениями можно будет, думается, действительно, уже только в форме ответа. В данных случаях высказывания подлинно относительны, поскольку представляют собой воззрения, касающиеся вкусов, рассуждения об индивидуальных ощущениях, о характеристиках чего-либо, которые могут восприниматься лишь глубоко субъективно, насчёт которых не может существовать единого умозаключения. Даже скрытая констатация фактов тут отсутствует, а следовательно, и опровергать попросту нечего. Остаётся лишь, по рекомендации п. 9 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, представить на суд общественности свою, иную оценку подобной тонкой темы обсуждения – наряду с той, которая вызывает несогласие, – в виде ответа, комментария или реплики.

Нельзя согласиться и с теми авторами, которые в качестве законодательного критерия разграничения оценочных суждений и утверждений о фактах предлагают способ распространения информации (т.е. если место, где распространена информация, изначально предназначено для выражения субъективного мнения (например, форум в сети «Интернет»), то и сам текст является субъективным мнением)¹⁸⁵. Как представляется, анализу всё же должны подвергаться сами сообщения, суть распространяемых сведений. В противном случае получилось бы, что для безнаказанного незаконного «вброса» порочащей дезинформации следует только выбрать правильное место обнародования, судебная же защита от диффамации стала бы в этом случае призрачной.

Правоохранительной практике известно значительное число казусов оставления требований истцов неудовлетворёнными (прежде всего, требований об опубликовании опровержения) по мотивам признания спорной распространённой

---

¹⁸⁵ Каменева З.В. Опыт правового регулирования диффамации в мире // Адвокат. 2014. № 6. С. 46 – 47.

нелестной информации выражением личных взглядов ответчика, его субъективным мнением¹⁸⁶. Порой такого рода решения (в целом или только в части обоснования) вызывают сомнения¹⁸⁷. Справедливо ли, например, относить к суждениям такие фразы, как: «Ш., вероятно, вступил в коррупционную связь с З.»¹⁸⁸; «персонал одной из медицинских клиник, собравшись за столиком в кафе, вслух обсудил проблемы и личную жизнь своих пациентов»¹⁸⁹; «Вы самый ярый неплательщик в городе, ни копейки не платите»¹⁹⁰; «да и в финансовых делах на руку не чисты: вспомним годовые отчеты в общих суммах, мнимые капремонты, тарифы на содержание жилья, а также отдельно уборку подъездов в нарушение ЖК РФ»¹⁹¹? Ведь фактологическую основу данных высказываний бесполезно отрицать. Интересна также практика отклонения ссылок на оценочность высказываний. Так, в одном из дел суды характеризовали фразы «из-за подлости и доносов на своих товарищей еще в школе получил кличку «Мухомор»; «всегда завидовал умным и честным, всегда преследовал их»; «был осужден в 1973 году Кабанским судом»; «после этого 10 лет пьянства»; «это по доносам таких, как он, в 30-е годы были осуждены и расстреляны тысячи кабанцев, наших земляков и родственников» как некое обвинение, в то время как противозаконность тех или иных действий подлежит доказыванию лицом, заявившим о ней¹⁹².

---

¹⁸⁶ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2016 г. № 302-ЭС16-6273 по делу № А10-183/2015; Определение Верховного Суда РФ от 3 марта 2016 г. № 309-ЭС16-966 по делу № А07-15714/2014; Определение Верховного Суда РФ от 2 декабря 2015 г. № 309-ЭС15-14985 по делу № А07-7150/2014; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 мая 2016 г. № Ф04-1838/2016 по делу № А46-8893/2015; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 апреля 2016 г. № 17АП-16394/2015-ГК по делу № А60-27128/2015; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2016 г. № 17АП-18886/2015-ГК по делу № А60-24473/2015; Апелляционное определение Московского городского суда от 12 октября 2015 г. по делу № 33-37362/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁷ Известны случаи пересмотра решений, которыми отказано в удовлетворении исковых требований по мотиву оценочности оспариваемых утверждений. См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 июля 2016 г. № 09АП-27096/2016-ГК по делу № А40-228485/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 3 июня 2016 г. № Ф09-4159/16 по делу № А60-26589/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 декабря 2015 г. № 17АП-15652/2015-ГК по делу № А71-4153/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁰ Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 19 апреля 2016 г. по делу № 33-1482/2016. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 декабря 2015 г. № 17АП-15988/2015-ГК по делу № А60-25903/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹² Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 21 октября 2015 г. по делу № 33-4386/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В свете изложенного весьма неоднозначными предстают некоторые высказанные Европейским Судом позиции, например, в форме аргумента из мотивировки Постановления по делу Далбана против Румынии (1999 г.)¹⁹³: «Представляется неприемлемым, чтобы журналиста лишали возможности высказывать критические мнения, даже если он (она) не может доказать их истинность»¹⁹⁴. Рассмотрение формулировок Постановления по другому делу, Дюндин против России (2008 г.)¹⁹⁵, позволяет юристам сделать вывод о том, что Европейский Суд «устанавливает пределы свободы высказываний в СМИ с допущением некоторого отступления от реальных фактов. Однако такие высказывания должны иметь характер субъективного мнения журналиста, пусть даже критического и бездоказательного»¹⁹⁶. Подлинно субъективные личные точки зрения, мнения и видения не подлежат доказыванию, априори не могут быть истинными или ложными, потому-то так значимо отличать их от утверждений о фактах и обстоятельствах, за правдивость которых распространитель должен отвечать и отступление от которых допустимым не видится.

По верному замечанию З.Б. Хавжоковой, «представление окружающих о человеке, организации формируется в том числе и на основе оценочных мнений и суждений, а не только «голых фактов», таким образом, первые не менее важны для положительной репутации, чем вторые»¹⁹⁷.

Таким образом, предстаёт разумным признание диффамацией распространения не соответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию потерпевшего утверждений о фактах, а

---

¹⁹³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 сентября 1999 г. по делу «Далбан против Румынии» (жалоба № 28114/95). – Доступ из СПС «Гарант». Созвучные названной мысли содержатся и в иных решениях Европейского Суда. См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 февраля 2010 г. по делу «Федченко против Российской Федерации» (жалоба № 48195/06); Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 2007 г. по делу «Красуля против Российской Федерации» (жалоба № 12365/03). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁴ Маковой М., Чефранова Е.А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 10. Право на свободу и выражение своего мнения (прецеденты и комментарии). М., 2001. С. 13, 89.

¹⁹⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 14 октября 2008 г. по делу «Дюндин против Российской Федерации» (жалоба № 37406/03). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁶ См.: Мананников О.В. Пределы свободы печати: правовые аспекты // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 87 – 88.

¹⁹⁷ Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 48.

также тех мнений, суждений, сообщений-оценок, которые несут в себе констатацию фактов с их последующим анализом. Статья 152 ГК РФ оперирует понятием «распространение сведений», и здесь нельзя не признать, что высказывание отношения к тому или иному факту с неизбежностью приводит к выводу о его существовании, а значит, подобного рода заявления в конечном счёте также являются не чем иным, как тем самым распространением сведений, на которое действующими гражданско-правовыми нормами наложен запрет.

Некоторые исследователи¹⁹⁸ незаслуженно исключают из средств проверки распространённой информации на оценочность изучение словесно-смысловых конструкций или какие-либо экспертизы (в частности, лингвистические) по причине заведомой невозможности выявить «правовой и общественно значимый эффект от публикации». Параллельно с этим вносится инициатива вычисления некоего «среднего арифметического» от множества человеческих восприятий спорной информации посредством таких приёмов, как оценка свидетельских показаний, проведение социологических опросов и изначальное рассмотрение дела с участием «присяжных заседателей». Подобные механизмы видятся излишне сложными и ресурсозатратными при низко гарантированном удовлетворительном коэффициенте полезного действия; они не только ведут к указанному в качестве их минуса затягиванию процесса, но и далеко не всегда способны дать точный результат, не говоря о том, что с их помощью невозможно определить цель обнародования информации и в полной мере – общественные интересы в её получении. Полагаться на них как на единственную панацею для выхода из ситуации, по меньшей мере, крайне опрометчиво, хотя можно обсуждать обращение к социологическим опросам в исключительных требующих этого случаях, иногда – к свидетельским показаниям. Как представляется, «объективно достигнутый эффект» оглашённых сведений может измеряться с помощью объёма вызванных у потерпевшего правонарушением убытков или причинённого ему нематериального вреда. Значение исследования семантики и стилистики распространённого текста велико; оно способно дать информацию и о

---

¹⁹⁸ См.: Мананников О.В. Указ. соч. С. 86 – 97.

его восприятию адресатами, и о намерениях распространителя, а также позволяет использовать специальные знания экспертов-языковедов.

Принимая во внимание разнообразие подходов к данной проблеме и тонкие грани смыслов тех или иных высказываний, обоснование состава диффамации нельзя назвать такой уж простой задачей, она требует бдительности в каждой конкретной ситуации. Как бы ни хотелось выработать универсальные критерии для определения того, может ли какое-либо произвольно выбранное публичное послание быть проверено на соответствие действительности, едва ли это реально. Думается, в любом случае необходима тщательная оценка судом всех обстоятельств дела, при обязательном индивидуальном подходе к решению вопроса о квалификации оспариваемого текста. При этом наличие таких слов и словесных конструкций, как «считаю», «полагаю», «с моей точки зрения», «по всей видимости», не должно априори закрывать вопрос о возможности оспаривания распространённых сведений. Для по сути верного, а не формального разрешения проблемы необходим разбор каждого отдельного сообщения и его фактологической базы.

Пунктом 5 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 к надлежащим ответчикам по иску о защите права на деловую репутацию организации или ИП вполне закономерно причислены авторы ложных дискредитирующих сведений и их распространители, а при диффамации в СМИ – авторы (лица, явившиеся источником спорной информации) и редакция соответствующего СМИ. Бывает и так, что порочащее сообщение обнародуется анонимно, без указания имени автора, в этом случае надлежащим ответчиком по делу справедливо признаётся редакция СМИ (организация, физическое лицо или группа физических лиц, в компетенции которых находится производство и выпуск данного СМИ) или его учредитель (о статусе последнего – ст. 18 Закона РФ «О СМИ»). Интересно, что в том же пункте с опорой на ст. 40 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹⁹⁹ (далее – ГПК РФ) отмечено: если истец предъявляет

---

¹⁹⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

требования к одному из надлежащих ответчиков, совместно распространивших недостоверные неллицеприятные сведения, суд вправе привлечь к участию в деле соответчика лишь при невозможности рассмотрения дела без его участия²⁰⁰.

Итак, итог настоящего параграфа состоит в следующих выводах. При избранной в настоящем диссертационном исследовании концепции понимания диффамации (при отдельном выделении дезинформации и дискредитации) к необходимым элементам состава этого деликта видится верным отнести факт распространения сведений о лице, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. Лишь при их одновременном наличии правонарушение может претендовать на квалификацию в качестве диффамации.

Отводя диффамации особое место среди нарушений права на деловую репутацию юрлиц и ИП, недопустимо забывать о существовании значительного множества других однопорядковых явлений (об умалениях деловой репутации указанных субъектов через нарушение прав на фирменное наименование или товарный знак, раскрытие коммерческой тайны, ненадлежащую рекламу и т.д.).

Разумно рассмотрение в качестве диффамации распространения как ложных порочащих деловую репутацию потерпевшего утверждений о фактах, так и тех мнений и суждений, которые несут в себе констатацию фактов и последующую их негативную оценку. Необходимы тщательная оценка судом всех обстоятельств дела при обязательном индивидуальном подходе к решению вопроса о квалификации оспариваемого текста, внимание к содержанию, форме сообщения и его фактологической базе.

---

²⁰⁰ Подпунктом 5 п. 1 ст. 33 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации установлена специальная подведомственность арбитражным судам дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. (Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»). Если же сторонами спора о защите этого нематериального блага являются юрлица или ИП в иной сфере, то такой спор подведомствен суду общей юрисдикции. В соответствии с пп. 11 и 12 Информационного письма ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. № 46, если в ходе судебного разбирательства выяснится, что обнародованные СМИ сведения касаются физического лица, производство по делу подлежит прекращению; исковые требования юридического лица в части, касающейся защиты чести, достоинства и деловой репутации его работников, арбитражному суду неподведомственны.

§ 2.2. Проблемы порядка защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

Порядок защиты права на деловую репутацию организаций и физических лиц-предпринимателей обнаруживает правовые проблемы, разрешение которых значимо вне зависимости от того, каким именно образом происходило умаление нематериального блага названных субъектов, и от того, какие гражданско-правовые способы противостояния правонарушению используются. Эти проблемы наряду с теми, которые касаются ключевых понятий в соответствующей сфере и оснований ответственности при поспори рассматриваемого нематериального блага, составляют условную «общую часть», блок общих вопросов института защиты права на деловую репутацию юрлиц и ИП.

Так, например, пристального рассмотрения заслуживает вопрос о сроках исковой давности по требованиям о защите права на деловую репутацию граждан и юрлиц. Как известно, в ст. 208 ГК РФ установлено правило, в соответствии с которым исковая давность не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ²⁰¹ за исключениями, предусмотренными законом. Заметное нововведение п. 10 ст. 152 ГК РФ в редакции Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ связано как раз со сроками исковой давности. С 1 октября 2013 г. срок исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с распространением в СМИ не соответствующих действительности сведений о гражданине или организации (независимо от того, порочатся ли при этом честь, достоинство или деловая репутация), составляет один год со дня опубликования таких сведений в соответствующих СМИ. Поскольку подобные ограничения в законе до указанных изменений отсутствовали (т.е. сроки исковой давности по требованиям о защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию не работали), а бремя доказывания достоверности распространённых сведений п. 1 ст. 152 ГК РФ всегда

---

²⁰¹ По вопросу о том, почему эта формулировка не вполне корректна, о соотношении неимущественных прав и нематериальных благ см. параграф 1.1 настоящего исследования.

возлагалось на распространителя, создавалась благодатная почва для некоторых злоупотреблений правом на защиту от диффамации. По верному замечанию О.А. Кулиуша, на практике это вело к тому, что СМИ вынуждены были «бессрочно хранить документы, подтверждающие распространённые сведения, либо брать на себя риск проиграть дело в суде, не доказав достоверность распространённой информации»²⁰². Нововведение законодателя, укладывающееся в границы общего правила ст. 208 ГК РФ, бесспорно, заслуживает положительной оценки. Однако вопрос о более совершенном правиле, касающемся сроков исковой давности (преимущественно окрашенный предложениями об их увеличении), с повестки дня учёные снимать не спешат²⁰³. Подчеркнём, срок исковой давности по требованиям, связанным с опубликованием любых не соответствующих действительности сведений, составляя отныне один год со дня их опубликования, меньше установленного в три года общего и охватывает исключительно сферу деятельности СМИ.

Логика необходимости присутствия в гражданском законодательстве трёх самостоятельных предложенных в настоящем исследовании составов правонарушений обязывает задуматься о сроке исковой давности, наиболее подходящем для каждого из них.

Судебные разбирательства дел о гражданско-правовой диффамации (распространении не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, в том числе ИП, или деловую репутацию юрлица) и дезинформации (распространении не носящих порочащего характера ложных сведений о лице) предполагают определённую работу по установлению истины в вопросе о достоверности разглашенных сведений. И думается, чем меньше времени на момент перенесения спора в зал суда пройдёт от событий, послуживших его основанием, тем объективнее спор будет рассмотрен. К тому же, после того как информация была сделана

---

²⁰² Кулиуш О.А. Защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 107.

²⁰³ См.: Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 16; Кулиуш О.А. Указ. соч. С. 9, 106 – 107.

достоинством общественности, негативные последствия вряд ли заставят себя долго ждать, – нет причин затягивать и с защитой от нарушения, иное может являться свидетельством недобросовестности истца. Для того же, чтобы институт исковой давности, как писал И.Б. Новицкий, служил «интересам общей устойчивости права»²⁰⁴, необходима также и страховка ответчика от неоправданно длительного нахождения под угрозой предъявления иска. Правило о годичном сроке исковой давности по требованиям, связанным с распространением недостоверных сведений в СМИ, способно разумным образом дисциплинировать субъекта защиты, уберечь ответчика в лице СМИ от возможных злоупотреблений со стороны истца, стимулировать единообразное упорядоченное ведение внутренней документации в СМИ и не вызывает нареканий. Если же дезинформация получает распространение каким-либо иным способом (рассылка писем, устное сообщение на собрании публично или нескольким лицам, констатация фактов в документах и т.д.), адекватным будет применение общего срока исковой давности, поскольку здесь распространители не соответствующих действительности сведений, не осуществляя как СМИ в качестве основного вида деятельности непрерывную подачу информации обществу, не испытывают и свойственных СМИ трудностей по хранению объёмных подтверждений раскрытых данных. Говоря об организациях, преподносящих информацию в виде документов, следует отметить важность ответственного отношения таких распространителей к содержанию распространяемых сведений. Таким образом, по требованиям, вытекающим из обнаружения любой неправды (в частности, порочащей деловую репутацию граждан и юрлиц), целесообразным видится установление общего трёхгодичного срока исковой давности, начинающего течь со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о поспориении своих прав и о том, кто является надлежащим ответчиком по намечающемуся иску (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Это изъятие из правил ст. 208 ГК РФ логично вписалось бы следующим дополнительным предложением в п. 10 ст. 152 ГК РФ: *«К требованиям, предъявляемым в связи с*

---

²⁰⁴ Новицкий И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2006. Т. I. С. 343.

распространением указанных сведений в иных случаях, подлежат применению правила об общем сроке исковой давности».

Что же касается дискредитации (умышленного обнародования в отсутствие общественного в том интереса сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, пусть и соответствующих при этом действительности), то тут нет необходимости изменять общее правило о нераспространении исковой давности. Истинность оглашённой информации в данном случае истцом под сомнение не ставится, т.е. цель её сверки с обстоятельствами реальной действительности у суда отсутствует. Всё, что требуется достоверно определить, – это факт распространения сведений, их порочащий характер и отсутствие необходимости их распространения в общественно-полезных целях (бремя доказывания чего должен нести ответчик). При таких «облегчённых» задачах не возникает и описанных выше затруднений, с которыми приходится иметь дело при диффамации и дезинформации.

Статьи 45 и 46 Закона РФ «О СМИ» допускают возможность (хотя и не определяют неизбежность) отказа в опубликовании текста опровержения или ответа в случае, если требования об этом поступили в редакцию СМИ по истечении года со дня распространения исходных сведений в данном СМИ. Такие отказы, равно как и нарушение установленного Законом РФ «О СМИ» порядка опровержения или размещения ответа, могут быть в течение года со дня распространения сведений обжалованы в суд. В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ (п. 14 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3) пропуск без уважительных причин названного годичного срока может служить самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении иска о признании необоснованным отказа редакции СМИ в опровержении и помещении ответа истца в том же СМИ.

Принятие мер по обеспечению иска, связанного с защитой права на деловую репутацию юрлиц и ИП, в виде запрета (пресечения) дальнейшего распространения спорных сведений о заявителе, (допустим, изъятия тиража газеты или журнала, в которых такие сведения опубликованы или табу на

распространение спорных сюжетов телеканалом), при обоснованности подобных мер пресечения разумно и вполне приемлемо. Здесь нельзя не вспомнить подвергавшийся в научной литературе оправданной критике²⁰⁵ п. 9 Информационного письма ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. № 46, ориентировавший суды на неприменение мер по обеспечению иска путем запрещения ответчику подготавливать и распространять новые сведения, порочащие деловую репутацию истца. Отказы в удовлетворении соответствующих требований предлагалось мотивировать тем, что на момент рассмотрения судом дела пусть даже впоследствии признанная ложной и порочащей деловую репутацию истца информация как таковая (порочащая и недостоверная) не существовала. «Следовательно, отсутствует сам факт нарушения прав истца, к которому могут быть применены обеспечительные меры. При таких обстоятельствах арбитражный суд не вправе запретить ответчику осуществлять определенные действия относительно тех гражданских прав, которые, по мнению истца, могут возникнуть в будущем». Вместе с тем значение обеспечительных мер видится в недопущении совершения до рассмотрения судом спора тех действий, которые потенциально могут быть квалифицированы как правонарушение или способствовать ему. Меры по обеспечению иска направлены на защиту интересов истца в случае вынесения судом решения в его пользу, на создание благоприятных условий для исполнения такого решения (это подтверждается статьёй 139 ГПК РФ). Поэтому для их применения не обязательно установление факта нарушения прав, иное перечёркивает логику существования соответствующего правового института. К тому же формулировки рассматриваемого пункта предстают неоднозначными. Если информация фактически являлась недостоверной и порочащей чью-либо деловую репутацию, что впоследствии было признано судом, она считается таковой с момента получения огласки (т.е. по сути, возникновения). Можно ли тогда говорить о том,

---

²⁰⁵ См.: Рожкова М.А. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 36. В правовых изданиях также присутствует и противоположная, согласующаяся с обсуждаемым положением точка зрения, см.: Тимошенко В.А., Смушкин А.Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

что на момент рассмотрения судом дела не соответствующая действительности и порочащая деловую репутацию истца информация не существовала? Думается, на этот момент права истца уже были нарушены. То, что к рассмотрению спора факт нарушения прав ещё не получил официального признания, не исключает использование обеспечительных мер. Разумеется, если по итогам судебного разбирательства в иске будет отказано, после вступления в законную силу решения суда ответчик сможет обратиться к истцу со своим иском о возмещении убытков, которые он понёс из-за обеспечительных мер.

Тем не менее, теоретическая приемлемость применения обеспечительных мер по анализируемой категории дел не вычёркивает вопрос об их целесообразности. Изъятие тиража периодического издания, задержка печати или приостановление поступления в продажу напечатанного материала способно на какой-то срок парализовать деятельность СМИ, затронуть интересы третьих лиц (например, ожидающих выхода конкретного номера журнала с важной для них информацией). Такие меры чреваты для ответчика колоссальными убытками, а, как известно, меры по обеспечению иска должны быть соразмерны заявленному истцом требованию²⁰⁶. Поэтому нельзя обойтись без скрупулёзного разбора того, как смотрятся обеспечительные меры в канве сложившихся обстоятельств. Безболезненное²⁰⁷ обеспечение иска представимо в виде изъятия тиража (задержки печати, поступления в продажу) буклетов или листовок, посвящённых исключительно оспариваемым истцом материалам. Не связано с риском существенных убытков и торможением процесса выпуска СМИ временное непринятие спорного текста к включению в печать, однако маловероятно, что о его содержании истцу станет известно на столь ранних стадиях подготовки диффамации или дезинформации.

Абзац 1 п. 2 ст. 150 ГК РФ содержит отсылку к ст. 12 ГК РФ, упоминающей, среди прочего, о пресечении действий, нарушающих право или грозящих этим как об общем способе защиты гражданских прав. Абзац 2 того же пункта

---

²⁰⁶ См.: п. 3 ст. 140 ГК РФ.

²⁰⁷ Для третьих лиц (читателей СМИ) и относительно – для ответчика.

(в редакции Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ) напрямую говорит о возможности защиты принадлежащих гражданину (в частности, ИП) нематериальных благ, когда того требуют интересы субъекта защиты, в частности, путём пресечения или запрещения действий, влекущих факт или угрозу соответствующего нарушения или посягательства. Это положение по аналогии закона вполне можно применять и к юрицам, деловая репутация которых находится в опасности.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти. Возможность защиты чести и достоинства гражданина после его смерти (норма ГК РФ в этом смысле удачно дополнена упоминанием также и деловой репутации) по требованию заинтересованных лиц (например, родственников, наследников) отмечается и в п. 2 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3. В абзаце третьем п. 2 ст. 150 ГК РФ содержится более общая формулировка: «в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами». Однако существуют ли нематериальные блага (в том числе деловая репутация) автономно от их обладателей, возможна ли их защита после прекращения соответствующих субъектов вместе с правоспособностью (способностью иметь любые гражданские права), согласуется ли это с логикой статьи 17 ГК РФ?

С точки зрения теории права предпринимать меры к тому, чтобы оградить от посягательств деловую репутацию (или любое другое нематериальное благо) умершего физического или ликвидированного юридического лица столь же абсурдно, как отстаивать права ушедшего человека на жизнь и здоровье. Последний перестаёт являться субъектом права, а значит, несомненно и то, что исчезают как правовые субстанции тесно связанные с его личностью, неотчуждаемые и непередаваемые иным способом нематериальные блага; приходится констатировать и отсутствие с этого времени субъективных прав выбывшего из юридической реальности лица. Между тем обществу и отдельным

его представителям может быть безразличным то, какие сведения распространяются об умершем (ликвидированном) лице, каким образом они могли бы повлиять на некогда принадлежавшие ему, существовавшие вместе с ним ценности. Всё дело в том, что сформированный конкретными людьми и социумом как таковым набор оценок и представлений о характеристиках, поступках и обстоятельствах, связанных с завершившим жизнедеятельность гражданином или прекращённой организацией, переживает их. Именно поэтому корректно говорить о защите прав и благ живых людей и существующих юриц, а не тех благ, которые имели место в прошлом. То, что, как отмечается отдельными правоведами, «защита умерших неразрывно связана с обеспечением защиты интересов живых, в частности родных и близких»²⁰⁸, вызывает согласие по сути, ибо понятно, что имеется в виду, однако намного грамотнее будет вести речь о защите ныне живущих, а не первоначальных субъектов права. Концепция так называемого «переживания» прав и обязанностей умершего гражданина или «вечных» прав на честь, достоинство и деловую репутацию (существующих во времени ровно столько, сколько существует само общество) представляется малообоснованной²⁰⁹.

В специальной литературе высказываются мысли о защите «доброй памяти об умершем человеке» как «нематериального блага живого лица», при этом данному понятию даётся следующая дефиниция: «положительные морально-этические и общественно-социальные качества, принадлежавшие человеку до его смерти, которые и после его смерти являются предметом уважения и гордости для общества и заинтересованных лиц, каким-либо образом связанных с ним»²¹⁰.

---

²⁰⁸ Земскова С.И. Криминалистическая характеристика диффамации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 1. С. 89 – 94.

²⁰⁹ См.: Богданов Е.В. Проблема сохранения («переживания») прав и обязанностей умершего гражданина // Адвокат. 2015. № 8. С. 27 – 31. Так, например, автор пишет: «в случае смерти гражданина некоторые его права и обязанности продолжают существовать в обществе как особом субъекте права, которое устанавливает порядок перехода их к наследникам или, оставляя их за собой, делегирует определенному кругу лиц возможность их защиты в случае нарушения».

²¹⁰ Гаврилов Е.В. Новации российского гражданского законодательства в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации // Судья. 2014. № 4. С. 12. См. также: Гаврилов Е.В. Право на честь и достоинство // ЭЖ-Юрист. 2014. № 40. С. 1; Гаврилов Е.В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 10. С. 39 – 47. В последней работе автором приводится примечательный иностранный опыт решения рассматриваемой проблемы (в Испании, Америке, Польше, Чехии и др.).

В целом поддерживая общую аргументацию предложенной идеи, нельзя не усомниться в определении доброй памяти через категории качеств субъекта, скорее её составляют сложившиеся в обществе представления о таких качествах. Помимо этого, возможно распространение необязательно исключительно порочащих, но и просто не соответствующих действительности сведений (дезинформация) о прекратившем существование лице, которое в силу обновлённого п. 10 ст. 152 ГК РФ разумно напрямую запрещено законом. Желательна на перспективу в плане присутствия в ст. 152 ГК РФ и защита от не красящей лицо в глазах других достоверной информации всецело личного характера, при условии, что отсутствует публичный интерес в придании её гласности (дискредитация).

Итак, заинтересованным заявителям должна быть предоставлена возможность противостоять 1) обнародованию незаслуженного очернения лестной общественной характеристики ушедшего лица, 2) обнародованию любой (необязательно в классическом понимании очерняющей) лжи о нём, а также 3) разглашению правдивых сведений отрицательного оттенка, относящихся к частной сфере прекращённой жизни (последнее относится только к гражданам). В силу п. 11 ст. 152 ГК РФ все правила данной статьи о защите деловой репутации граждан (если не считать положений о компенсации морального вреда) применяются к защите деловой репутации организаций. Это позволяет не вдаваться в излишние рассуждения об аналогии закона. Есть все основания полагать, что вполне допустима защита заинтересованными участниками гражданского оборота деловой репутации юрлица после его ликвидации или реорганизации, предполагающей прекращение существования изначального субъекта²¹¹. Для уточнения содержания правовой категории, минимизации некоего личностного звучания, присутствующего в (без сомнения, довольно колоритных) словах «добрая память», а также наиболее полного отражения всех

---

²¹¹ В связи с изложенным нельзя согласиться с высказываниями о том, что ГК РФ позволяет говорить «только о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан после их смерти, но не юридических лиц после их реорганизации или ликвидации». (См.: Каменева З.В. Деловая репутация как объект гражданского права // Адвокат. 2014. № 5. С. 46 – 47).

описанных нюансов проблемы целесообразным видится введение иного понятия – «защита положительного и (или) правдивого образа лица» (гражданина или организации).

Положительный и (или) правдивый образ лица было бы верно определить как сложившееся у общества, отдельных его представителей мнение об уже несуществующем лице, его качествах, поступках, характеристиках деятельности в любой (в частности, предпринимательской) сфере. Все, кто в этом заинтересован, могут воспользоваться субъективным правом неимущественного характера на защиту положительного и (или) правдивого образа прекратившего существование субъекта. Такое право нуждается в закреплении на законодательном уровне, имея в виду устранение не вполне адекватного теории права и аккуратного в смысле практического применения положения абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ. Его можно было бы изложить в следующей редакции: *«По требованию заинтересованных лиц допускается защита положительного и (или) правдивого образа гражданина (после его смерти) или юридического лица (после его реорганизации или ликвидации)»*.

Общая фраза абзаца третьего п. 2 ст. 150 ГК РФ о допустимости защиты нематериальных благ, принадлежавших умершим гражданам, другими лицами видится излишней и подлежащей исключению из текста закона. Внимательный анализ норм главы 8 ГК РФ приводит к выводу о том, что практически все нематериальные блага прекративших существование граждан и организаций, условную защиту которых после этого можно представить, полностью укладываются в предложенную конструкцию отстаивания прав заинтересованных лиц на защиту положительного и (или) правдивого образа ставшего историей субъекта. Среди нематериальных благ, перечисленных в ст. 150 ГК РФ, можно выделить те, которые в силу самой своей сути, неразрывной с личностью и физическим телом их обладателя, незащитоспособны (поскольку не существуют) в его отсутствие (это жизнь, здоровье, личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища (права на жилище возникают у новых субъектов – наследников, правопреемников), свобода передвижения, свобода выбора места

пребывания и жительства), и те, которые преобразуются в положительный и (или) правдивый образ лица и уже в этом виде могут защищаться заинтересованными истцами (к ним относятся достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, имя гражданина). Отдельного обособления требуют авторские права, обеспеченные своими правилами о правопреемстве и защите совершенно особого свойства (тут необходимо обратиться к части IV ГК РФ, регулированию отношений, связанных с интеллектуальной собственностью, авторскими и смежными с ними правами, например, к ст.ст. 1281 – 1283, 1318, 1327, 1331 ГК РФ). В юридической литературе уверенно утверждается, что при извращении, искажении или ином изменении произведения, порочащем честь, достоинство или деловую репутацию автора, как и при посягательствах на такие действия, по требованию заинтересованных лиц допустима защита нематериальных благ автора и после его смерти²¹². И всё же с подобными тезисами нельзя в полной мере согласиться без определённых выше уточнений: если описанные противоправные действия угрожают чести, достоинству и деловой репутации автора при его жизни, то после смерти последнего под угрозу ставится мнение, составленное об авторе отдельными людьми, закрытым сообществом или обществом в целом. Таким образом, и в данном случае защищаться, как представляется, должен положительный образ автора, а не принадлежавшие ему некогда (а ныне прекратившиеся) неимущественные права и нематериальные блага.

С рассмотренным вопросом связан и другой – о правопреемстве в отношении деловой репутации юрлица при его реорганизации.

---

²¹² См.: Дмитриева О.В. Бухгалтерский и налоговый учет расчетов с авторами и художниками в издательствах в 2015 году // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2015. № 2. С. 7 – 15; Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69 – 71 / Б.М. Гонгало, В.О. Калятин, М.Я. Кириллова и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М: Статут, 2014; Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013; Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации / И.А. Близнец, К.Ю. Бубнова, О.В. Видякина и др.; / под ред. И.А. Близнеца, Л.А. Новоселовой. Москва: Проспект, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Рабец А.М., Хватова М.А. Право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации // Юрист. 2015. № 19. С. 7 – 11.

По справедливому наблюдению О.Ш. Аюпова, «невозможно переложить правила, применяемые к физическим лицам, без учёта специфики правового статуса юридических лиц»²¹³. Прежде всего, связано это с тем, что категория «смерть» в приложении к организации может означать либо ликвидацию, либо реорганизацию, а определение круга по терминологии абзаца 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ «заинтересованных лиц» предполагает отдельную процедуру, основанную на доказывании той самой заинтересованности правопреемника в сохранении деловой репутации прекратившегося юрлица. Автор приходит к заключению о том, что не в любом случае завершения существования организации происходит переход права на деловую репутацию. Разрешение неоднозначности в предложенной интерпретации зависит от ассоциирования в общественном мнении вновь созданного юрлица с юрлицом, прекратившем свою деятельность, от свидетельств заинтересованности нового субъекта прав в деловой репутации прежнего. В итоге устанавливается презумпция перехода к правопреемнику организации её деловой репутации при реорганизации и презумпция прекращения деловой репутации вместе с организацией при ликвидации последней, при этом допускается, что любая из презумпций может быть опровергнута²¹⁴. Поддержка идеи введения нормы о правопреемстве в отношении деловой репутации юрлиц находит отражение в научных работах²¹⁵.

Следует согласиться с одной из высказанных в этом плане точек зрения²¹⁶, слегка уточнив и изменив её формулировку: определённые обстоятельства действительно формируют устойчивую связь между деловыми репутациями юрлица прошлого и юрлица настоящего. Однако принципиален акцент на том, что это всё-таки две самостоятельные репутации, а не одно и то же благо, переходящее, словно наследственное имущество, от наследодателя к наследнику. Здесь выразительно сравнение со смертью гражданина, занимавшегося бизнесом:

---

²¹³ Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 14.

²¹⁴ Аюпов О.Ш. Указ. соч. С. 8, 14.

²¹⁵ См.: Каменева З.В. Деловая репутация как объект гражданского права // Адвокат. 2014. № 5. С. 46 – 47. О данной проблеме см. также: Соколова О. В защиту деловой репутации... // Информационный бюллетень «Экспресс-бухгалтерия»: электрон. журн. 2016. № 12. С. 28 – 30.

²¹⁶ Аюпов О.Ш. Там же.

если единственный наследник такового примет решение продолжить предпринимательскую деятельность наследодателя, зарегистрировавшись в необходимом качестве, едва ли можно будет говорить о переходе репутации прежнего бизнесмена к новому (или о присоединении репутации наследодателя к потенциально сложившейся, возможно, даже в той же сфере, репутации наследника). Деловая репутация ушедшего в историю юрлица прекращает существование вместе с ним, поэтому намного правильнее говорить о том, что при реорганизации деловая репутация организаций-правопреемников либо формируется на основе деловой репутации правопреемников (при выделении, разделении, слиянии, преобразовании), либо изменяется под влиянием таковой (при присоединении к одному юрлицу другого). Степень подобной зависимости, разумеется, подлежит доказыванию. По изложенным причинам деловая репутация не может фигурировать в передаточном акте; её присутствие в этом документе – единственный вызывающий сомнения пункт среди названных О.Ш. Аюповым обстоятельств-свидетельств формирования рассмотренной устойчивой связи²¹⁷.

Недавно разъяснил свою позицию по этому вопросу и Верховный Суд РФ: в п. 13 Обзора ВС РФ от 16 марта 2016 г. было закреплено, что в случае реорганизации юрлица с иском о защите его деловой репутации вправе обратиться его правопреемник либо учредитель. При этом Верховный Суд РФ не опровергает неотчуждаемость личных нематериальных благ и их невозможность быть объектом правопреемства, а лишь указывает на то, что защита деловой репутации реорганизованного общества непосредственно связана с формированием деловой репутации вновь созданных юрлиц, действующих в той же экономической сфере с использованием активов реорганизованной организации²¹⁸.

---

²¹⁷ Помимо этого, О.Ш. Аюповым вполне заслуженно придаётся значение тому, сохранилось ли прежнее фирменное наименование, товарный знак (знак обслуживания), коммерческое обозначение и иные средства индивидуализации; были ли проведены определённые мероприятия, кампании, направленные на выстраивание в сознании контрагентов и потребителей связи между прежним и нынешним юрлицом.

²¹⁸ Аналогичная позиция отражена, например, в Постановлении ФАС Волго-Вятского округа от 29 августа 2013 г. по делу № А43-26790/2012. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Особый смысл обретают сегодня положения международных правовых документов о равновесии частных и публичных интересов в области распространения информации, подобные содержащимся в ст. 10 Европейской конвенции: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. <...> Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе», в частности, в целях «защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально»²¹⁹. Свобода не может не иметь лимитов, не напрасно французский правовед и философ Шарль-Луи Монтескье определял её как право делать всё, что дозволено законами, а Маттиас Клаудиус (немецкий писатель и, кстати, журналист) – как право делать всё, что не вредит другим²²⁰.

Конституция РФ, с одной стороны, содержит ст. 29, гарантирующую свободу мысли, слова и массовой информации, налагающую запрет на цензуру, принуждение к отказу от своих мнений и убеждений, утверждающую право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а с другой стороны, – ст. 23, выступающую гарантом неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, защиты чести и доброго имени, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (правда, отмечается, что последняя может быть ограничена на основании судебного решения), а также ст. 24, закрепляющую, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Важно найти

---

²¹⁹ Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод. (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2.

²²⁰ Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. С. 487 – 488.

баланс между данными правовыми установлениями, что порой бывает непросто. Обозначенная проблема признана многими цивилистами, среди них К.И. Голубев и С.В. Нарижный, сравнившие в качестве противовеса друг другу статьи 1 и 4 Закона РФ «О СМИ»²²¹.

По заключению О.В. Мананникова, «журналист не обязан всегда сохранять нейтральность, а напротив, может и должен высказывать свою точку зрения», при этом сохранение института свободы слова можно обеспечить лишь при государственной защите независимых СМИ²²². Думается, однако, что строгое наблюдение за достоверностью распространяемых любыми субъектами (в том числе СМИ) сведений необходимо как в интересах публично обсуждаемых лиц, так и в отношении самого общества; тут сложно проявить солидарность с автором, называющим соответствующий контроль в нынешнем его состоянии чрезмерным или излишним²²³. Лицо, решившееся формировать общественное мнение путём обнародования той или иной информации, реализуя законное право, принимает на себя также и ответственность за недопущение введения в заблуждение большого числа граждан и причинения кому-либо вреда. От представителей прессы как от мастеров своего дела, специалистов в соответствующей области оправданно требовать не менее, а возможно, даже и более ответственного подхода к верификации оглашаемого; стремление подать сенсацию не может оправдать пренебрежение этическими, профессиональными и, наконец, правовыми нормами.

Итак, исследование выше обозначенных проблем приводит к следующим заключениям. Правило о годичном сроке исковой давности по требованиям, связанным с распространением недостоверных сведений в СМИ, не вызывает нареканий. По требованиям, вытекающим из обнародования любой неправды (в частности, порочащей деловую репутацию) каким-либо иным способом, разумно установление общего трёхгодичного срока исковой давности. Что же

---

²²¹ См. об этом: Голубев К.И. Нарижный С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты немущественных личных благ личности. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Юридический центр Пресс, 2004. С. 163.

²²² Мананников О.В. Пределы свободы печати: правовые аспекты // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 86.

²²³ Мананников О.В. Указ. соч. С. 97.

касается дискредитации, то тут не обнаруживается необходимости изменять общее правило о нераспространении исковой давности.

Принятие мер по обеспечению иска, связанного с защитой права на деловую репутацию юрлиц и ИП, в виде запрета (пресечения) дальнейшего распространения спорных сведений о заявителе, при обоснованности подобных мер не противоречит закону. Тем не менее, это не снимает вопрос об их целесообразности: меры по обеспечению иска должны быть соразмерны заявленному истцом требованию и не должны существенно затрагивать интересы третьих лиц, в противном случае они не могут применяться.

Деловая репутация прекратившего существование юрлица, ушедшего из жизни гражданина (в том числе ИП) прекращает существование вместе с ним, её защита после этого невозможна. Видится верным введение в законодательство и доктрину понятия «положительный и (или) правдивый образ лица» – сложившееся у общества, отдельных его представителей мнение об уже несуществующем лице, его качествах, поступках, характеристиках деятельности в любой (в частности, предпринимательской) сфере. Целесообразно закрепление на законодательном уровне возникающего у заинтересованных лиц субъективного права неимущественного характера на защиту положительного и (или) правдивого образа гражданина или организации, имея в виду устранение положения абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ. При реорганизации деловая репутация организаций-правопреемников либо формируется на основе деловой репутации правопреемников (при выделении, разделении, слиянии, преобразовании), либо изменяется под влиянием таковой (при присоединении к одному юридическому лицу другого). Степень такой взаимосвязи подлежит доказыванию.

Свобода слова при любом истолковании не может не иметь лимитов. В связи с этим ключевой задачей в анализируемой области правоотношений предстаёт нахождение разумного баланса между взятыми под защиту закона публичными интересами в получении информации и частными интересами в ограждении конкретных нематериальных благ от умаления и неправомерного вторжения в их сферу.

ГЛАВА 3. Гражданско-правовые способы защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, предусмотренные действующим законодательством

§ 3.1. Способы защиты права на деловую репутацию: общие положения

Высокая ценность, которую для любых субъектов гражданских правоотношений, в частности, для юрлиц и ИП, имеет такое нематериальное благо, как деловая репутация, а также свойственная ему уязвимость требуют наличия в законодательстве стройной и надёжной системы адекватных возможным угрозам способов защиты. Однако, несмотря на вариативность, предлагаемую в этом смысле ГК РФ, и внимание, уделяемое в последнее время законодателем его главе 8, в существующем защитном механизме остаются сферы, нуждающиеся в совершенствовании. Какие проблемы, связанные со способами защиты права на деловую репутацию организаций и граждан-предпринимателей, возникают в науке, нормотворчестве и правоприменении, какие из них наиболее опасно игнорировать и как найти уместные методы их разрешения? Для рассмотрения поставленных вопросов, прежде всего, необходимо проанализировать арсенал имеющихся на сегодняшний день способов защиты права на деловую репутацию обозначенных субъектов, исследовать сущностные признаки, задачи, а также особенности и сложности реализации каждого из них.

Специальные гражданско-правовые способы защиты права юрлиц и ИП на деловую репутацию перечислены в ст. 152 ГК РФ. Это:

- 1) опровержение распространённых сведений (п. 1);
- 2) опубликование истцом ответа на распространённые сведения (п. 2);
- 3) замена или отзыв документа, ставшего источником распространения проблемных сведений (п. 3);
- 4) для случаев, когда распространённая информация стала широко известна и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, – её удаление, а также пресечение или запрещение её дальнейшего распространения

путём изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации содержащих её изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, если без уничтожения последних необходимое удаление информации невозможно (п. 4);

5) для случаев, когда сведения оказались после их распространения доступными в сети «Интернет» – удаление соответствующей информации, а также опровержение указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет» (п. 5);

6) признание распространённых сведений не соответствующими действительности (когда установить лицо, распространившее порочащие сведения невозможно) (п. 8);

7) возмещение убытков (п. 9);

8) компенсация морального вреда (из формулировок пп. 9 и 11 рассматриваемой статьи следует, что данный способ защиты гражданских прав применим исключительно в отношении ИП, но не юрлиц).

Исходя из логики статьи 12 ГК РФ и абзаца 1 п. 2 ст. 150 ГК РФ, приведённый перечень правовых средств защиты является открытым и может быть дополнен самим ГК РФ или иными федеральными законами.

Что же касается общих способов защиты, то тут в отношении поправок деловой репутации ресурс ст. 12 и абз. 2 п. 1 ст. 150 ГК РФ по большей части конкретизирован перечисленными выше специальными способами. (В указанном фрагменте ст. 150 ГК РФ теперь напрямую упоминаются возможности защиты прав на нематериальные блага посредством признания судом факта нарушения личного неимущественного права или опубликования решения суда о допущенном нарушении)²²⁴.

---

²²⁴ В.В. Килинкарным развиты следующие небезынтересные рассуждения. «Недостаток отсутствия возможности защиты и пресечения посягательств на основе ст. 12 ГК РФ компенсируется ст. 1065 ГК РФ, допускающей предъявление иска о запрещении деятельности, создающей опасность причинения вреда. Тем не менее, данная норма практически не используется, поскольку действительную опасность причинения вреда доказать достаточно сложно, посягательства на деловую репутацию, как правило, носят эпизодический характер и не связаны целиком и полностью с осуществлением какой-либо деятельности. К примеру, вряд ли удастся запретить редакции СМИ выпускать ту или иную программу даже в случае неоднократного злоупотребления свободой слова и выражения мнения, ведь сама по себе деятельность СМИ не несёт реальной угрозы причинения вреда. Так или иначе, но номинальная возможность применения ст. 1065 ГК РФ существует и её следует

По мнению О.А. Кулиуша, некоторые общие способы защиты гражданских прав ни при каких обстоятельствах неприменимы к личным неимущественным отношениям (например, присуждение к исполнению обязанности в натуре, неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, взыскание неустойки)²²⁵. Не отвергая в целом данный тезис, не со всеми, однако, приводимыми автором иллюстрациями мысли можно согласиться. Так, вызывает сомнение, что в рамках защиты права на деловую репутацию нет места признанию права: если наличие у субъекта гражданских правоотношений такого нематериального блага, как деловая репутация, предполагается, то её весомость, и, значит, стоимость оцениваются в суде при рассмотрении соответствующих требований. Взыскав в пользу истца убытки в определённом размере, суд, надо полагать, тем самым признаёт и его право на деловую репутацию в том или ином состоянии. Безосновательно, как представляется, исследователь считает спорным применение в качестве способа защиты права на деловую репутацию и восстановления положения, существовавшего до нарушения права, обосновывая это тем, что полноценное восстановление нарушенных личных неимущественных прав в большинстве случаев вряд ли возможно. Нет причин отрицать, что восстановление существовавшего до нарушения состояния нематериального блага может быть и частичным (закон этого не исключают). Кроме того, возможно ли вообще приведение прав потерпевшего в первоначальный вид, существовавший до манипуляций нарушителя? Этот вопрос имеет черты философского. Думается, прежде всего, в данном случае важна нацеленность на достижение известного результата. У самого автора присутствует оговорка об «условном» отнесении к восстановлению положения публикации опровержения или ответа. Как видится, с полным правом таким образом могут быть квалифицированы замена или отзыв

принимать во внимание». (См.: Килинкаров В.В. Право на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 84). В этой связи примечательно, что в настоящее время обновлённый абзац 2 пункта 1 статьи 150 ГК РФ в качестве способа защиты прав на нематериальные блага называет пресечение или запрещение действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо.

²²⁵ Кулиуш О.А. Защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 91 – 92.

документа, признание распространённых сведений не соответствующими действительности, а с внесением последних дополнений в ст. 152 ГК РФ – также удаление ставшей широко известной информации и информации, размещённой в сети «Интернет». Столь же спорно, на взгляд О.А. Кулиуша, пресечение при защите права на деловую репутацию действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; автор допускает такую возможность лишь при защите ещё не нарушенного права, в частности, при подготовке редакционного материала, когда сведения, составляющие диффамацию, ещё не опубликованы. Однако изъятие и уничтожение тиража периодического издания, содержащего недостоверные порочащие сведения, возможное после непосредственно умаления деловой репутации субъекта защиты, также является не чем иным, как мерой по пресечению действий-нарушений, тем более, что сегодня в ст. 152 ГК РФ напрямую упоминается пресечение или запрещение дальнейшего распространения ставшей широко известной недобросовестно обнародованной информации²²⁶.

Выбор способов защиты права на деловую репутацию, определение видов и объёма требований, предъявляемых к распространителю не соответствующих действительности (в подавляющем большинстве случаев нелестных) сведений, остаётся за истцом. Именно ему решать – защищать ли и как именно защищать свои неимущественные права и нематериальные блага, прибегнуть сразу к нескольким способам защиты гражданских прав (ибо разные способы защиты могут быть реализованы в совокупности) или остановиться на каком-либо одном.

Способы гражданско-правовой защиты права на деловую репутацию субъектов гражданских правоотношений, в частности, субъектов

---

²²⁶ Заслуживает поддержки любопытное замечание О.А. Кулиуша о том, что в редких случаях возможно применение последствий ничтожной сделки как способа защиты права на деловую репутацию, например, при попытках того или иного рода отчуждения нематериальных благ (или отказа от них) под видом тех или иных гражданско-правовых сделок. Правда, вероятность признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий её недействительности при защите права на деловую репутацию автор отмечает, с чем можно поспорить. Что если сделка, совершённая субъектом предпринимательства, порочит деловую репутацию последнего (закупка сырья низкого качества для последующего производства товаров, сотрудничество с контрагентами, запятнавшими свою деловую репутацию), но была совершена под влиянием заблуждения, обмана, угрозы, явилась кабальной или просто нарушает требования закона в силу обновлённого нормативным правовым актом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ п. 1 ст. 168 ГК? Представляется, что и оспоримая сделка может быть признана недействительной со всеми вытекающими отсюда последствиями в защиту деловой репутации юрлица или ИП.

предпринимательства, поддаются классификации²²⁷. Так, М.А. Рожкова выделяет группу способов защиты, направленных только на пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (в качестве наиболее яркого их примера автором приводится пресечение дальнейшего распространения порочащих сведений или незаконного использования деловой репутации путём изъятия тиража журнала, в котором изложены сведения, порочащие деловую репутацию субъекта защиты), а также группу способов защиты в виде восстановления положения, существовавшего до нарушения права (к последним автор в первую очередь относит опровержение порочащих сведений)²²⁸. Н.Г. Фроловский все способы защиты права на деловую репутацию по их содержанию подразделяет на материальные или имущественные (например, возмещение убытков, компенсация морального вреда) и нематериальные или неимущественные (среди них выделены опубликование ответа, опровержения, замена или отзыв документа)²²⁹. Думается, воспроизведение системы способов защиты права на деловую репутацию юрлиц и ИП в подобном виде также имеет право на существование, так как в его основу, очевидно, положен единый критерий – форма выражения властного воздействия на нарушителя; сущность тех действий, которые нарушитель вынужден будет совершить в принудительном порядке при вынесении судом решения в пользу потерпевшего. Вместе с тем лишённой смысла видится также упоминаемая Н.Г. Фроловским²³⁰ классификация способов защиты права на деловую репутацию на юрисдикционные и неюрисдикционные, в основу которой кладётся критерий формы защиты. – Нет сомнений в том, что любые способы защиты (в частности, опубликование реплики или опубликование ответа на публикацию в СМИ, выделенные исследователем в качестве неюрисдикционных) могут быть реализованы как в добровольном порядке, так и посредством апеллирования к специальным государственным органам (прежде всего судебным). В диссертациях ряда

---

²²⁷ См., например: Кулиш О.А. Указ. соч. С. 8 – 9.

²²⁸ См.: Рожкова М.А. Указ. соч. С. 35 – 36.

²²⁹ См.: Фроловский Н.Г. Защита деловой репутации юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 48 – 52.

²³⁰ Там же.

цивилистов проводится классическое деление способов защиты права на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности (или в целом способов защиты прав на честь, достоинство и деловую репутацию) на общие и специальные²³¹.

Для выстраивания системы гражданско-правовых способов защиты права на деловую репутацию юрлиц и ИП важным видится учёт задач, которые определяет себе отстаивающий свои права истец, а значит, и учёт характера последствий конкретного правонарушения, на сглаживание которых направлены те или иные правовые средства защиты. В этом смысле наиболее целесообразно подразделение специальных способов защиты права на деловую репутацию организаций и ИП на *первичные и производные* – в зависимости от их основного назначения, сферы работы с последствиями нарушения, а также от того, что является главной их целью: восстановление самого пострадавшего нематериального блага или устранение вызванных его умалением негативных явлений в деятельности субъекта защиты. Конкретизация стержневых целей специальных средств защиты облегчает их достижение и, таким образом, направлена на усиление контроля за результативностью использования соответствующих инструментов защиты.

Первичными логично именовать способы, в первую очередь призванные обеспечивать благополучие собственно деловой репутации субъекта защиты как принадлежащего ему нематериального блага (намерением при их использовании может быть как восстановление разрушенной деловой репутации, так и пресечение действий по её дальнейшему разрушению, т.е. в фокусе и непосредственное реанимирование умалённой деловой репутации, и забота о её состоянии на будущее). Это опубликование опровержения, ответа, замена или отзыв документа, содержащего интересующие истца сведения, удаление сведений, ставших широко известными, а также пресечение или запрещение дальнейшего их распространения, удаление «неприятной» информации в сети

---

²³¹ См., например: Кулиш О.А. Указ. соч. С. 8; Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 177.

«Интернет», признание распространённых сведений не соответствующими действительности. *К производным* при такой структуре механизма защиты относятся способы, служащие ликвидации негативных последствий нарушения права на деловую репутацию для субъекта в целом (как имущественного, так и неимущественного характера); эти способы напрямую не связаны с реставрацией самого пострадавшего нематериального блага. Данную категорию представляют такие способы защиты, как возмещение убытков и – с позиций *de lege ferenda* – денежная компенсация нематериального вреда юрлиц и ИП (подробно об этом способе защиты – в первом параграфе следующей главы); для ИП в качестве альтернативы последнему способу также – денежная компенсация морального вреда. Цель в данном случае – оплатить реальный ущерб и (или) упущенную выгоду, возникшие в результате правонарушения, поправить материальную сферу пострадавшего, на которой негативным образом отразилось умаление его деловой репутации, или же сгладить возникшие в результате такого умаления нежелательные внутриорганизационные явления нематериального характера, размер которых не поддаётся точному определению (срыв плана развития компании, неопределённость в принятии решений, потеря клиентуры и прочее). При компенсации нематериального вреда предпринимателям функцией соответствующей правовой меры может быть и собственно реакция на само умаление деловой репутации субъекта защиты, своеобразное предоставление, связанное с отрицательной оценкой потерпевшего совершённого в отношении него правонарушения.

Надо признать, что в процессе реализации первичных способов защиты так или иначе достигаются и задачи производных способов, т.е. защита имущественных и неимущественных интересов пострадавшего, не выражающаяся непосредственно в реабилитации делового образа. Так, например, опубликование опровержения сведений, составляющих диффамацию, наряду с восстановлением нарушенной деловой репутации, может стабилизировать внутрикорпоративный климат в организации. Удаление ложных порочащих сведений в сети «Интернет» не только пресекает дальнейшее умаление деловой репутации истца, но и

предохраняет от возможного возникновения или увеличения убытков. Однако, прежде всего, первая категория правовых инструментов подразумевает именно требование о надлежащем состоянии конкретного нематериального блага – деловой репутации заявителя.

Если через призму закона, принятие которого желательно, попытаться найти место в описанной системе такому полезному на перспективу способу защиты права на деловую репутацию граждан, в том числе ИП, как принесение публичных извинений (подробно рассмотренному в заключительном параграфе следующей главы), то он мог бы образовать третью категорию способов защиты, в равной мере служащих как для обеспечения благополучия деловой репутации (нельзя отрицать, что при публичном выражении нарушителем сожаления о своём поступке в глазах общественности в какой-то степени происходит восстановление мнения о деловых качествах пострадавшего), так и для устранения негативных последствий нарушения для субъекта защиты в целом (в данном случае последствий неимущественного характера, имея в виду функцию морального удовлетворения, сглаживания пережитых ИП отрицательных эмоций, явившихся следствием умаления его деловой репутации).

В любом случае, важно помнить, что субъект защиты волен использовать любые комбинации способов разных категорий для наиболее действенного отстаивания своих прав и законных интересов²³².

В качестве промежуточного итога можно констатировать, что в отечественном гражданском законодательстве выстроена во многом стройная и гибкая по отношению к потребностям субъекта, отстаивающего свои права, схема способов защиты права на деловую репутацию, которая успешно пополняется новыми инструментами, отвечающими современному уровню развития научно-технического прогресса. Эти способы могут быть использованы по усмотрению истца как по отдельности, так и в совокупности. Способы гражданско-правовой

---

²³² Согласно Обзору ВС РФ от 16 марта 2016 г., по данным судебной статистики количество дел о защите деловой репутации, рассматриваемых ежегодно как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, разрешающих споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, является стабильным. В среднем в год рассматривается 5000 дел в судах общей юрисдикции и 800 дел в арбитражных судах.

защиты права на деловую репутацию субъектов гражданских правоотношений, в частности, субъектов предпринимательства, могут быть подразделены на первичные и производные – в зависимости от того, что является главной их целью: восстановление самого пострадавшего нематериального блага или устранение вызванных его умалением негативных явлений в деятельности субъекта защиты.

§ 3.2. Характеристика отдельных гражданско-правовых способов защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

3.2.1. Опровержение. Первым среди специальных способов защиты права на деловую репутацию, честь и достоинство в ст. 152 ГК РФ названо опровержение порочащих сведений. При этом распространитель таких сведений вправе доказать их соответствие действительности, истцу же необходимо обосновать лишь факт распространения и порочащий характер заинтересовавших его данных.

Опровержение можно определить как *сообщение распространителя сведений об их несоответствии действительности, направленное на информирование лиц, среди которых такие сведения были распространены, и на изменение тем самым сложившегося неверного общественного мнения о характеристиках субъекта защиты.*

Важно не смешивать опубликование опровержения как способ защиты права на деловую репутацию с опубликованием ответа, т.е. текста, исходящего от лица, чьи права и законные интересы затронуты распространением определённых сведений. Их разграничение не составляет существенных трудностей, однако путаница такого рода в исковых заявлениях встречается²³³. Вместе с тем возможно сочетание двух указанных способов отстаивания права на деловую репутацию, одновременное предъявление требований о двух соответствующих

---

²³³ См., например: Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 11 мая 2016 г. по делу № 33-6/2016. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

публикациях (при этом текст ответа истец должен составить самостоятельно). Не напрасно в п. 2 ст. 152 ГК РФ сказано о праве истца потребовать опубликования своего ответа именно «наряду» с опровержением. В ряде судебных споров о защите права на деловую репутацию истцы используют такую возможность²³⁴.

Ещё один требующий осторожного отношения момент связан с необходимостью указания в исковых требованиях того, какие сведения, какая конкретно часть публичного сообщения с точки зрения заявителя должны быть опровергнуты, ведь суд будет работать с точно определённой информацией, сопоставляет с реальным положением дел чётко определённые утверждения²³⁵.

Опровержение должно делаться тем же способом, которым возмущившие истца сведения были вынесены на суд общественности (например, публиковаться в том же СМИ²³⁶). Правда, ГК РФ разумно допускает и использование иного, но аналогичного способа обнародования опровержения. Действительно, вполне закономерной видится связь между способом опровержения и способом распространения опровергаемых сведений: чем более схожими окажутся условия изначального воспроизведения сведений и их «развенчания» (источник, «аудитория» распространения, объёмы соответствующих текстов), тем больше совпадут сферы воздействия на общественное сознание незаконного обнародования информации и её опровержения (тем вернее состоится устранение негативных последствий правонарушения). Это в полной мере учтено, например, в п. 3 Информационного письма ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. № 46: если «носителем» порочащих деловую репутацию сведений явилось письмо, направленное нарушителем третьему лицу, опровержение таких сведений может

---

²³⁴ См., например: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19 января 2016 г. № 33-515/2016 по делу № 2-4578/2015; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 19 апреля 2016 г. № 02АП-643/2016 по делу № А29-3811/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³⁵ В этой связи в юридической литературе справедливо отмечается: «...заинтересованные лица нередко не уточняют, какие именно распространённые сведения порочат их деловую репутацию, требуя, по сути, опровержения текста всей статьи, прозвучавшего в эфире выступления и т.д. Такая абстрактная формулировка иска недопустима». (Рожкова М.А. Указ. соч. С. 34 – 35).

²³⁶ По разумному правилу пункта 13 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, в ситуации, когда выпуск СМИ, в котором были распространены оспариваемые истцом сведения, на время рассмотрения спора прекращён, суд правомочен обязать ответчика дать за свой счёт опровержение в каком-либо другом СМИ.

быть выражено в новом письме нарушителя тому же третьему лицу. В описанных обстоятельствах эта мера даже более целесообразна, чем, скажем, публикация опровержения в местной газете, которая может создать обратный желаемому эффект: ведь сообщение о несоответствии порочащих сведений действительности должно поступить их изначальному адресату, читатели же газеты при такой реализации защиты права могут впервые узнать о факте распространения порочащей неправды; пусть и сопровождаемый опровержением, он способен обратить на себя внимание, оставив в чьём-либо представлении негативный «осадок».

Согласно п. 3 ст. 38 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», при установлении антимонопольным органом факта распространения недостоверной рекламы и выдачи соответствующего предписания такой орган вправе обратиться в суд с иском к рекламодателю о публичном опровержении за его счёт такой недостоверной рекламы (контрреклама)²³⁷.

Пункт 17 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 содержит оправданный императив: при удовлетворении иска суд в резолютивной части решения обязан указать способ опровержения проанализированных сведений, в тех же случаях, когда, по мнению суда, это требуется, – также непосредственно изложить текст опровержения (возможно, подобная необходимость возникнет при очевидной неспособности ответчика надлежащим образом составить текст опровержения, при инцидентах новых умалений деловой репутации, содержащихся в текстах ранее публиковавшихся опровержений, при наличии принципиальности определённой формулировки опровержения, выявленной в ходе рассмотрения дела в суде). Также в подобном судебном решении обязательно определяется срок, в течение которого опровержение должно последовать – принимая в расчёт то, что в силу ст. 44 Закона РФ «О СМИ» в СМИ, выходящих не реже одного раза в неделю, опровержение должно

---

²³⁷ При этом суд или арбитражный суд определяет форму, место и сроки размещения опровержения. В силу п. 2 той же статьи с иском о публичном опровержении контррекламы вправе также обратиться любые лица, права и интересы которых нарушены в результате её распространения.

состояться в течение десяти дней со дня получения требования о нём или его текста, в иных СМИ – в подготавливаемом или ближайшем планируемом выпуске. Интересно, что п. 4 ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (далее – Основы гражданского законодательства), посвящённой защите чести, достоинства и деловой репутации, предусматривал обязательный досудебный порядок разрешения вопроса о публикации опровержения или ответа в СМИ: подобное требование гражданина или юрлица рассматривалось судом только в случае, если орган массовой информации отказал в публикации либо в течение месяца её не произвел²³⁸. Сегодня (и такое положение вещей видится правильным) предварительно обращаться напрямую к потенциальному ответчику с просьбой опровергнуть обнародованные сведения необязательно, но отказ в такой просьбе может быть обжалован в суд, что акцентируется в п. 4 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3. Срок, устанавливаемый судом для опровержения, должен быть реальным и исполнимым, а если распространённая информация окажется недостоверной лишь частично, иск так же должен быть признан в части, тогда на ответчика справедливо возложить опровержение не все обнародованных, а только неподтвердившихся данных²³⁹.

В статье 44 Закона РФ «О СМИ» достаточно полно сформулированы и иные требования к тексту опровержения и порядку его опубликования. Исключительно важно, в частности, конкретное указание на сами не соответствующие действительности сведения, а также на то, когда и как они были распространены определённым СМИ²⁴⁰. Закон разумно обязывает и сами СМИ ответственно и оперативно реагировать на требования об опровержении – в течение месяца

---

²³⁸ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. Верховным Советом СССР 31 мая 1991 № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 26 июня 1991 г. № 26. Ст. 733; Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3302; 1996. № 5. Ст. 411; Российская газета. 1993. № 57.

²³⁹ См.: Пешкова О.А. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 18 – 25.

²⁴⁰ Помимо этого, опровержение в периодическом печатном издании должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение или материал. По радио и телевидению опровержение должно быть передано в то же время суток и, как правило, в той же передаче, что и опровергаемое сообщение или материал. Объем опровержения не может более чем вдвое превышать объем опровергаемого фрагмента распространенного сообщения или материала. Нельзя требовать, чтобы текст опровержения был короче одной стандартной страницы машинописного текста. Опровержение по радио и телевидению не должно занимать меньше эфирного времени, чем требуется для прочтения диктором стандартной страницы машинописного текста.

со дня их получения редакция обязана в письменной форме уведомить заинтересованных гражданина или организацию о предполагаемом сроке распространения опровержения либо об отказе в его распространении с отдельным пояснением оснований отказа, который может быть обжалован в суд в течение года со дня распространения опровергаемых сведений. Статья 45 Закона РФ «О СМИ» содержит краткий исчерпывающий перечень оснований к отказу в опровержении, причём выделены случаи, при которых отказ допускается и при которых он с необходимостью должен последовать.

По верной мысли О.А. Пешковой²⁴¹, порой публикация, именуемая опровержением, в комплексе с комментариями и прочими материалами оскорбительна для потерпевшего, не отражает сути решения суда, содержит новые сведения, порочащие деловую репутацию субъекта защиты, это, несомненно, является основанием для предъявления нового иска автору подобного «опровержения».

Примечательно и то, что в силу п. 8 Информационного письма ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. № 46, освобождение СМИ от ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности, не может служить основанием для отказа от опубликования опровержения таких сведений. Это видится логичным, так как даже если редакция СМИ не является надлежащим субъектом ответственности, на практике она располагает необходимыми для публикации опровержения условиями, поэтому лишение потерпевшего возможности потребовать опровержения в СМИ, ставшем площадкой нарушения, было бы несправедливым. Посредством этого действия реализуется законное право истца на защиту, а не приводится в исполнение мера ответственности, на что в приведённом документе обратил внимание и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (до 6 августа 2014 г.²⁴², далее – Высший Арбитражный Суд РФ). Та же взвешенная линия проводится в Обзоре ВС РФ от 16 марта

---

²⁴¹ См.: Пешкова О.А. Указ. соч. С. 18 – 25.

²⁴² См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 27; Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 548.

2016 г., где отмечено следующее. СМИ не несет ответственности за распространение ложных сведений, порочащих деловую репутацию, если оно дословно воспроизвело сообщение, опубликованное другим СМИ, и если не будет доказано, что оно знало или должно было знать о том, что распространяемые сведения не соответствуют действительности, однако даже в подобных случаях СМИ не может быть освобождено от обязанности по опубликованию опровержения недостоверных сведений, поскольку опровержение является формой восстановления положения, существовавшего до нарушения права (абз. 3 ст. 12 ГК РФ)²⁴³.

Исходя из изложенного, представляется уместным выделить следующие классификации опровержений применительно к ст. 152 ГК РФ: 1) по способу доведения текста опровержения до адресатов и по широте их круга: *публичное* (публикация в газете, журнале, сайте в сети «Интернет», объявление в эфире телепередачи, обнародование посредством иного СМИ) и *индивидуализированное* (направление писем тем конкретным лицам, среди которых порочащая дезинформация изначально была распространена); 2) по порядку, в котором совершаются действия нарушителя по опровержению: *добровольное* и *принудительное*; 3) по связи опровергающей информацию лица с нарушением прав потерпевшего: *опровержение-мера ответственности* (осуществляется непосредственным нарушителем) и *опровержение-восстановление нарушенного права, не являющееся мерой ответственности* (осуществляется редакцией СМИ, в котором были противоправно распространены известные сведения). Проведённые классификации призваны способствовать верным определению (предстоящих) и оценке (состоявшихся) действий по опровержению

---

²⁴³ Это правило нашло отражение и в судебной практике. См., например: Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 29 марта 2016 г. по делу № 33-1364/2016; Решение Арбитражного суда Свердловской области от 3 июня 2016 г. по делу № А60-1179/2016; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 марта 2016 г. № 16АП-3879/2015 по делу № А61-1377/2015; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2015 г. № 04АП-1635/2015 по делу № А58-6199/2014; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2014 г. по делу № А12-468/2014; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 июня 2014 г. № 12АП-4478/2014 по делу № А06-6321/2013. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

неправомерно распространённых сведений. С помощью первой классификации облегчается поиск адекватного нарушению средства правового реагирования.

Крайне любопытна не сразу обращающая на себя внимание формулировка п. 6 ст. 152 ГК. «Порядок опровержения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, в иных случаях, кроме указанных в пп. 2 – 5 настоящей статьи, устанавливается судом». Приведённая фраза создаёт впечатление, что все специальные способы защиты прав, закреплённые в пп. 2 – 5 ст. 152 ГК РФ представляют собой некие разновидности опровержения. Однако так ли это на самом деле? Отталкиваясь от обоснованного выше определения опровержения (сообщение распространителя определённых сведений об их несоответствии действительности), едва ли можно отнести к нему, например, замену или отзыв документа, исходящего от организации и содержащего ложные вредоносные сведения (п. 3 ст. 152 ГК РФ)²⁴⁴. Замена или отзыв документа не несут в себе прямого сообщения о недостоверности распространённых сведений (хотя косвенно её и подтверждают), они лишь ликвидируют «корень» не соответствующей действительности информации, поэтому видится правильным рассматривать их в качестве отдельного способа защиты гражданских прав, а не подвида опровержения (в меньшинстве юридических комментариев и научных правовых исследований замена или отзыв документа преподносятся как обособленный способ защиты прав²⁴⁵, в большинстве – как вид опровержения²⁴⁶). То же касается относительно недавно введённой возможности

---

²⁴⁴ В судебной практике встречаются случаи заявления требований как о направлении писем с опровержениями тем же адресатам, так и об отзыве писем, содержащих недостоверные компрометирующие сведения. См., например: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 мая 2016 г. № 18АП-4250/2016 по делу № А07-8546/2015; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 30 мая 2016 г. по делу № А33-27093/2015; Апелляционное определение Ростовского областного суда от 14 марта 2016 г. по делу № 33-4081/2016; Апелляционное определение Астраханского областного суда от 25 ноября 2015 г. по делу № 33-4246/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 декабря 2015 г. по делу № А56-87641/2014. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁵ См., например: Барсукова В.Н. Право на честь и достоинство: особенности содержания // Современное право. 2015. № 7. С. 38 – 44; Иванова С. Защите - быть! // ЭЖ-Юрист. 2016. № 16. С. 12; Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть. М.: Статут, 2014.

²⁴⁶ Среди них: Алексеев С.В. Спортивный маркетинг. Правовое регулирование public relations в сфере физической культуры и спорта // Спорт: экономика, право, управление. 2014. № 4. С. 5 – 9; Курбатов А.Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. М.: Юстицинформ, 2013; Рабец А.М., Хватова М.А. Указ. соч. С. 7 – 11; Гражданский кодекс Российской Федерации. Ценные бумаги. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Охрана частной жизни. Постатейный комментарий к главам 6 - 8 / В.В. Андропов, Б.М. Гонгалов, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014; Защита

истца требовать удаления порочащей его деловую репутацию информации, если она стала широко известна и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, а также возможности требовать в этом случае пресечения или запрещения дальнейшего распространения такой информации путём изъятия и уничтожения без компенсации изготовленных для введения в гражданский оборот содержащих её материальных носителей (п. 4 ст. 152 ГК РФ). Здесь вновь действия, составляющие защиту права, – удаление информации, изъятие и уничтожение содержащих её носителей – совершенно не соответствуют сути опровержения как сообщения о ложности обнародованных сведений. Нет сомнений, что и они являют собой самостоятельный способ защиты прав. Кроме того, следуя логике самого нового пункта рассматриваемой статьи, закономерно сделать вывод о том, что описанные действия предпринимаются как раз при невозможности эффективно защитить нарушенное неимущественное право путём публикации опровержения.

Формами опровержения с полным правом можно признать лишь опровержение в тех СМИ, в которых недостоверные сведения были распространены (п. 2 ст. 152 ГК РФ), опровержение в письме конкретному лицу (лицам), которому (которым) ранее направляли письмо (письма) с такими сведениями (п. 3 Информационного письма ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. № 46); имеет смысл включить упоминание о таком опровержении в п. 2 ст. 152 ГК РФ), а также опровержение способом, обеспечивающим его доведение до пользователей сети «Интернет» (п. 5 ст. 152 ГК РФ).

При учёте предложенной трактовки опровержения небесспорным предстаёт п. 17 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, в котором указывается на то, что опровержение, распространяемое в СМИ в соответствии со ст. 152 ГК РФ, может облекаться в форму сообщения о принятом по делу судебном решении, включая публикацию его текста. (В некоторых судебных актах способ

деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожечин, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2015; Гаврилов Е.В. Право на честь и достоинство // ЭЖ-Юрист. 2014. № 40. С. 1– 3; Тихомиров М.Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации: новые правила. М.: Издательство Тихомирова М.Ю., 2014.

опровержения действительно определяется как публикация резолютивной части выносимого судебного постановления²⁴⁷). Думается, «уведомление» о принятии судом определённого решения и публикация нарушителем его текста несколько не противоречат и даже, напротив, соответствуют природе опровержения, однако они всё же должны сопровождаться констатацией ложности распространённой информации её распространителем.

Для устранения рассмотренных противоречий в положениях ст. 152 ГК РФ разумным видится дополнение её пункта 2 абзацем следующего содержания. *«Если письмо, содержащее порочащие честь, достоинство или деловую репутацию сведения, направлено третьему лицу, опровержение таких сведений может быть произведено путем обязанности его автора направить указанному лицу новое письмо с опровержением изложенной ранее информации»*. Действующие пп. 3 и 4 анализируемой статьи можно расположить после нынешнего п. 6, завершающего правовую регламентацию опровержения, соответственно изменив нумерацию пунктов.

Опубликование опровержения можно назвать самым знаковым из всех присутствующих сегодня в гражданском законодательстве способов защиты прав на честь, достоинство и деловую репутацию, ибо именно оно наиболее ярко символизирует установление истины и восстановление справедливости по итогам разбирательства споров о защите указанных нематериальных благ; без предъявления требования об опровержении сложно представить предъявление в суд иных требований по данным категориям дел. Этим обусловлен запрос на отточенность соответствующих формулировок закона, а также в целом внимание к опровержению недостоверных сведений со стороны юридического сообщества.

3.2.2. Опубликование ответа. Достаточно действенным в случаях нанесения вреда деловой репутации организаций и ИП (несмотря на ограниченную спорами со СМИ сферу применения) является такой способ

---

²⁴⁷ См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 28 апреля 2016 г. по делу № 33-10957/2016; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 июля 2016 г. № 09АП-27096/2016-ГК по делу № А40-228485/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

защиты гражданских прав, как опубликование ответа на интересующие истца сведения²⁴⁸.

Право лица опубликовать ответ на распространённые в СМИ касающиеся его (в частности, недостоверные) данные является самостоятельным субъективным правом защищаемого, не совпадающим с правом требовать опубликования опровержения тех или иных ложных сведений, а также с правом требовать признания распространённых сведений не соответствующими действительности. Несходства названных способов защиты начинаются уже с выполняемых ими функций. В отличие от признания сведений не соответствующими действительности, которое представляет собой подтверждение *судом* факта ложности обнародованной неустановленным лицом информации, а также в отличие от опубликования опровержения, суть которого заключается в доступной публике фиксации признания распространённых сведений не соответствующими действительности *самим их распространителем*, целью опубликования ответа является донесение до адресатов распространённой об истце информации её оценки *собственно истцом*, изложение им своих мыслей на предмет данной информации (при этом вполне естественно несовпадение такого мнения с видением распространителя искомым сведениям, диссонанс с приведёнными им фактами). Подобное понимание природы опубликования ответа как способа защиты гражданских прав подтверждается судебной практикой²⁴⁹. Кроме того, в абз. 5 п. 9 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 лицу, полагающему, что оценочное суждение, распространённое в СМИ, затрагивает его права и законные интересы, предлагается использовать право на ответ, комментарий, реплику в том же СМИ в целях обоснования несостоятельности распространённого суждения, представив его «иную оценку».

---

²⁴⁸ Правда, на практике он используется далеко не так часто, как опровержение. См.: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 октября 2016 г. № 19АП-4769/2016 по делу № А14-788/2016; Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 11 мая 2016 г. по делу № 33-6/2016. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23 января 2015 г. № Ф10-4833/2014 по делу № А35-1230/2014. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Из пп. 2, 10 и 11 ст. 152 ГК РФ следует, что лицо (гражданин или организация), в отношении которого в СМИ распространены не соответствующие действительности сведения, в том числе порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, имеет право потребовать опубликования своего ответа в тех же СМИ. Несколько иные формулировки обнаруживает абз. 2 п. 4 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, предоставляющий право на опубликование ответа в ставших источником проблем СМИ а) гражданину, в отношении которого опубликованы сведения, ущемляющие его права и охраняемые законом интересы, и б) организации, если опубликованные сведения порочат её деловую репутацию. Таким образом, по сравнению с ГК РФ, здесь отсутствует признак ложности распространённых сведений, а также вводится представляющаяся необоснованной дифференциация: для юрлиц в качестве обязательного для использования ответа условия упоминается свойство порочности обнародованных сведений, для граждан же используется более широкое по содержанию понятие ущемления прав и охраняемых законом интересов, вбирающее в себя случаи распространения порочащих сведений лишь как одну из составляющих. В этом контексте абз. 2 п. 9 названного акта разумно предусматривает обязанность истца-гражданина доказать ущемление распространёнными сведениями его прав и охраняемых законом интересов при оспаривании им отказа редакции нужного СМИ опубликовать ответ на не устраивающую его публикацию.

Примечательно и следующее. Как известно, абз. 3 п. 5 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 содержит рекомендацию различать утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые, будучи выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности и, следовательно, не являются предметом защиты в порядке ст. 152 ГК РФ. Вместе с тем право на ответ может использоваться и в случае оппонирования субъективному суждению, мнению или убеждению. В этом заключается качество универсальности данного способа защиты гражданских прав. Расширение сферы применения ответа по сравнению с тем же

опровержением представляется вполне оправданным. В век толерантности ко всякого рода щекотливым высказываниям, чей порочащий характер нередко бывает не так-то просто обосновать, а также при лояльности действующего гражданского законодательства к выражению субъективных мнений опубликование ответа становится особенно актуальным, часто – последним доступным средством отстаивания интересов истца²⁵⁰. Широкие возможности по применению такого способа защиты, как опубликование ответа, проявляются и в том, что его использование допустимо также по делам, не связанным с защитой чести и достоинства граждан, деловой репутации граждан и юрлиц (пункт 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»²⁵¹ (далее – Постановление ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16).

Статья 46 Закона РФ «О СМИ» закрепляет право гражданина и организации, если в отношении организации в СМИ распространены сведения, не соответствующие действительности, а в отношении гражданина – в целом ущемляющие его права и законные интересы, на ответ (комментарий, реплику) в том же СМИ. В специальной литературе отмечается, что к не соответствующим действительности сведениям по смыслу данной статьи можно отнести как ошибочные (фактическая ошибка, отсутствие достаточной информации у автора, добросовестное заблуждение и т.д.), так и умышленно ложные, а также тенденциозно, односторонне поданные сведения²⁵².

Обращает на себя внимание то, что и Закон РФ «О СМИ» устанавливает различные условия реализации анализируемого способа защиты. Юрлицо

---

²⁵⁰ Так, по верному замечанию В.Н. Барсуковой, «профессионально написанная статья, сделанный репортаж, содержащие негативную информацию о человеке, формируют устойчивое отрицательное мнение о нем, ведь обычные читатели, не обладающие специальными познаниями в области психологии, лингвистики, права, даже не обращают внимание на те самые слова - предположения и оценки: «возможно», «наверно» и пр. В сознании эти слова не фиксируются, зато хорошо усваивается и запоминается хлестко написанная критика». (См.: Барсукова В.Н. Право на честь и достоинство: особенности содержания // Современное право. 2015. № 7. С. 38 – 44).

²⁵¹ Российская газета. 2010. № 132. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

²⁵² Тимошенко В.А., Смушкин А.Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

получает право опубликовать ответ при распространении о нём ложных сведений, а гражданин – любых, затрагивающих его права и охраняемые законом интересы. Вновь основания для защиты права на деловую репутацию сформулированы более широко применительно к истцам – физическим лицам. Представляется, что ущемление прав и охраняемых законом интересов субъекта защиты происходит в любом случае распространения о нём ложных сведений, первое (такое ущемление) вбирает в себя второе (распространение недостоверной информации). По-прежнему непонятно лишение законодателем организаций удобства донести через опубликование ответа своими представителями иную оценку распространённой о них, любым образом нарушающей их права и законные интересы информации – юрлица нуждаются в таком праве не в меньшей степени, чем граждане. Учитывая проанализированные правила, а также обновлённое положение п. 11 ст. 152 ГК РФ, актуальным остаётся утверждение К.И. Голубева и С.В. Нарижного десятилетней давности о том, что у юрлица по сравнению с гражданином меньше гражданско-правовых способов защиты своей деловой репутации²⁵³. Целесообразным видится согласование ныне диссонирующих положений ГК РФ и Закона РФ «О СМИ», имея в виду предоставление гражданам и организациям равных исходных позиций для заявления требований об опубликовании ответа на распространённые о них в СМИ сведения.

По смыслу п. 2 ст. 152 ГК РФ ответ как текстовое сообщение может быть донесён до нужных адресатов исключительно путём публикации в СМИ. Насколько оправданно то, что субъект защиты не вправе ответить на возмущившую его информацию каким-либо иным образом? В случаях, когда затрагивающие права истца сведения были распространены в письме, вполне логично направление тем же лицам писем распространителя с их опровержением. Если же «герой» вредоносных посланий решит снять с себя беспочвенные обвинения или развеять дезинформацию лично, направив их получателям сообщения с пояснениями, дополнениями распространённых сведений,

---

²⁵³ Голубев К.И. Нарижный С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных личных благ личности. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Юридический центр Пресс, 2004. С. 161.

собственными оценками тех или иных фактов, это возможно сделать во внесудебном порядке (не к себе же самому предъявлять иск о рассылке писем с ответами). Вполне представимо и, например, обнародование ответа в виде выступления на собрании с некой речью-оппонированием. Нет причин ограничивать «защиту ответом» публикациями в СМИ; границы такой защиты видится верным расширить в ходе модернизации соответствующей нормы ГК РФ.

Скорректированные из вышеприведённых соображений положения закона могли бы выглядеть следующим образом. Соответствующее предложение по ст. 152 ГК РФ: «Лицо, в отношении которого распространены *сведения, ущемляющие его права и законные интересы*, имеет право потребовать *обнародования своего ответа*». Абзац первый ст. 46 Закона РФ «О СМИ»: «Гражданин или организация, в отношении которых в средстве массовой информации распространены *сведения, ущемляющие их права и законные интересы*, имеют право на ответ (комментарий, реплику) в том же средстве массовой информации».

Весьма желательно также основательное прояснение позиции судебных инстанций в едином с предложенными законодательными правилами ключе, которое на контрасте с Постановлением ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 отчасти уже можно наблюдать. Так, в п. 24 Постановления ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16 разъяснено, что право на ответ должно, в частности, предоставляться в случаях, если в СМИ допущено неполное или одностороннее предоставление информации, которое ведет к искажению восприятия реально произошедшего события, факта или последовательности событий, и такое опубликование нарушает права, свободы или охраняемые законом интересы гражданина или организации. В пункте 2.1. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2010 г. № 323-О-О²⁵⁴ отмечено, что право потребовать от СМИ опубликовать ответ (реплику, комментарий) на то или иное сообщение возникает

---

²⁵⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 17. Ст. 2140. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 4. Полное название: «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ускова Антона Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации».

как в том случае, когда распространённые в СМИ сведения не соответствуют действительности (независимо от того, порочат они репутацию лица или нет), так и в том случае, когда распространённые сведения, хотя и соответствуют действительности, однако ущемляют права и законные интересы лица.

Пункт 24 Постановления ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16 предусматривает ещё один разумный нюанс: сведения, которые содержат лишь отдельные неточности (например, описки), могут признаваться не соответствующими действительности только при условии, что эти неточности привели к утверждению о фактах, событиях, которые не имели места в тот период времени, к которому относятся распространённые сведения.

Абзац 3 ст. 46 Закона РФ «О СМИ» закрепляет возможность заинтересованных лиц размещать ответ на ответ. (Если таковой не является редакционным комментарием, который может быть опубликован в любом выпуске, он размещается не ранее, чем в следующем выпуске СМИ). Создаются юридические предпосылки для развития на площадке СМИ (разумеется, в правовых рамках) полемики, дебатов лиц, представляющих разные точки зрения. Законодательная гарантия такой возможности заслуживает положительной оценки, она обеспечивает не только интересы спорщиков, но и право членов общества получать полную информацию из различных источников.

Что же касается непосредственно механизма опубликования ответа и оснований отказа в подобном опубликовании, тут в силу прямого указания абзаца 2 разбираемой статьи по аналогии применяются нормы об опубликовании опровержения (ст.ст. 43 – 45 Закона РФ «О СМИ»)²⁵⁵.

---

²⁵⁵ В частности, редакция радио-, телепрограммы, обязанная довести до своей аудитории ответ на распространённые сведения, может предоставить гражданину или представителю организации, потребовавшему этого, возможность зачитать собственный текст и передать его в записи. Ответ в периодическом печатном издании должен быть набран тем же шрифтом и помещён по общему правилу, на том же месте полосы, что и материал, к которому он относится. По радио и телевидению ответ должен прозвучать в то же время суток и, как правило, в той же передаче, что и искомый материал. Объем ответа не может более чем вдвое превышать объем удостоившегося ответа фрагмента распространённого материала. Нельзя требовать, чтобы текст ответа был короче одной стандартной страницы машинописного текста. Ответ по радио и телевидению не должен занимать меньше эфирного времени, чем требуется для прочтения диктором стандартной страницы машинописного текста. Ответ должен быть обнародован: 1) в СМИ, выходящих в свет (в эфир) не реже одного раза в неделю, – в течение десяти дней со дня получения требования об опровержении или его текста; 2) в иных СМИ – в подготавливаемом или ближайшем планируемом выпуске. При этом в течение месяца со дня получения требования об опубликовании ответа редакция обязана в письменной форме уведомить заинтересованных гражданина или организацию о

В статье 46 Закона РФ «О СМИ» (а вслед за ней и в п. 24 Постановления ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16) рядом с понятием «ответ» в скобки заключены слова «комментарий» и «реплика», содержание которых ни в законе, ни в разъяснениях Верховного Суда РФ не раскрывается. В абзаце 5 п. 9 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 эти слова и вовсе перечислены через запятую²⁵⁶. Упоминание данных понятий без скобок, через запятую, т.е., в качестве равнозначных, встречается и в иных судебных актах, в частности, в актах высших судебных инстанций²⁵⁷. Вместе с тем, разграничение обозначаемых ими феноменов, раскрытие их содержания отсутствует как в правоприменительной практике, так и в науке. Думается, дело тут приходится иметь всё же с различными, хотя и с родственными, категориями, в противном случае их одновременное присутствие в нормативном материале было бы лишено смысла, – наоборот, надо полагать, оно имеет определённую, пусть, к сожалению, и не выраженную законодателем очевидно логику. Вызывает сомнение правота позиции тех юристов, которые высказывают убеждённость в синонимичности приведённых терминов²⁵⁸. Тезисы же исследователей, разводящих их содержание, как представляется, нуждаются в развитии и добротном обосновании²⁵⁹.

предполагаемом сроке распространения ответа либо об отказе в его распространении с указанием оснований отказа (например, анонимность ответа, его противоречие вступившему в законную силу решению суда, злоупотребление свободой массовой информации).

²⁵⁶ При этом они вновь заключены в скобки после слова «ответ» в п. 14 названного постановления.

²⁵⁷ См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 12-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дубравина Николая Григорьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации»; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2016 г. № 309-ЭС16-1013 по делу № А71-12852/2014; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 6 мая 2016 г. № 04АП-1497/2016 по делу № А10-5491/2015; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 мая 2016 г. № 17АП-3249/2016-ГК по делу № А50-21902/2015; Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 19 апреля 2016 г. по делу № 33-1482/2016; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21 апреля 2016 г. № 07АП-2360/2016(1) по делу № А45-17859/2015; Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 9 марта 2016 г. по делу № 33-3596/2016; Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 24 февраля 2016 г. по делу № 33-1140/2016; Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 9 февраля 2015 г. по делу № 33-294. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁸ См., например: Тимошенко В.А., Смушкин А.Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁹ Так, Е.В. Михалевич отдельно упоминает право общественных и политических деятелей комментировать распространённую в отношении них информацию в сети «Интернет» и право отвечать на нее. (Михалевич Е.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации общественных и политических деятелей при распространении информации в сети Интернет // Информационное право. 2013. № 5. С. 25 – 28). Н.Г. Фроловский в качестве самостоятельных способов защиты деловой репутации юрища называет право на реплику и право на опубликование в СМИ своего ответа на публикацию. (Фроловский Н.Г. Защита деловой репутации юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 48 – 52).

Смысловое наполнение терминов «ответ», «комментарий» и «реплика» (коль скоро оно различно) требует детализации применительно к каждому из них, а возможно, и даже весьма желательно – фиксации на законодательном уровне, в ст. 46 Закона РФ «О СМИ».

Для того, чтобы решить задачу грамотной «индивидуализации» этих имеющих общую природу явлений, прежде всего следует обратиться к этимологии соответствующих лексических единиц. Словарь под редакцией Д.Н. Ушакова содержит среди прочих следующие дефиниции слова «ответ»: «отклик, сообщение, вызванные каким-нибудь вопросом, обращением»; «противодействие чему-нибудь»²⁶⁰. Этот же словарь рассматривает комментарий как «толкование, изъяснение какого-нибудь текста, изложения; объяснительные примечания к тексту какого-нибудь автора»; «рассуждения, пояснительные замечания по поводу чего-нибудь; рассуждения в печати по поводу какого-нибудь политического события»²⁶¹. Согласно определению, данному в словаре В.И. Даля, комментарий – это «объяснение, толкование, замечания на статью, книгу»²⁶². Как видно, устоявшаяся семантика предполагает некое «противодействие», ярко выраженное противостояние данным, являющимся точкой отсчёта спора в качестве обязательного атрибута ответа, в то время как комментарий лишён этого свойства и характеризуется, скорее, уточнением, дополнением первоначального текста, снабжением его подробностями. Хотя автор комментария и преследует в конечном итоге цель дать свою трактовку той или иной информации, предотвратить её превратное понимание адресатами или скорректировать сформированное у них неверное её восприятие, в отличие от автора ответа он всё же напрямую не спорит с распространителем интересующих его сведений, не вступает с ним в открытую конфронтацию и явно не противопоставляет свою и его оценки. Иными словами, составитель комментария как бы «помогает» распространителю сведений в их правильном оформлении и преподнесении

²⁶⁰ Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н.Ушакова в 4 т. Т. 2. – М.: ТЕРРА, 1996. С. 903.

²⁶¹ Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н.Ушакова в 4 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996. С. 1422 – 1423.

²⁶² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 2. – М.: Русский язык, 1978. С. 147.

общественности. Другое дело – составитель ответа: он действует более «агрессивно», выступая со своим видением фактов/обстоятельств/характеристик чего-либо или со своим взглядом на чьё-либо субъективное мнение, которые прямо противоположны или хотя бы значительно в чём-то противоречат обнародованному материалу. Таким образом, опубликование ответа и комментария различаются отношением использующих их лиц к обнародованному материалу.

Реплика (фр. *réplique* от лат. *replico* – «опять, ещё прикладываю») интерпретируется, в частности, как «ответ, возражение, замечание одного собеседника на слова другого» и «краткий возглас, возражение или замечание с места по содержанию речи оратора»²⁶³. Очевидно, специфика реплики сводится к незначительному объёму и несущественности поправки, вносимой в посыл искомой информации (причём, думается, такая поправка может носить как характер дополнения, так и характер возражения). Несмотря на то, что категории незначительности объёма и несущественности поправки являются оценочными, на практике отличие реплики от ответа или комментария не должно представлять серьёзных затруднений: выбор способа защиты права принадлежит истцу, и, формулируя его именно как опубликование реплики, автор таковой, как правило, имеет в виду как раз во всех смыслах лёгкую корректировку обративших на себя его внимание сведений.

Комментарий, в отличие от ответа и реплики, может даваться самим распространителем исходной информации.

Выделенные выше отличительные черты ответа, реплики и комментария свидетельствуют о том, что единый классификационный критерий при их разграничении использован быть не может, однако все три явления обладают достаточной спецификой и заслуживают самостоятельной идентификации. В статье 46 Закона РФ «О СМИ» могли бы быть закреплены следующие определения.

---

²⁶³ Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н.Ушакова в 4 т. Т. 3. – М.: ТЕРРА, 1996. С. 1342.

Ответ – сообщение, содержащее опровержение каких-либо сведений и (или) контраргументы каким-либо доводам, исходящее от лица, которого такие сведения и (или) доводы касаются.

Комментарий – сообщение, содержащее уточнение, дополнение или истолкование каких-либо сведений или доводов без явно выраженного противоречия им.

Реплика – незначительное по объёму сообщение, представляющее собой несущественную корректировку каких-либо сведений или доводов в виде дополнений или возражений.

Итак, основные особенности, пожалуй, самого универсального способа защиты прав юрлиц и ИП на деловую репутацию – опубликования ответа – заключаются в следующем. Во-первых, возможность применять опубликование ответа в качестве оппонирования субъективным мнениям, суждениям, оценкам. После появления нового правила пункта 10 ст. 152 ГК РФ при применении почти всех средств правовой защиты названной статьи устанавливать порочащий характер распространённых сведений необязательно, однако возможность противостояния личным видениям, высказанным точкам зрения, которые не могут быть проверены на соответствие действительности, предоставляет лишь опубликование ответа, и в этом его особая ценность. Второе свойство рассматриваемого способа защиты, напротив, ограничивает сферу его применения и несколько «компенсирует» первую особенность: опубликование ответа возможно исключительно на тексты, обнародованные СМИ, и лишь в тех же самых СМИ²⁶⁴. В-третьих, ответ публикуется тем лицом, о котором была распространена вызвавшая неприятие информация, в то время как опровержение даётся либо самим распространителем возмущивших истца сведений, либо редакцией СМИ, послужившего площадкой для правонарушения; признание сведений не соответствующими действительности, как известно, осуществляется

---

²⁶⁴ Правда, в п. 13 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 есть примечание: в случае, когда выпуск СМИ, в котором были распространены порочащие истца недостоверные сведения, на время рассмотрения спора прекращен, суд вправе обязать ответчика за свой счёт дать опровержение или оплатить публикацию ответа истца в другом СМИ.

судом. Наконец, в-четвёртых, если и опровержение, и признание сведений не соответствующими действительности представляют собой простую констатацию факта (распространения ложных сведений конкретным правонарушителем, как в первом случае, или распространения ложных сведений неустановленным лицом, как во втором), то опубликование ответа может содержать (думается, это необязательно, но очень часто именно так и бывает, что является естественным для данного средства реагирования на нарушение права) некий личный элемент, отражает индивидуальное отношение автора ответа к определённым обстоятельствам, фактам, чужим оценкам. Это и понятно – ведь ответ тесно связан с личностью своего инициатора и творца (в частности, гражданина-предпринимателя, представителя юрлица), вполне закономерно, что он включает персональную интерпретацию обсуждаемой информации. Такой «отпечаток личности», который несёт в себе опубликование ответа, наряду с прочими его особенностями, формирует уникальность данного способа защиты гражданских прав, обеспечивает выполнение им специфических функций, а равно, думается, в какой-то степени обуславливает его эффективность.

3.2.3. Замена или отзыв документа. В силу п. 3 ст. 152 ГК РФ исходящий от организации документ, содержащий недостоверные сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию лица, подлежит замене или отзыву²⁶⁵. А согласно п. 10 той же статьи, заменён или отозван может быть также любой документ, содержащий ложную информацию (не обязательно нелицеприятную). Цель данного способа защиты права на деловую репутацию – устранить официальный источник ложных порочащих истца сведений или заменить таковые на правдивые. По выделенной ранее мысли, замена или отзыв документа не являются формой опровержения (как можно счесть исходя из формулировки п. 6

---

²⁶⁵ См.: Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 7 сентября 2016 г. по делу № 33-12187/2016; Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 25 июля 2016 г. по делу № 33-12594/2016; Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июля 2016 г. по делу № 33-27771/2016; Апелляционное определение Пермского краевого суда от 16 мая 2016 г. по делу № 33-5248/2016. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ст. 152 ГК РФ), поскольку не предполагают непосредственного сообщения о дезинформации, а представляют собой самостоятельный защитный механизм²⁶⁶.

В толковых словарях даются, в частности, следующие определения слова «документ»: деловая бумага, подтверждающая какой-нибудь факт или право на что-нибудь²⁶⁷; письменный акт, служащий свидетельством какого-либо решения, сделки или действия; деловая бумага, относящаяся к канцелярскому производству²⁶⁸; материальный носитель информации, содержащий соответствующие данные, оформленный в установленном порядке и имеющий в соответствии с действующим законодательством правовое значение; в автоматизированных информационно-поисковых системах – любой объект, внесённый в память системы; в наиболее общем случае – зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими её идентифицировать²⁶⁹. Среди документов, которые могут включать в себя сведения, описанные в ст. 152 ГК РФ, – локальные нормативные правовые акты организаций, акты органов государственной власти, удостоверяющие какие-либо события или обстоятельства, прочие акты, имеющие правовое и удостоверяющее значение. В литературе и правоприменительной практике всё прочнее укореняется понятие «электронный документ»²⁷⁰.

Выше уже отмечалось, что в силу п. 7 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 п. 3 ст. 152 ГК РФ неприменим к сведениям, содержащимся в судебных и иных правоприменительных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами порядок (так,

---

²⁶⁶ Некоторыми авторами допускается смешение замены документа с направлением письма, содержащего опровержение ранее сообщённых в другом письме сведений их первоначальному адресату. (Тихомиров М.Ю. Указ. соч. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²⁶⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. С. 172.

²⁶⁸ Малый энциклопедический словарь: В 4 т. Т. 2 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза – Ефрона. – М.: ТЕРРА, 1994. – С. 1559 – 1560.

²⁶⁹ Борисов А.Б. Большой экономический словарь. Издание 2-е переработанное и дополненное. – М.: Книжный мир, 2009. – С. 207.

²⁷⁰ Документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. (Тихомиров М.Ю. Указ. соч. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

приказ об увольнении может быть оспорен только в порядке, предусмотренном Трудовым кодексом Российской Федерации).

Согласно п. 5 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, в случае, когда сведения были распространены работником в ходе осуществления профессиональной деятельности от имени организации, в которой он трудится (например, в служебной характеристике), надлежащим ответчиком в соответствии со ст. 1068 ГК РФ является юрлицо, работником которого распространены такие сведения. Вне сомнений, впоследствии юрлицо в такой ситуации вправе применить санкции к своему работнику (они могут предусматриваться корпоративными нормами, внутренними документами организации)²⁷¹.

Следует признать, что замена, а также отзыв документа в подавляющем большинстве случаев достигают необходимого эффекта лишь тогда, когда их применение сочетается с применением иных способов защиты гражданских прав (например, опровержения, опубликования ответа, компенсации морального вреда гражданину или возмещения убытков потерпевшему при доказанности наличия, размера и причинно-следственной связи между распространением сведений в документе и возникновением убытков).

3.2.4. Введённые в 2013 г. новые способы защиты для специальных случаев. Если информация, порочащая деловую репутацию (а равно честь или достоинство) лица стала широко известна и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения (обязательно наличие и первого, и второго условия как причины и следствия; классический при умалении деловой репутации способ защиты здесь бесполезен), такое лицо (физическое или юридическое) вправе требовать необходимого удаления информации, а также

---

²⁷¹ В этой связи (и в контексте защиты прав юрлиц в целом) уместно упомянуть Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 мая 2012 г. № 151, представляющее обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью. (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8). В силу п. 1 названного акта, грубое нарушение обязанности участника общества с ограниченной ответственностью не причинять обществу вред может служить основанием для его исключения из общества. Два следующие пункта квалифицируют в качестве основания для такого исключения совершение участником общества действий, заведомо противоречащих его интересам, при выполнении функций единоличного исполнительного органа или при осуществлении полномочий, предоставленных на основании выданной обществом доверенности, если эти действия причинили обществу значительный вред и (или) сделали невозможной его деятельность либо существенно ее затруднили.

пресечения или запрещения её дальнейшего распространения путём изъятия и уничтожения в отсутствие какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот соответствующих материальных носителей, если без этого удаление создающей проблемы информации неисполнимо. Таким образом, можно засвидетельствовать возникновение альтернативы опубликованию опровержения на случай очевидной его несостоятельности. Это новый, введённый в рамках реформирования гражданского законодательства (Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ) способ защиты, регламентированный п. 4 ст. 152 ГК РФ и уже получивший некоторое освещение в работах юристов²⁷². Представляется, что он объективно вызван к жизни не известными ранее обществу реалиями, связанными с развитием научно-технического прогресса, в условиях которого информация способна перемещаться в минимальные временные промежутки. Да и серьёзных трудностей совершение описанных действий, как правило, не составляет. Правда, в самом тексте появившейся в ГК РФ нормы подчёркнуто, что уничтожение материальных носителей, содержащих недостоверные порочащие сведения, – крайняя мера, носящая исключительный характер.

Особый интерес представляет также дебютировавшее в октябре 2013 г. положение п. 5 ст. 152 ГК РФ, предусматривающее ещё один новый прямо прописанный в кодексе способ защиты неимущественных прав и нематериальных благ. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию лица, оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», такое лицо (гражданин или организация) вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей Всемирной сети²⁷³.

---

²⁷² См.: Гаврилов Е.В. Удаление информации, пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений как способы защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2014. № 9. С. 41 – 45; Михалевич Е.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации публичных персон в свете последних изменений в Гражданском кодексе Российской Федерации // Судья. 2014. № 4. С. 34 – 37; Тихомиров М.Ю. Указ. соч. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷³ Подробнее о способах защиты деловой репутации при диффамации в электронных СМИ см.: Мордохов Г.Ю. Защита деловой репутации в сети Интернет // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 56 – 60; Пантелеев Б. СМИ уходят в Интернет // ЭЖ-Юрист. 2011. № 33. С. 8; Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: Юриспруденция, 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

О модернизации информационных технологий, свидетелями которой мы сегодня являемся, бессмысленно говорить без упоминания глобальной сети «Интернет», предоставляющей почти ничем не лимитированные возможности по обмену сообщениями и их обнародованию. Однако, пользуясь положительными плодами научно-технического прогресса в этой сфере, опрометчиво было бы забыть о тех дополнительных опасностях, которые он заодно создаёт, в частности, о благоприятных условиях для потенциального распространения не соответствующих действительности сведений (в том числе порочащих чьи-либо честь, достоинство, деловую репутацию). Поэтому нынешняя заинтересованность законодателя известным сегментом правоотношений объяснима. Способы защиты прав на деловую репутацию как физических, так и юридических лиц нуждаются в эволюции, зеркальной научно-техническому прогрессу.

Многочисленные словари, справочники и энциклопедии мира единодушно называют Интернет «изобретением чрезвычайной важности», отмечая, что оно «влияет практически на все стороны культуры и бизнеса, причём размер этого влияния ещё трудно оценить»²⁷⁴. Доступность и скорость передачи информации в сети «Интернет» вкупе с трудностями идентификации субъектов-распространителей не только открывает практически беспредельные возможности по обнародованию любого рода материалов, но и многократно увеличивает риски серьёзных нарушений прав неограниченного круга лиц. Не исключено анонимное использование интернет-ресурсов в противоправных целях. Создаются угрозы деловой репутации граждан и организаций в целом, но особый смысл элементы «информационной войны» в Интернете обретают для субъектов предпринимательства. «В будущем на рынке останется два вида компаний: те, кто

В настоящий момент уже сложилась практика применения данного способа защиты прав. См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 8 сентября 2016 по делу № 33-36458/2016; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 июля 2016 г. № 09АП-27096/2016-ГК по делу № А40-228485/2015; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 4 марта 2016 г. № Ф02-7786/2015 по делу № А33-873/2015; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 июля 2015 г. № Ф05-8820/2015 по делу № А40-69753/14; Постановление Президиума Верховного суда Республики Алтай от 19 мая 2015 г. по делу № 44Г-5/2015; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2015 г. № 04АП-1635/2015 по делу № А58-6199/2014; Определение Приморского краевого суда от 17 февраля 2015 г. по делу № 33-1332/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁴ Britanica. Настольная энциклопедия. Т. 1. М.: Астрель, 2006. С. 727.

в Интернете, и те, кто вышел из бизнеса» – так определил значение Глобальной сети для коммерции успешный американский предприниматель, один из создателей компании «Microsoft» Билл Гейтс²⁷⁵. Можно представить, как важны для любых организаций и для ИП вопросы поддержания на должном уровне деловой репутации и как дорого может стоить поправление последней на виртуальных площадках.

Закономерно, что любая деятельность в веб-зоне, оставленная вне правового поля, чревата весьма негативными последствиями и потому требует контроля со стороны законодателя. Соответствующие процессы получают сегодня развитие. Так, 1 августа 2014 г. вступил в силу резонансный федеральный закон, получивший в обществе неоднозначную оценку и название закона о блогерах²⁷⁶. Указанный правовой акт вводит в отечественное законодательство понятие «блогер» (владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трёх тысяч пользователей сети «Интернет»). Блогеры должны регистрироваться в специальном реестре, который ведёт Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). В числе обязанностей блогеров, среди прочего, – проверка достоверности размещаемой общедоступной информации до ее размещения и незамедлительное удаление размещенной недостоверной информации; недопущение распространения информации о частной жизни гражданина с нарушением гражданского законодательства; соблюдение требований законодательства Российской Федерации, регулирующих порядок распространения массовой информации; соблюдение прав и законных интересов граждан и организаций, в том числе чести, достоинства и деловой репутации граждан, деловой репутации организаций.

---

²⁷⁵ Гейтс Билл. Бизнес со скоростью мысли. Изд. 2-е, исправленное. М.: «ЭКСМО-Пресс», 2001. С.12.

²⁷⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: Федеральный Закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ // Российская газета. 2014. № 101.

Идеи законодателя (как и в целом проявленное им участие к обсуждаемому кругу проблем) заслуживают положительной оценки. Обязанности, возложенные приведённым законом на физических и юридических лиц, не оставляют впечатления непомерного бремени для субъектов правоотношений. Напротив, их введение видится обдуманым, подкреплённым соображениями эффективности правового регулирования и вполне оправдывающим себя на перспективу.

Принимая во внимание, что пользователь Интернета зачастую публикует дискредитирующие материалы без подписи, а это в случае несоблюдения требований закона делает проблематичным его привлечение к ответственности, злободневными становятся задачи удаления уже распространённого и пресечения дальнейшего распространения порочащего контента (который, как известно, может быть моментально скопирован любым заинтересованным лицом неограниченное количество раз и перенесён, таким образом, на другие сайты).

Относятся ли сайты Глобальной сети к СМИ? Ответ может звучать неожиданно, но с правовой точки зрения – и да, и нет. Возможны варианты, и вот в чём дело. Согласно абзацу 3 ст. 2 Закона РФ «О СМИ» к СМИ относится, в частности, сетевое издание. А абзац 16 этой же статьи определяет сетевое издание как сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в соответствии с законом в качестве СМИ. По прямому указанию п. 2 ст. 8 этого документа сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированный в качестве СМИ, таковым не является.

В силу ст. 2 Федерального закона «О связи»²⁷⁷ под услугой связи понимается деятельность по приему, обработке, хранению, передаче, доставке сообщений электросвязи или почтовых отправлений; под электросвязью – любые излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам.

---

²⁷⁷ О связи: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.

Лицо, оказывающее услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», относится законом к операторам связи, чьи обязанности регламентирует ст. 46 Федерального закона «О связи» и Федеральный закон «Об информации».

Таким образом, деятельность в сфере предоставления доступа к сети «Интернет» в любом случае относится к услугам связи, а вот СМИ сайты Всемирной паутины являются не всегда, а лишь в случае регистрации в качестве таковых (при этом они получают специальное название – «сетевые издания»). Каковы же различия в правовом регулировании деятельности первых и вторых?

Согласно пункту 23 Постановления ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16, если на сайте в сети «Интернет», зарегистрированном в качестве СМИ, комментарии читателей размещаются без предварительного редактирования (например, на форуме читателей материалов такого сайта), то в отношении содержания этих комментариев следует применять правила, установленные в п. 2 ст. 24 (статья утратила силу с 10 ноября 2011 г.) и в п.п. 5 п. 1 ст. 57 Закона РФ «О СМИ» для авторских произведений, идущих в эфир без предварительной записи (суть последнего в том, что редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений с определёнными нарушениями правовых требований, если они содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию в соответствии с приведённым законом). В случае поступления обращения уполномоченного государственного органа, установившего, что размещенные комментарии являются злоупотреблением свободой массовой информации, редакция указанного СМИ вправе удалить их с сайта либо отредактировать, руководствуясь положениями ст. 42 Закона РФ «О СМИ». Если комментарии, представляющие собой злоупотребление свободой массовой информации, остаются доступными для пользователей данного сайта в сети «Интернет», то правила подпункта 5 п. 1 ст. 57 Закона РФ «О СМИ» не применяются. До недавних пор ни аналогичные, ни хоть сколько-нибудь схожие обязанности ни одним нормативным правовым актом на владельцев

электронных ресурсов, не зарегистрированных в качестве СМИ, не возлагались. Сейчас это правило претерпело концептуальное изменение.

Показательным в этой связи является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П²⁷⁸ (далее – Постановление КС РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П), предшествовавшее принятию обсуждаемой нормы. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) разъяснил следующее: владелец сайта в сети «Интернет» или уполномоченное им лицо, ответственное за размещение информации на этом сайте, обязаны удалить по требованию гражданина информацию, содержащую сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, которые признаны не соответствующими действительности вступившим в законную силу судебным решением (достоверность распространённых третьими лицами данных владелец сайта или уполномоченное им лицо не имеют возможности проверить самостоятельно). При этом подчёркивается: «возложение обязанности удалить указанные сведения представляет собой не меру ответственности за виновное правонарушение, а законный способ защиты права».

Тот факт, что противоправные действия с применением ресурсов сети «Интернет» совершены неизвестным, не отменяет общего принципа, в силу которого ответственность за эти действия несет именно правонарушитель. Однако даже фактическая невозможность в подобных случаях установить и привлечь к ответственности виновное лицо, равно как и отсутствие правовых оснований для привлечения к ответственности владельца соответствующего сайта, не являющегося СМИ, или иного уполномоченного им на размещение информации лица в качестве способа защиты прав потерпевшего не означает, что эти права не подлежат защите иными способами.

В этой связи Конституционный Суд РФ справедливо указал: «возложение на лицо, которое имеет техническую возможность без ущерба для своих прав и законных интересов удалить сведения, признанные судом не соответствующими

---

²⁷⁸ Российская газета. 2013. № 157. Полное название: «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова».

действительности, обязанности выполнить, как только ему об этом стало известно, необходимые действия не может рассматриваться ни как чрезмерное обременение, ни как несоразмерное ограничение его прав»²⁷⁹.

Несомненна необходимость введения в правовое регулирование дополнительных законодательных гарантий защиты чести, достоинства и деловой репутации, учитывающих существенное изменение способов распространения информации и отвечающих современным условиям ее движения в сети «Интернет». В этих целях, как указано в самом Постановлении КС РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П, был принят Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ, скорректировавший и положения ст. 152 ГК РФ. Рассмотренное постановление Конституционного Суда РФ своеобразно предварило вступление в силу нынешнего правила п. 5 ст. 152 ГК РФ, снабдив новеллу не просто развёрнутым комментарием, но даже исчерпывающим обоснованием с тем, чтобы окончательно развеять возникавшие в практике применения соответствующих норм неясности.

Пункт 5 ст. 152 ГК РФ упоминает опровержение способом, обеспечивающим его доведение до пользователей сети «Интернет». Может ли быть таким способом и, например, опубликование текста опровержения в газете, передача по радио, телевидению? Прямого запрета на решение проблемы в подобном ключе норма, как можно видеть, не формулирует. По её смыслу допустимо использование любых средств, удовлетворяющих цели информирования пользователей сети «Интернет». Стоит признать, самое логичное при таких обстоятельствах – опубликование опровержения именно на той интернет-площадке, которая явилась источником распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина (юрлица). Однако представимы ситуации, в которых это крайне затруднительно или невозможно; самая очевидная из них – технические неисправности в работе сайта. В таком случае разумным видится опубликование опровержения с использованием других ресурсов, отвечающих установленному законодателем

---

²⁷⁹ Там же.

критерию (предоставляющих возможность довести соответствующий текст до пользователей сети «Интернет»). Будет ли соответствовать ему опубликование опровержения посредством других СМИ – вопрос, на который отвечать правоприменителю, и понятно, что положительный ответ на него потребует убедительного обоснования, но, думается, полностью исключать публикацию опровержения, не связанную со Всемирной сетью, в случаях, регламентированных п. 5 ст. 152 ГК РФ, нельзя – учитывая возможные экстравагантные обстоятельства и препятствия к реализации естественного метода защиты права.

Верна согласующаяся с позицией Конституционного Суда РФ мысль о том, что оба последних новых способа защиты гражданских прав к мерам ответственности не относятся, а потому должны применяться независимо от вины ответчика²⁸⁰.

3.2.5. Иные способы защиты. Если попытки по установлению нарушителя, распространившего сведения, порочащие деловую репутацию (честь или достоинство) лица оказались безуспешными или установить распространителя сведений заведомо невозможно, истец имеет право заявить требование о признании судом распространённых сведений не соответствующими действительности. Подобная проблемная (но не безвыходная) ситуация складывается в случае вброса анонимных сообщений (в форме писем или звонков), адресованных физическим или юридическим лицам. Сложности с выявлением надлежащего ответчика нередко возникают и в информационном пространстве всемирной сети «Интернет» при публикации текстовых сообщений без авторской подписи и без указания источника распространяемых данных. В этой связи, иллюстрируя применение интернет-технологий для размещения вредящих чьей-либо деловой репутации (чести, достоинству) недостоверных сведений, М.А. Рожкова пишет о так называемых интерактивных «гостевых

---

²⁸⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ценные бумаги. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Охрана частной жизни. Постатейный комментарий к главам 6 - 8 / В.В. Андропов, Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

книгах» как о своеобразной форме изучения общественного мнения, при которой каждый посетитель сайта имеет возможность высказаться по предложенному поводу²⁸¹. Одним из наиболее популярных форматов помещения информации в Интернет без каких-либо редакторских правок извне (при минимальном модерировании) стали форумы. Слово латинского происхождения «форум» имеет несколько значений. В древнем Риме так называлась «площадь, на которой происходили народные собрания, устраивались ярмарки и совершался суд»²⁸². Сегодня же этим понятием обозначают в самом общем плане или «широкое представительное собрание, съезд», или «место выступлений, высказываний»²⁸³. Так называемый веб-форум представляет собой класс веб-приложений (это может быть сайт или соответствующее программное обеспечение) для организации тематического интернет-общения. Суть работы веб-форума заключается в автономном создании пользователями (посетителями форума) своих тем в его разделах с последующим их обсуждением путём постинга сообщений внутри этих тем. В таком виртуальном пространстве известные нарушения личных неимущественных прав особенно легко осуществимы.

В абзаце 3 п. 2 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 отмечается, что заявление о признании распространённых в отношении заинтересованного лица сведений не соответствующими действительности и порочащими рассматривается в порядке особого производства по правилам подраздела IV ГПК РФ.

Нельзя не согласиться с М.А. Рожковой в том, что в предъявлении в качестве самостоятельного требования о признании факта несоответствия сведений действительности, когда их распространитель известен, нет необходимости, поскольку установление данного обстоятельства входит в предмет доказывания по всякому делу о защите права на деловую репутацию, одновременное же предъявление требований о признании факта и иска о

---

²⁸¹ Рожкова М.А. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 28 – 29.

²⁸² Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1988. С. 537.

²⁸³ Там же.

присуждении (например, об опровержении возмущивших истца сведений или о взыскании убытков) лишено смысла²⁸⁴. В то же время на практике исковые требования очень часто заявляются именно в комбинации «признание распространённых сведений не соответствующими действительности – опровержение» – видимо, для усиления эффекта очищения несправедливо запятнанной репутации в сознании субъекта защиты²⁸⁵.

Юрлица (как и граждане-ИП) извлекают прибыль из своей деловой репутации, собственного положительного образа, сложившегося в глазах клиентов и контрагентов, устоявшихся в обществе лестных представлений о квалификации их специалистов в той или иной области, о высоком качестве производимых ими товаров (оказываемых услуг, выполняемых работ), об их надёжности с точки зрения исполнения своих обязательств. Всякое осязаемое умаление деловой репутации организации закономерно ведёт к её убыткам, которые могут проявиться как в реальном ущербе (например, расходах на проведение рекламной компании, пиар-акциях, размещении дополнительной информации, вынужденных не планировавшихся распродажах, тратах, связанных со сменой наименования самого юрлица, его предприятий, товаров), так и в упущенной выгоде (падении продаж, отказе контрагентов от определённо намечавшихся сделок, срыве планировавшихся к реализации проектов и т.д.). Именно поэтому у истцов-юрлиц и ИП, пострадавших от диффамации и иных попраций неимущественных прав и нематериальных благ, часто возникает намерение заявить наряду с требованиями об опубликовании опровержения или ответа требования о возмещении причинённых им правонарушением убытков. Если не считать общую норму ст. 15 ГК РФ, поверхностное упоминание об этом

---

²⁸⁴ Рожкова М.А. Указ. соч. С. 28 – 29.

²⁸⁵ См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 мая 2016 г. № Ф04-1331/2016 по делу № А67-856/2015; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 мая 2016 г. № 17АП-3249/2016-ГК по делу № А50-21902/2015; Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 29 марта 2016 г. по делу № 33-749/2016; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2016 г. № 07АП-11304/2015 по делу № А67-856/2015; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 25 февраля 2016 г. по делу № 33-1950/2016 (33-21791/2015); Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 января 2016 г. № 17АП-16948/2015-ГК по делу № А60-36499/2015; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 ноября 2015 г. № Ф09-7905/15 по делу № А07-15714/2014; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2015 г. № 17АП-7095/2015-ГК по делу № А60-48774/2014. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

способе защиты содержится в п. 9 ст. 152 ГК РФ, а также в п. 16 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3.

Однако получение заслуженного возмещения убытков часто бывает существенно осложнено. Добиться его непросто уже из-за необходимости доказывания размера убытков (главным образом это касается упущенной выгоды) и установления того обстоятельства, что материальные потери истца связаны не с чем иным, как с действиями ответчика. Кроме того, все негативные изменения, произошедшие в деятельности истца вследствие правонарушения, не могут быть охвачены исключительно возмещением убытков, ибо некоторые из них имеют нематериальную природу, при том, что способны в конечном итоге отрицательно отразиться на существовании организации или ИП в целом, в том числе на их имущественных интересах. Для легального реагирования на правонарушения в этой части должен применяться иной, не нашедший отражения в отечественном законодательстве особый способ защиты прав – компенсация нематериального вреда юрлицу, о нём – отдельно чуть позже.

Многие эксперты едины во мнении о «неидеальности» и «неуниверсальности» такого способа защиты права на деловую репутацию, как возмещение убытков. Так, М.А. Рожкова констатирует, что суды испытывают сложности при определении и оценке убытков, причинённых распространением порочащих сведений²⁸⁶. П.Г. Фёдоров пишет о том, что при взыскании убытков юрлицо может столкнуться с некоторыми трудностями (взыскание упущенной выгоды) и в определённой мере с несправедливостью (ведь если юрлицу и будут возмещены реальный ущерб и упущенная выгода, они могут не покрыть всех потерь, поскольку воздействие сообщений СМИ, содержащих порочащие сведения, может растянуться на долгое время)²⁸⁷. В. Плотников считает трудной задачей доказывание того, что падение спроса на выпускаемую продукцию связано со статьёй, опубликованной в массовом издании, а не, например,

---

²⁸⁶ Рожкова М.А. Указ. соч. С. 39.

²⁸⁷ Фёдоров П.Г. Деловая репутация юридического лица и её защита // Законодательство и экономика. 2010. № 11. С. 41 – 45.

«с переменной фазы Луны»²⁸⁸. Действительно основной корень проблем, возникающих при возмещении убытков, вызванных умалением деловой репутации, в том, что нечто объективно существующее, как это ни парадоксально, часто оказывается крайне непросто или даже невозможно подтвердить.

Дополнительные сложности создаёт отсутствие как выработанных в науке, так и закреплённых в разъяснениях высших судебных инстанций критериев определения правоприменителями размера причинённых «пятнанием» деловой репутации убытков²⁸⁹. Неудивительно, что при таком положении дел судьи испытывают сомнения в вопросе, на что следует ориентироваться при оценке подлежащих взысканию в качестве убытков денежных сумм. Думается, при взвешивании объёма подобного возмещения будет рациональным учитывать (т.е. на масштабы проявления материального вреда, причинённого поправлением деловой репутации, будут влиять) следующие факторы: 1) *содержание (или характер) распространённых ложных порочащих деловую репутацию предпринимателя сведений* (на размере нанесённых потерпевшему убытков, бесспорно, отражается то, в какой степени распространённые сведения «пятнают» его деловую репутацию, поэтому данный фактор стоит принимать в расчёт в каждом случае возмещения реального ущерба и упущенной выгоды, ставших результатом умаления деловой репутации), 2) *широта распространения интересующих истца сведений*, 3) *неоднократность их распространения* (если она имела место), 4) *статус организации, деловой репутации которой был нанесён вред, положение, в котором находилась её деловая репутация до нарушения, состояние репутации ИП в деловых кругах до совершения в отношении него правонарушения*, 5) *действия по восстановлению умалённой деловой репутации, предпринятые истцом, и их успешность*. Перечисленные сведения, разумеется, наряду с доказательствами реальных убытков, возникших в имущественной сфере истца, могут оказать помощь в составлении наиболее полной картины совершённого

---

²⁸⁸ Плотников В. Деловая репутация как объект гражданско-правовой защиты // Хозяйство и право. 1995. № 11. С. 97.

²⁸⁹ См.: Кулиуш О.А. Защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 93.

правонарушения и его последствий. Представляется, что уделить внимание этим ориентирам, прежде всего, стоит в процессе поиска причинной связи между деянием ответчика и проблемами истца. Полезной в контексте выявления размера возмещения материальных потерь при умалении деловой репутации может оказаться информация и об иных обстоятельствах, перечень которых ввиду многообразия и непредсказуемости потребностей конкретных жизненных случаев оправданно оставить открытым.

Наконец, не будет лишним отметить необходимость соблюдения *требований разумности и справедливости* как при установлении причинной связи между имеющимися убытками и действиями ответчика, так и при установлении размера убытков.

Примечательно также, что согласно п. 2 Информационного письма ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. № 46, иски о возмещении убытков, причиненных оглашением недостоверных сведений, рассматриваются арбитражным судом и при отсутствии в них требования об опровержении таких сведений в СМИ.

Несмотря на неоспоримую значимость возмещения убытков как способа защиты права на деловую репутацию юрлиц и ИП, по-настоящему действенной и всесторонней такую защиту можно будет назвать лишь при возможности истца использовать этот механизм в комплексе с иными гражданско-правовыми механизмами – в случае, если в этом возникнет объективная потребность.

Итак, в завершение данного параграфа нельзя не отметить более слабое, чем у гражданина, положение отстаивающей свою деловую репутацию организации, что проявляется, например, в ограниченных по сравнению с физическими лицами возможностях использования ответа или в отсутствии законодательного закрепления механизма устранения нематериальных последствий умаления деловой репутации.

Целесообразно сформулировать определения таких важных способов защиты права на деловую репутацию, как опровержение и обнародование (опубликование) ответа (последний необходимо отличать от обнародования реплики и комментария, дефиниции которых разумно закрепить на

законодательном уровне; кроме того, защиту с помощью ответа стоит расширить за рамки деятельности СМИ). Необходимо чёткое выделение возможных форм опровержения во избежание смешения этого способа защиты с иными самостоятельными способами, принимаемыми за его разновидности (разумно внесение корректировок в нормы ГК РФ для искоренения неопределённости в данном вопросе). С особым вниманием следует вычленять отличительные особенности возмещения убытков как способа защиты права на деловую репутацию, в более глубокой разработке нуждаются и критерии определения их размера. Прочие способы защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, особенно недавно появившиеся в ГК РФ, также, безусловно, требуют обстоятельного исследования их свойств и отличительных характеристик.

Защита права на деловую репутацию граждан-предпринимателей и организаций могла бы быть куда более полной и всесторонней при добавлении к известным законодательству правовым средствам новых – компенсации нематериального вреда юрлицу и принесения публичных извинений, о чём подробнее – в следующей главе настоящей работы.

ГЛАВА 4. Эффективные способы защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, не предусмотренные действующим законодательством

§ 4.1. Компенсация нематериального вреда как способ защиты права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

4.1.1. Компенсация нематериального вреда юридическим лицам: позиции законодателя, российских и международных судебных органов.

Со способами защиты права субъектов предпринимательства на деловую репутацию связано немало проблем, но самая запутанная и острая из них – проблема компенсации нематериального (неимущественного) вреда юрлицам. Именно она – источник наибольшего количества доктринальных споров, разногласий в правоприменении и даже законодательных парадоксов. С переходом России к рыночной экономике правовая неопределённость в этой сфере ставит требующие изобретательности задачи перед практикующими юристами и учёными-цивиристами. Что же подготовило почву для масштабных юридических дискуссий?

Точкой отсчёта периода сомнений и трудностей, связанных с защитой прав юрлиц в нематериальном аспекте, послужило принятие Основ гражданского законодательства в 1991 г. В п. 6 ст. 7 этого документа устанавливалось, что «гражданин или юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причинённых их распространением». Скорее всего, на данном этапе законодатель не задумывался о механизме реализации права организаций на подобную компенсацию, как и о самой его природе, что объясняется отсутствием на ту пору столь высокого уровня развития гражданского оборота, который достигнут сегодня. Так или иначе, можно констатировать, что в контексте диффамации юридическая категория «моральный вред» употреблялась по

отношению к организациям напрямую, однако собственно использование соответствующего правового института для целей защиты нематериальных благ и неимущественных прав юрлиц оставалось загадкой, которую с опасением обходили на практике.

С принятием первой части действующего ГК РФ в правовых нормах появилась двусмысленность. Видимо, исходя из очевидного диссонанса самого понятия «моральный вред» и сущности юрлица, непосредственное соседство этих терминов в нормативном материале было устранено, но преодоления изначально заложенной в Основах гражданского законодательства неясности так и не состоялось. Весьма значительный период времени (до 1 октября 2013 г.) действовали следующие правила. Пункт 5 ст. 152 ГК РФ предоставлял гражданину, в отношении которого были распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, право «наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением». А в силу пункта 7 ст. 152 ГК РФ правила о защите деловой репутации гражданина соответственно применялись к защите деловой репутации юрлица. Какой-либо конкретизации касательно морального вреда или его аналога применительно к юрлицам сделано не было, что оставило открытым вопрос о методах адаптации феномена морального вреда по отношению к организациям, да и о самой возможности такой адаптации.

Вероятно, подобное невнимание к теме защиты права на деловую репутацию юрлиц в известной степени объясняется моментом возникновения нормы. По меткому часто цитируемому замечанию П.Г. Фёдорова, «часть первая ГК РФ была принята в 1994 г., когда рыночные отношения в нашей стране находились в зачаточном состоянии. В то время разработчики ГК РФ вряд ли предполагали, что деловая репутация юридического лица будет иметь столь принципиальное значение в предпринимательской деятельности»²⁹⁰. Тем временем инструменты рыночной экономики, а вместе с ними и предпринимательские отношения развивались и развиваются беспрецедентно

---

²⁹⁰ Фёдоров П.Г. Указ. соч. С. 20.

динамичными темпами, что, безусловно, определило совершенно новый, несравнимый с опытом прошлого по значимости статус деловой репутации организаций в современном обществе. Всё это требовало качественно новых подходов к решению постепенно усугублявшейся проблемы. Вырабатывать их в условиях устранения законодателя от занятия данным вопросом было предоставлено правоприменителю в лице судов разных уровней.

Важную роль в формировании положительного отношения отечественных судебных органов к взысканию компенсации в счёт причинённого деловой репутации организации нематериального вреда сыграли нормы международного права, а также прецедентная практика Европейского Суда. Так, в своём постановлении по делу «Компания Комингерсол С.А.» против Португалии» от 6 апреля 2000 г. он пришел к выводу о недопустимости исключения возможности присуждения коммерческой компании компенсации за нематериальные убытки, которые «могут включать виды требований, являющиеся в большей или меньшей степени «объективными» или «субъективными». Среди них необходимо принять во внимание репутацию компании, неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией (для которых не существует четкого метода подсчета) и, наконец, хотя и в меньшей степени, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании²⁹¹. Установленное Европейским Судом состояние неопределённости, в котором пребывала компания-заявитель, послужило основанием присуждения в её пользу компенсации в размере 1500 тысяч португальских эскудо.

Возможность причинения нематериального вреда юрлицу, равно как и необходимость такой вред компенсировать, аргументировал и Конституционный Суд РФ в своём историческом Определении от 4 декабря 2003 г. № 508-О²⁹² (далее – Определение КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О), ознаменовавшем

---

²⁹¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 6 апреля 2000 г. по делу «Компания Комингерсол С.А.» против Португалии» (жалоба № 35382/97) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 2.

²⁹² Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 3. Полное название: «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации».

поворотный пункт в формировании судебной практики по рассматриваемому вопросу. До этого арбитражные суды отказывали в удовлетворении требований о компенсации нематериального вреда юрлицам в соответствии с изначальной позицией Высшего Арбитражного Суда РФ, в то время как суды общей юрисдикции присуждали подобного рода компенсации, причём прибегая порой ко взысканию именно морального вреда со ссылкой на аналогию закона. Выводы, содержащиеся в указанном определении, Конституционный Суд РФ основал на положениях части 2 ст. 45 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, статьи 41 Европейской конвенции, согласно которой с государства, виновного в нарушении её положений, допускается взыскание справедливой компенсации потерпевшей стороне, в том числе юридическому лицу, а также на приведённом решении Европейского Суда от 6 апреля 2000 г. по делу «Компания Комингерсол С.А.» против Португалии». Не исключая возможность присуждения коммерческой организации компенсации за так называемые нематериальные убытки, Конституционный Суд РФ со ссылкой на решение Европейского Суда указал, что «применимость того или иного конкретного способа защиты нарушенных гражданских прав к защите деловой репутации юридических лиц должна определяться исходя именно из природы юридического лица. При этом отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения».

Соображения, высказанные Конституционным Судом РФ, были включены и в п. 15 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, недвусмысленно закрепившем тезис о том, что правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию

гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юрлица. Ещё до появления рассмотренных актов аналогичное установление можно было найти в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»²⁹³ (далее – Постановление ВС РФ от 20 декабря 1994 г. № 10)²⁹⁴.

После появления Определения КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О, а также после громкого дела «ОАО «Альфа-Банк» против ЗАО «Коммерсантъ. Издательский Дом» (2004 – 2005 гг.)²⁹⁵ применение правовых норм обрело единство, имея в виду положительное решение вопроса о защите права юрлица на деловую репутацию в нематериальной сфере. Примерно в этот же период проблему компенсации нематериального (или, по быстро воспринятой рядом авторов терминологии, репутационного) вреда организациям начали активно обсуждать учёные-цивилисты.

Несмотря на высказываемые в последние годы различные предложения по совершенствованию правового регулирования в этой области, законодатель не спешит устранять имеющуюся неопределенность. Концепция совершенствования гражданского законодательства²⁹⁶ не дала ответы на назревшие вопросы. Принятый 2 июля 2013 г. и вступивший в силу 1 октября 2013 г. Федеральный закон № 142-ФЗ, ставший третьим блоком поправок к ГК РФ в рамках реформы гражданского законодательства, внёс коррективы, в частности, в его главу 8 («Нематериальные блага и их защита») и, пожалуй, самое «пикантное» положение во всём блоке анализируемых поправок обнаружил как раз п. 11 ст. 152 ГК РФ.

---

²⁹³ Российская газета. 1995. № 29.

²⁹⁴ Ранее идентичное правило содержалось в п. 11 утратившего ныне силу Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

²⁹⁵ Решением Арбитражного суда г. Москвы от 20 октября 2004 г., 27 октября 2004 г. по делу № А40-40374/04-89-467 иски о защите деловой репутации и взыскании нематериального вреда были удовлетворены. Постановлением ФАС Московского округа от 30 марта 2005 г. № КГ-А40/1052-05 решение изменено лишь в части размера возмещения нематериального вреда, в остальной части судебный акт оставлен без изменения. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁶ См. подробнее: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

Учитывая выявленные практикой проблемы и активно вырабатываемые наукой предложения по совершенствованию действующих в рассматриваемой сфере норм, пересмотр положений кодекса о защите прав на нематериальные блага был ожидаем, однако о том, что пробел в базе правового регулирования устранён, сказать в свете последних изменений главы 8 ГК РФ по-прежнему не удаётся.

Общая не конкретизированная в отношении юрлиц (и оттого несовершенно) формула (предполагающая использование для защиты их деловой репутации правил ст. 152 ГК РФ о защите деловой репутации граждан) была скорректирована единственным изъятием: положения о компенсации морального вреда к защите деловой репутации организаций не применяются. (Укреплена и терминология абз. 2 ст. 151 ГК РФ: при определении размера компенсации морального вреда отныне подлежат учёту индивидуальные особенности только «гражданина», а не любого «лица»). Несмотря на то, что отредактированная норма несёт грамотный с точки зрения теории права посыл, любой мыслимый позитивный эффект от неё нивелируется отсутствием какого бы то ни было решения злободневно поставленных практикой задач, игнорированием длительно существующей проблемы, особенно ярко проявляющейся в последние годы стремительного развития предпринимательства. Помимо прочего, поправка входит в прямую конфронтацию с упоминавшимся пунктом 5 Постановления ВС РФ от 20 декабря 1994 г. № 10, пунктом 15 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, а также с позицией Конституционного Суда РФ, обозначенной в Определении КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О.

Таким образом, после 1 октября 2013 г. вопрос о компенсации нематериального вреда юрлицам не стал менее острым, не убавилось в строках закона неоднозначности, а по эмоциональному выражению Е.В. Гаврилова, отсутствие такой компенсации в ГК РФ в свете изменений гражданского законодательства и вовсе можно расценивать как «факт неуважения

разработчиков новой редакции ст. 152 ГК РФ к нормам международного права, высшим судебным органам нашей страны и реалиям современной практики»²⁹⁷.

Возвращение к некоторой положительной динамике в данном вопросе связано со вновь высказанным Верховным Судом РФ лишь 18 ноября 2016 г. признанием существования нематериального вреда юрлицам и одобрением его компенсации²⁹⁸. Подробнее о нём – в заключительном параграфе этой главы.

Думается, не только определённо проявившиеся позиции высших судов, не только не сразу, но достаточно уверенно устоявшаяся судебная практика защиты организаций от причинения вреда их деловой репутации в нематериальной сфере, но даже и давние «метания» законодателя по вопросу о праве юрлиц на соответствующую компенсацию являются показателями необходимости полной легитимации таковой, восприятия её концепции доктриной, закрепления на законодательном уровне детального механизма её реализации.

Однако можно ли уже сегодня использовать на практике способ защиты гражданских прав, в котором она так нуждается? Действительно ли, как часто утверждается в научных исследованиях, отсутствие свидетельства существования компенсации нематериального вреда в законе не является препятствием для её воплощения в правоприменении? Возможно ли, исходя из действующего законодательства, обосновать применение указанной компенсации так, чтобы его можно было назвать в полной мере легитимным? Учёные и юристы-практики, в том числе судьи, находят для цели такого обоснования разные аргументы.

Несмотря на всю желательность присутствия понятия компенсации нематериального вреда юрлицу в гражданско-правовых нормах, последнее не нашло ни малейшего отражения ни в тексте ГК РФ, ни в строках иных законов. Хотя ст. 12 ГК РФ и содержит неисчерпывающий перечень общих способов защиты гражданских прав, ею же предписывается, что такие способы обязательно должны быть предусмотрены законом. Пункт 2 ст. 150 ГК РФ ориентирует на

---

²⁹⁷ Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам и новая редакция ст. 152 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 3. С. 79 – 90.

²⁹⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 по делу № А56-58502/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

осуществление защиты нематериальных благ в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (определяемых по приведённой формуле ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения. Таким образом, и в соответствии с этим правилом необходима оглядка на прописанные в законе способы защиты гражданских прав. В Определении КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О мотивировка тезиса о том, что отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юрлиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации нематериальных убытков или нематериального вреда, как уже было обозначено, подкрепляется ссылкой на ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, провозгласившей право каждого защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами. Однако здесь надо признать правоту А.М. Эрделевского в плане понимания под упомянутыми в конституционной норме «не запрещёнными законом способами» допустимых способов самозащиты прав и свобод²⁹⁹. Способы защиты гражданских прав, используемые при обращении в государственные органы, как представляется, всё же должны быть исчерпывающим образом определены в законе при чёткой регламентации механизмов их реализации во имя единообразия в понимании и применении правовых норм. Всё это вынуждает констатировать, что состояние позитивного права в рассматриваемой области на текущий момент нельзя назвать удовлетворительным. Приходится соглашаться с противниками какой-либо компенсации нематериального вреда юрлицу в том, что даже прямо не запрещающие её положения ст. 152 ГК РФ «явно недостаточны для того, чтобы говорить о существовании нормативной базы для возмещения морального вреда юридическому лицу»³⁰⁰.

---

²⁹⁹ Эрделевский А.М. О новых судебных подходах к защите неимущественных благ // Материал подготовлен для СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁰ Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 145.

Ещё одно обоснование практического применения компенсации нематериального вреда юрлицам базируется на необходимости соблюдения норм международного права, включённых в силу ратификации международных договоров в правовую систему России и обладающих приоритетом в случае конфликта с её внутренними правовыми нормами. Прежде всего, имеется в виду ст. 41 Европейской конвенции, допускающая взыскание с государства, виновного в нарушении конвенционных положений, справедливой компенсации потерпевшей стороне, в том числе юрлицу, для обеспечения действенности права на справедливое судебное разбирательство. Конституционный Суд РФ в своём Определении от 4 декабря 2003 г. № 508-О сослался именно на то, что указанная норма является составной частью правовой системы Российской Федерации. Однако высказываются резко противоположные и не лишённые логики мысли: по мнению В.В. Килинкарова, ст. 41 Европейской конвенции, напротив, не должна рассматриваться как составная часть отечественной правовой системы, поскольку «в ней определена лишь компетенция, правила создания и деятельности ЕСПЧ, в том числе право на взыскание с государства компенсации, но никак не права и свободы человека, которые обязались соблюдать участники Конвенции». Разговор же о праве на компенсацию нематериального вреда юрлиц без должного законодательного регулирования, как небезосновательно предостерегает автор, грозит нарушением ст. 10 Европейской конвенции, требующей для признания возможности ограничения свободы самовыражения наличия определённого и предсказуемого национального законодательства³⁰¹. Думается, приведённый анализ Европейской конвенции заслуживает обстоятельных размышлений, а критика мотивировочной части указанного определения Конституционного Суда РФ в русле, подобном обозначенному, вполне справедлива. Что же касается решения Европейского Суда от 6 апреля 2000 г. по делу «Компания Комингерсол С.А.» против Португалии», то подобный прецедент взыскания специфической компенсации, как пишет К.И. Скловский, «не является вторжением во внутреннее законодательство стран-участниц и потому не даёт

---

³⁰¹ Килинкаров В.В. Указ. соч. С. 81 – 82.

национальным судам прав, которых у них не было до этого дела», а также возможен «исключительно в рамках компетенции Европейского суда»³⁰².

Наконец, собственно Определение КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О³⁰³. Особенно интересны в нём ссылки на природу юрлица как на определяющий фактор в решении вопроса о возможности использования того или иного конкретного способа защиты нарушенных гражданских прав применительно к деловой репутации организации; на возможность предъявления требования о компенсации нематериального вреда юрлицу несмотря на отсутствие прямого указания в законе на такой способ защиты (что, как было отмечено, диссонирует со ст. 12 ГК РФ); а также на приведённое решение Европейского Суда. Примечателен данный акт и несостоятельной в рассматриваемом контексте опорой на ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, и вызывающим сомнения в свете изложенного выше апеллированием к известным нормам международного права. С каким бы уважением ни относиться к высказанным Конституционным Судом РФ правовым позициям (даже оставив в стороне критический разбор отдельных мест описанной мотивировки), с полным правом базировать на них применение нового способа защиты деловой репутации юрлиц возможно только в том случае, если признать акты Конституционного Суда РФ источниками российского права. Конечно, нельзя отрицать некоторых теоретических дискуссий на этот счёт, тем не менее, решительно отсутствуют сколько-нибудь серьёзные основания к пересмотру официально (как в основном и неофициально) воспринятого представления о судах в целом и о Конституционном Суде РФ в частности как о правоприменительных, а не правотворческих органах. Несмотря на всю специфику и исключительную весомость положения, которое занимают акты Конституционного Суда РФ среди правовых документов нашей страны,

---

³⁰² Скловский К.И. Об ответственности средств массовой информации за причинение вреда деловой репутации // *Хозяйство и право*. 2005. № 3. С. 98.

³⁰³ Именно на него опирается последний на текущий момент акт Верховного Суда РФ, содержащий признание существования нематериального вреда юрлицам и возможности его компенсировать. (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 по делу № А56-58502/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

неправильно было бы называть их носителями правовых норм, равно как и пренебрегать через это конституционным принципом разделения властей³⁰⁴.

Почву для ещё одного варианта аргументации практики взыскания рассматриваемой компенсации может представлять собой имеющийся в юридической литературе многоуровневый взгляд на моральный вред и его компенсацию: в классическом (традиционном) понимании – человеческие физические и нравственные страдания, в неклассическом (нетрадиционном) – наряду с такими страданиями «иные неблагоприятные последствия нематериального характера, не поддающиеся точному денежному исчислению и являющиеся отрицательными и существенными для потерпевшего»³⁰⁵. И всё же, если доктрина воспринимает для переработки любые теории и рассуждения (даже входящие в противоречие с нормами позитивного права), то применимость последних в юридической деятельности иногда непредставима. Понятие морального вреда однозначным образом закреплено в ст. 151 ГК РФ, помимо чего имеет многолетний, более солидный, чем возраст этой статьи, опыт апробации в науке и на практике. Сложно одобрить стремления дать иное толкование настолько устоявшемуся правовому феномену.

Можно предпринять попытку рассмотреть в схожем ключе и понятие убытков, включив в широкое его значение нематериальные последствия умаления деловой репутации юрлица с тем, чтобы взыскивать интересующую организацию компенсацию в рамках общей конструкции убытков. Но и здесь подходы закона (ст. 15 ГК РФ) и науки (концепция реального ущерба и упущенной выгоды) строжайшим образом фиксированы. Поэтому в данном случае также едва ли можно счесть разумным оправдание института будущего без должной дани уважения принципиальным положениям прошлого и настоящего.

Состоятельным способом объяснить применение компенсации нематериального вреда организациям до недавних пор представляла апелляция к

---

³⁰⁴ См. об этом подробнее: Осадчая О.И. Репутационный вред как последствие умаления деловой репутации юридического лица // Право и жизнь. 2006. № 99/9 (http://www.law-n-life.ru/arch/99_Osadchaya.doc).

³⁰⁵ См.: Гаврилов Е.В. Новации российского гражданского законодательства в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации // Судья. 2014. № 4. С. 12 – 16.

аналогии закона. Так, например, М.А. Рожковой был выдвинут тезис о том, что деловая репутация юрлиц подлежит защите с использованием порядка, предусмотренного для защиты деловой репутации граждан, поскольку допускает способ защиты, «аналогичный возмещению морального вреда»³⁰⁶. Известно, что в судах порой находили поддержку идеи о праве организации в силу пп. 5, 7 ст. 152 ГК РФ в первоначальной редакции заявлять требование точно в такой формулировке³⁰⁷. Однако, поскольку доступ к пункту 15 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 отныне (учитывая содержание п. 11 ст. 152 ГК РФ) блокирован и удовлетворение требований организаций о компенсации именно «морального вреда» исключено, прямая аналогия теперь недопустима и практика оперирования соответствующим принципом оказалась обречённой на пересмотр. К сожалению, в отсутствие какого бы то ни было решения злободневной проблемы законодатель лишил правоприменителей даже такой не совсем удобной возможности подвести правовое обоснование к защите права на деловую репутацию юрлиц в нематериальной сфере.

С другой стороны, по-прежнему доступной благодаря статье 6 ГК РФ видится опора на принцип аналогии права. Думается, несмотря на размытость реализации, присуждение компенсации нематериального вреда в пользу юрлиц при защите их деловой репутации, в частности, от диффамации, безусловно, находится в соответствии с общими началами и смыслом гражданского законодательства, а также отвечает требованиям добросовестности, разумности и справедливости. В целом, всегда можно прибегнуть к общим принципам права (имея в виду в противовес праву позитивному объективное/естественное/идеальное право), которые, по высказыванию

---

³⁰⁶ Рожкова М.А. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 46. См. также: Цадыкова Э.А. Возмещение нематериального вреда, причинённого юридическому лицу в результате распространения сведений, порочащих его деловую репутацию // Адвокат. 2004. № 9. С. 69.

³⁰⁷ См., например: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 11 августа 2006 г. по делу № А79-2305/2006; Постановление ФАС Московского округа от 16 мая 2006 г. № КГ-А40/3899-06-П по делу № А40-44105/04-26-224; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 17 мая 2007 г. № Ф04-2669/2007(33906-А46-21) по делу № 12-420/05; Постановление ФАС Дальневосточного округа от 5 августа 2008 г. № Ф03-А59/08-1/2245. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

О.И. Осадчей, «могут выражаться, а могут и не выражаться в текстах законов, но обязательно должны применяться в судебной практике»³⁰⁸.

4.1.2. Нематериальный вред юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, его соотношение с моральным вредом гражданам и убытками. Нельзя не отметить, что проблема компенсации юрлицам нематериального вреда, в том числе нанесённого умалением их деловой репутации, давно вызывает особый интерес у учёных, причём подходы к её решению и взгляды на то, какой должна быть терминология в соответствующей сфере, отличаются многообразием. В самом общем плане одни цивилисты высказываются за компенсацию юрлицам «репутационного», «морального», «неимущественного» или «иного неимущественного» вреда и введение в научный оборот и законодательство обслуживающих её правовых категорий³⁰⁹, вторые решительно отказывают организациям в праве на какую-либо компенсацию неимущественного характера, одобряя в случае совершения в отношении них того или иного правонарушения исключительно право на возмещение убытков³¹⁰; третьи, подчёркивая сложность доказывания размера вреда деловой репутации

³⁰⁸ Осадчая О.И. Указ. соч.

³⁰⁹ См.: Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 20 – 21; Белашова М.С. Доказывание и доказательство по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 105 – 106; Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам и новая редакция ст. 152 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 3. С. 88 – 90; Голубев К.И. Наризжий С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Юридический центр Пресс, 2004. С. 157, 161; Ермолова О.Н., Трофименко А.В. Проблемы теории нематериальных благ. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 231 – 232; Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 8; Кванина В.В. Компенсация репутационного вреда как способ защиты юридического лица // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 108 – 112; Малеина М.Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 103; Рожкова М.А. Указ. соч. С. 44; Сахапов Ю.З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности её гражданско-правовой защиты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 9; Трофимова Т.В. Нематериальные блага юридических лиц и их гражданско-правовая защита // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 3. С. 244 – 248; Цадькова Э.А. Возмещение нематериального вреда, причинённого юридическому лицу в результате распространения сведений, порочащих его деловую репутацию // Адвокат. 2004. № 9. С. 70.

³¹⁰ См.: Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 117; Кузнецов Н.М. Содержание отношений по защите чести, достоинства и деловой репутации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15 – 16; Кулиуш О.А. Указ. соч. С. 8; Скловский К.И. Об ответственности средств массовой информации за причинение вреда деловой репутации // Хозяйство и право. 2005. № 3. С. 102; Федотов М.А. Право массовой информации в Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2002. С. 476; Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 144; Эрделевский А.М. О компенсации морального вреда юридическим лицам // Хозяйство и право. 1996. № 11. С. 105 – 106.

юрлица, предлагают при установлении факта правонарушения взыскивать штраф или компенсацию вместо (в качестве альтернативы) убытков независимо от наличия и размера последних³¹¹. Попробуем взвесить аргументы исследователей.

Если юрлицо действительно способно понести некий нематериальный вред, в чём он может проявляться? Прежде всего, надо признать, что попытки усмотреть моральный вред среди последствий гражданско-правовой диффамации в отношении организаций обречены на неудачу. Нет сомнений в том, что понимаемые законодателем в ст. 151 ГК РФ под «моральным вредом» физические и нравственные страдания могут претерпевать лишь физические лица, в силу своей природы наделяемые физическим телом и сознанием, но, разумеется, не организации, являющиеся искусственными образованиями, что неоднократно подчеркивалось в научной литературе³¹² и судебной практике. Здесь вспоминается образное сравнение А.М. Эрделевского переживаний юрлица с телесными повреждениями транспортного средства в дорожно-транспортном происшествии. Учёным обоснованно указано на то, что искусственно созданный субъект права не обладает психикой и не способен испытывать эмоциональные реакции³¹³. С опорой именно на этот аргумент Высший Арбитражный Суд РФ изначально категорично отказал юрлицам в праве на соответствующую компенсацию в своём широко известном Постановлении Президиума от 1 декабря 1998 г. № 813/98³¹⁴. Вместе с тем, уместной в данном контексте видится мысль В.В. Килинкарлова о том, что проблема компенсации неимущественного вреда, причинённого юрлицам, не исчерпывается темой компенсации морального вреда, а простирается несколько шире и связана более с вопросом о денежной компенсации вреда,

---

³¹¹ См.: Килинкарлов В.В. Право на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 14 – 15; Супрунов А.Г. Правовая защита деловой репутации по законодательству современной России: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 155; Тиммерханов А.А. Деловая репутация юридического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10.

³¹² Эта позиция является поистине общепризнанной, вот лишь несколько дополнительных примеров её выражения из бесчисленного множества высказываний в данном ключе: Белашова М.С. Указ. соч. С. 106; Голубев К.И. Наружный С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Юридический центр Пресс, 2004. С. 158; Гусалова А.Р. Гражданско-правовая защита деловой репутации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012. С. 6.

³¹³ Эрделевский А.М. О компенсации морального вреда юридическим лицам // Хозяйство и право. 1996. № 11. С. 105 – 106.

³¹⁴ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1999. № 2.

определение границ которого затруднено³¹⁵. По верным замечаниям Э.А. Цадыковой, «весь спор упирается в терминологию и смысловую нагрузку даваемых определений»; «в сущности, речь идёт лишь о недопустимости использования термина «моральный вред» в отношении юридического лица в силу его природы, невозможности переносить физические страдания»³¹⁶. Как ни парадоксально, в значительном количестве случаев ситуация действительно во многом обстоит именно так, что является своеобразным показателем фактического разрешения вопроса потребности юрлиц в праве на специальную компенсацию, моральным вредом не являющуюся.

Принципиальное несогласие вызывает представление о неимущественном вреде юрлица при диффамации как о так называемых коллективных нравственных страданиях по поводу его опороченной деловой репутации. Так, Е.П. Редько пишет следующее. «В страданиях лиц, образующих людской субстрат юридического лица, выражаются страдания самого юридического лица. То есть коллективные нравственные страдания – это страдания юридического лица, хотя психологически они порождаются живыми людьми». В свете приведённой интерпретации в действующее гражданское законодательство предлагается ввести институт под названием «компенсация иного неимущественного вреда» (вреда, причинённого неимущественным правам юрлица), в последнее понятие вкладывается значение именно коллективных нравственных страданий³¹⁷. Однако сумма отрицательных переживаний некоторого множества (небольшой или значительной группы) физических лиц из-за нарушенного права организации на деловую репутацию не способна дать новое качество. Думается, юрлицо как субъект гражданско-правовых отношений не может испытывать страданий в том или ином смысле, даже если под таковыми понимать эмоции имеющих к нему отношение граждан. Нравственные страдания физического лица всегда остаются в его личной сфере и должны толковаться

---

³¹⁵ Килинкаров В.В. Указ. соч. С. 74.

³¹⁶ Цадыкова Э.А. Указ. соч. С. 69.

³¹⁷ Редько Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 10, 152, 154 – 155.

исключительно как нарушение прав именно этого физического лица – самостоятельного их обладателя. Кроме того, если попытаться сделать противное абсурдное допущение, возникает целый ряд неоднозначных вопросов, как-то: каким образом выявить круг тех самых «страдающих» граждан, образующих людской субстрат юрлица? Должны ли быть отнесены к их числу учредители, участники организации, участники, исключённые или добровольно вышедшие из состава организации, граждане, с которыми заключены трудовые или гражданско-правовые договоры, спонсоры, клиенты, члены семей перечисленных субъектов и т.д. (можно расширять перечень тех, кому потенциально небезразлична судьба деловой репутации юрлица)? Как определить, имеют ли на самом деле место страдания физических лиц по поводу диффамации в отношении организации (их презумпция едва ли будет оправдана), как их измерить? Всё же, надо полагать, нематериальный вред юрлица должен претерпеваться именно юрлицом, отражаться именно на его деятельности, на его, если угодно, «правовой личности». Тем более что каждый гражданин, считающий, что он понёс моральный вред в результате деяния, нарушившего нематериальные блага (неимущественные права) как гражданина, так и юрлица, имеет право обратиться в суд за его компенсацией – параллельно с юрлицом или в одиночестве, если организация откажется от своего субъективного права на судебную защиту. Таким образом, есть причины высказать сомнения не только в теоретической обоснованности приведённой концепции немущественного вреда юрлиц, но и в её практической целесообразности, утилитарности.

Другим исследователем, А.Г. Супруновым предложено при защите права на деловую репутацию юрлица использовать так называемую методику регрессного иска о возмещении морального вреда. По мысли автора, «такой иск может быть подан гражданином, работающим на конкретном предприятии, считающим, что деловой репутации его предприятия нанесён вред и тем самым самому работнику также нанесены моральные страдания»³¹⁸. Предполагается, что в этом случае защита деловой репутации организации будет происходить через защиту деловой

---

³¹⁸ Супрунов А.Г. Указ. соч. С. 154.

репутации её работников. Продолжая логику изложенных ранее рассуждений, ни такой вывод, ни использование подобной методики поддержать нельзя. Деловая репутация юрлица и деловая репутация гражданина (даже гражданина, связанного с юрлицом трудовыми отношениями) – это два автономных феномена, пусть способных оказывать друг на друга влияние, но, тем не менее, чётко обособленных объекта гражданских прав; они претерпевают негативные последствия совершаемых в отношении них правонарушений по отдельности и требуют самостоятельной защиты³¹⁹. Поэтому с помощью иска о защите одного нематериального блага не представляется возможным осуществить защиту другого. У рассматриваемых нематериальных благ различные обладатели (юридическое и физическое лицо), которые могут подавать соответствующие иски, судьба же этих исков также может сложиться по-разному. Для полноты картины нужна оговорка о том, что умаление деловой репутации организации не влечёт автоматического умаления деловой репутации её работников, если же последнее и происходит, то необязательно со всеми работниками организации. Умаление деловой репутации граждан в любом случае должно быть доказано.

Есть основания оспаривать и сведение явления «вред деловой репутации юрлица» к понятиям реального ущерба и упущенной выгоды, закреплённым в ст. 15 ГК РФ. Несостоятельным видится получившее распространение в юридической литературе мнение о несоответствии компенсации за нематериальный вред природе юрлица, негативные последствия гражданско-правовой диффамации которого полностью укладываются в традиционную модель убытков³²⁰. Так, например, А.А. Тимерханов заключает, что «компенсация вреда деловой репутации юридического лица должна определяться как общая стоимость расходов, которые необходимо будет произвести лицу для восстановления нарушенного права»³²¹. Согласно позиции О.А. Кулиуша, если

---

³¹⁹ В этом солидарны многие цивилисты. См., например: Голубев К.И. Нарижный С.В. Указ. соч. С. 160 – 161; Ермолова О.Н., Трофименко А.В. Указ. соч. С. 232; Эрделевский А.М. Компенсация за моральный вред. М.: Новый век, 1998. Выпуск № 4. С. 45; Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики, 3-е издание. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 150-151.

³²⁰ См., например: Кузнецов Н.М. Указ. соч. С. 15 – 16; Скловский К.И. Указ. соч. С. 102; Федотов М.А. Указ. соч. С. 476.

³²¹ Тимерханов А.А. Указ. соч. С. 10.

в случае распространения порочащих деловую репутацию сведений «это не повлияло на уменьшение продаж, на расторжение договоров с контрагентами по их инициативе и на иные аналогичные обстоятельства, значит, нельзя говорить и об умалении деловой репутации. В том же случае, если такие обстоятельства имели место, значит, это привело к имущественному вреду, который и должен подлежать возмещению в виде убытков». Автор также утверждает, что взыскание убытков в наибольшей степени отражает компенсационный характер ответственности виновного лица, поскольку «его применение позволяет восстановить нарушенное право именно в том объёме, в каком оно была нарушено», однако сам же признаёт, что в связи со сложностью доказывания как размера убытков, причинённых умалением деловой репутации их обладателя, так и причинно-следственной связи между доказываемыми убытками и распространёнными сведениями, по данной категории дел такие иски, как правило, не предъявляются, в результате чего «требования о взыскании убытков на сегодняшний день нельзя считать эффективным механизмом защиты деловой репутации субъекта предпринимательской деятельности»³²². Так или иначе, приходится констатировать необходимость поиска более действенных инструментов защиты права организаций на деловую репутацию. Приведённая теория не лишена внутренних противоречий. Если в представляемых суду доказательствах не удаётся отразить ни наличия объективно причинённых убытков, ни их адекватного размера, разве можно в этом случае обсуждать подлинно компенсационный (в контексте цитаты) характер ответственности нарушителя? (О некотором несоответствии прилагательного «компенсационный» понятию убытков – чуть позже).

Соглашаясь с эфемерностью возникновения у юрлиц морального вреда в собственном смысле слова, трудно поддержать изложенные точки зрения. Легко убедиться в том, что сужение пределов осуществления права организаций на защиту деловой репутации исключительно до возмещения убытков ведёт к

---

³²² Кулиуш О.А. Защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8, 92 – 93, 128.

неоправданному его ограничению, неполноте возможностей по его реализации, ибо вред, наносимый деловой репутации юрлиц, может иметь негативные последствия как материального (имущественного), так и нематериального (неимущественного) характера.

Неестественное для отечественного законодательства, неиспользовавшееся прежде в российской правовой терминологии понятие «нематериальные убытки» на официальном уровне впервые прозвучало в Определении КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О со ссылкой на принятое Европейским Судом 6 апреля 2000 г. постановление по делу «Компания Комингерсол С.А.» против Португалии». Следуя логике обоих названных актов, такие отрицательные явления, сказывающиеся на деятельности организации, как неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией (для которых не существует четкого метода подсчета), беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании и трудовому коллективу, текучесть кадров, могут быть вызваны именно умалением её деловой репутации, явиться нематериальными последствиями таковой (наряду с последствиями материальными в виде конкретных, точно исчисляемых убытков, размер которых подлежит доказыванию). В довольно внушительном списке подобных явлений и выражается так называемый нематериальный вред юрлица. В данном случае корректным будет именно термин «нематериальный вред», поскольку употребленное Европейским Судом понятие «нематериальные убытки» определённо нельзя считать удачным, по крайней мере, для российской правовой традиции, в которой убытки исключительно материальны и предполагают либо понесенные или будущие расходы, либо неполученные вследствие нарушения права доходы (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Итак, следует положительно ответить на вопрос о предоставлении юрлицу права на защиту и в нематериальной сфере. Перечисленные выше «неприятные сюрпризы» нематериального характера (которые, к слову сказать, могут явиться для организации ощутимыми и значительными) – точно такие же отрицательные последствия, вызванные нарушением права на деловую репутацию, как и убытки;

они оказывают негативное влияние на положение субъекта предпринимательства, которое нуждается в восстановлении, а если последнее невозможно — в компенсации нанесённого вреда. Очевидно, что одно только возмещение убытков нельзя признать достаточным для описанной цели. Факт причинения организации нематериального вреда подобным правонарушением нуждается в реакции со стороны права, равно как и факт нанесения ему убытков. Иначе едва ли можно вести речь о предоставлении юридическому лицу полного арсенала средств гражданско-правовой защиты своей деловой репутации.

В этой связи любопытно следующее. Законодательство Франции, Германии, Англии, США и некоторых иных зарубежных стран, не зная деления вреда на имущественный и неимущественный, при причинении вреда деловой репутации фирмы предусматривает судебное принуждение лица, распространившего не соответствующие действительности сведения, дать опровержение в СМИ либо устранить их тем способом, которым они были распространены. В то же время если фирма «заявляет» о том, что в результате этих действий ей были причинены убытки, то она сама должна доказать размер таких убытков. В том случае, когда это невозможно сделать, фирма имеет право требовать с виновного лица компенсации в свою пользу в определенном размере, установленном законодательством этих стран³²³. Закономерен вывод о том, что данная компенсация выступает не чем иным, как возмещением юрлицу вреда неимущественного характера.

Упоминания об аналогичных компенсациях встречаются и в отечественном законодательстве, но касаются они лишь случаев причинения вреда авторским и смежным правам их обладателей (п. 3 ст. 1252, п. 3 ст. 1299, ст. 1301, ст. 1311, ст. 1406.1 ГК РФ), а также ответственности за незаконное использование товарного знака и места происхождения товара (п. 4 ст. 1515, п. 2 ст. 1537 ГК РФ).

---

³²³ См.: Пешкова О.А. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 18 – 25. См. также: Архиереев Н.В. К вопросу о сущности диффамации на примере сравнительного анализа правового регулирования диффамации в Англии, США, Израиле и России // Юрист. 2016. № 16. С. 36 – 41; № 17. С. 27 – 32.

О.А. Пешкова (как и некоторые другие исследователи) решение проблемы защиты деловой репутации организаций видит в применении по аналогии нормы ст. 1301 ГК РФ, т.е. в возможности возмещения вреда, причиненного деловой репутации юрлица, через выплату компенсации, если невозможно было доказать наличие убытков. По мнению автора, именно это позволит поставить точку в споре о компенсации морального вреда юрлицу³²⁴.

Однако рассматривая соответствующие положения законодательства зарубежных стран и норму ст. 1301 ГК РФ (а также другие вышеприведённые наряду с ней нормы), нельзя не обратить внимание на то, что используемая в этих случаях компенсация выступает альтернативой возмещению убытков. Если же исходить из двойственной природы последствий умаления деловой репутации юрлиц, оправданно ставить вопрос о необходимости санкционирования законодателем причинения юрлицу как материального (убытки), так и нематериального (неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией, беспокойство и неудобство членам её руководства и трудового коллектива, текучесть кадров и т.п.) вреда. Указанная компенсация не должна заменять собой взыскание убытков и наоборот. Два этих средства правовой защиты самостоятельны, не исключают, а дополняют друг друга и должны оцениваться и применяться в совокупности. Тем более что при распространении не соответствующих действительности порочащих деловую репутацию юрлица сведений убытки могут и вовсе не возникнуть или быть весьма незначительными (в частности, когда речь не идёт о крупных субъектах предпринимательства, когда в силу каких-либо причин порочащая деловую репутацию организации дезинформация не получила широкого распространения либо существенно не повлияла на отношение к ней её клиентов и контрагентов). В таких случаях, безусловно, нет оснований говорить о возмещении фактически не возникших убытков, что не означает безразличного отношения юрлица к подобному факту диффамации. Может не возникнуть и рассмотренного выше

---

³²⁴ Пешкова О.А. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 21 – 23. См. также: Супрунов А.Г. Указ. соч. С. 155.

нематериального вреда в виде срыва плана развития компании, трудностей в управлении ей, нарушения внутрикорпоративных отношений и т.д. И всё же от этого совершенное правонарушение (гражданско-правовая диффамация) не перестаёт существовать и должно получить справедливую оценку со стороны общества и государства посредством применения соответствующей санкции. Такая оценка может быть выражена именно в компенсации (взыскиваемой наряду с убытками или без таковых при их отсутствии) за причиненный юрлицу нематериальный вред в виде самого умаления его нематериального блага. С одной стороны, она будет призвана служить целям общей и частной превенции, с другой – компенсировать не охватываемый правовой конструкцией убытков неимущественный вред, нанесённый организации.

Примечательна ситуация, сложившаяся вокруг доказывания причинения диффамацией убытков в Англии. В соответствии со ст. 2 действовавшего в стране до недавнего времени Закона о диффамации 1952 г. в случае, если заявление ответчика имело целью умалить «служебную, профессиональную или деловую репутацию» истца, последний освобождался от обязанности доказывать наличие и размер возникших у него убытков³²⁵. Принятый же в Англии в 2013 г. Закон о диффамации³²⁶ в п. 1 ст. 1 закрепил, что утверждение не может быть признано порочащим, если оно не нанесло или не могло нанести существенный вред репутации истца, причём п. 2 ст. 1 закона существенный вред репутации коммерческих юрлиц связывает с фактом или возможностью значительных финансовых потерь организации. (Статья 15 Закона о диффамации 2013 г. растолковывает «утверждения» как «слова, рисунки, визуальные изображения, жесты и любые иные носители смысловой нагрузки³²⁷»). По мнению Н.В. Архиреева, новый закон поставил большое препятствие для защиты в суде

---

³²⁵ Defamation Act 1952 // The National Archives is a United Kingdom government department - Официальный интернет-портал Национального архива Правительства Великобритании. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6and1Eliz2/15-16/66/contents/enacted> (дата обращения: 20 марта 2017 г.).

³²⁶ Defamation Act 2013 // The National Archives is a United Kingdom government department - Официальный интернет-портал Национального архива Правительства Великобритании. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/pdfs/ukpga_20130026_en.pdf (дата обращения: 20 марта 2017 г.).

³²⁷ Перевод автора настоящей диссертации.

интересов потерпевших от диффамации юрлиц³²⁸. Вместе с тем, думается, некоторая «туманность» формулировок (вроде «не нанесло или не могло нанести») оставляет задел судебному усмотрению при решении вопроса о защите права на деловую репутацию предпринимательской структуры.

Моральный вред гражданину неравнозначен нематериальному вреду юрлицу, смысловое наполнение этих категорий различно. Эту справедливую позицию, напомним, занял Конституционный Суд РФ, обозначив её в абзаце 5 п. 2 Определения КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О. В этой связи В.В. Плотников указывает на то, что «моральный вред, причинённый в результате распространения не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, имеет не субъективное («психическое»), а объективное содержание и заключается в отрицательной оценке третьими лицами качеств юридического лица и его продукции»³²⁹. Являясь двумя разновидностями нематериального (неимущественного) вреда и моральный вред гражданину, и нематериальный вред юрлицу имеют общее правовое происхождение, едина сущность нарушаемых в первом и втором варианте гражданских прав (благ), однако, безусловно, это два разных правовых явления. Уже приводившееся определение морального вреда знакомо каждому студенту-юристу, успевшему изучить курс общей части гражданского права (здесь, в ст. 151 ГК РФ, законодатель проявил чёткость): это «физические или нравственные страдания, причинённые гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом». Помощь в поисках ответа на вопрос о том, что есть нематериальный вред юрлица (если испытывать переживания организация не может), оказана Европейским Судом и Конституционным Судом РФ в рассмотренных выше документах, согласно которым это те самые неопределенность в планировании

---

³²⁸ Архиреев Н.В. К вопросу о сущности диффамации на примере сравнительного анализа правового регулирования диффамации в Англии, США, Израиле и России // Юрист. 2016. № 17. С. 27 – 32.

³²⁹ Плотников В. Деловая репутация как объект гражданско-правовой защиты // Хозяйство и право. 1995. № 11. С. 98 – 99.

решений, препятствия в управлении компанией, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании и трудовому коллективу. Такой вред не может быть объективно измерен подобно убыткам, в его определении всегда присутствует большая или меньшая доля субъективной оценки; его размеры, как представляется, могут довольно значительно варьироваться в зависимости от уникального сочетания самых различных факторов, однако он всегда присутствует при умалении нематериальных благ организации и нарушении её неимущественных прав, в частности, деловой репутации (права на неё). Пусть даже этот вред будет ничтожно мал в силу того, например, что деловая репутация недавно сформировалась и не имела возможности достаточно окрепнуть, а значит, не имела и риска серьёзно пострадать, в силу иных подобных обстоятельств, – всё же, если нелицеприятная дезинформация произошла, это с неизбежностью влечёт умаление деловой репутации и инспирирует возникновение внутренних негативных процессов в «организме» юрлица, независимо от его «иммунитета», безотносительно того, обретут они крайние неблагоприятные для организации формы или же останутся почти незамеченными. Поэтому видится необходимым признать презумпцию причинения юрлицу нематериального вреда любым правонарушением, посягающим на принадлежащие ему нематериальные блага (колеблющим его неимущественные права), в том числе и в первую очередь – диффамацией.

Нельзя не отметить сходства в функциях компенсации морального вреда гражданину и компенсации нематериального вреда юрлицу. При наличии карательной и предупредительно-воспитательной функций основной в обоих случаях будет являться функция компенсационная (при компенсации морального вреда она может именоваться функцией морального удовлетворения). Первоочередная цель рассматриваемой выплаты юрлицам – компенсировать нарушение их неимущественных прав. Причём нематериальный вред здесь именно компенсируется, а не возмещается.

Разумно проявить солидарность с теми авторами, которые высказываются за осторожное применение этих терминов, разграничивая правовые феномены

компенсации и возмещения³³⁰. Дело в том, что возмещение предполагает прямую зависимость выплачиваемой потерпевшему суммы от размера причинённого ему вреда с учётом того, что сумма возмещения может и должна быть объективно определена и точно рассчитана. Пункт 1 ст. 1064 ГК РФ закрепляет общее правило, согласно которому вред, причинённый личности и имуществу гражданина, а также вред, причинённый имуществу юридического лица, подлежит возмещению причинителем вреда в полном объёме. В соответствии с п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причинённых ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Таким образом, в правовом механизме возмещения заложена возможность полного восстановления нарушенного права, возвращения его в первоначальное, существовавшее до нарушения состояние. В толковом словаре В.И. Даля за словом «возмещать» закреплены значения «дополнять, пополнять, заменять, замещать, вознаграждать за убыль»³³¹. Словарь под редакцией профессора Д.Н. Ушакова даёт следующие звучащие в унисон с предыдущими толкованиями слову «возместить»: «заменить равноценным (что-нибудь утраченное), пополнить (недостающее)»; «заменить недостающее чем-нибудь другим»³³². О.Ш. Аюпов описывает такие черты возмещения, как соразмерность и эквивалентность³³³. По мнению автора настоящего исследования, эти понятия синонимичны и, по сути, передают одно важное свойство возмещения – его равноценность последствиям нарушения в сфере прав пострадавшего. Возмещение должно быть равновеликим причинённому вреду, иными словами, величина первого должна быть равна величине второго. Компенсация же не способна загладить нанесённый вред в полной мере по причине того, что её размер либо не может быть однозначно определён в принципе, либо же определить его чрезвычайно сложно. Поэтому компенсация – это имущественное предоставление за вполне конкретное

---

³³⁰ См., например: Аюпов О.Ш. Указ. соч. С. 21; Эрделевский А.М. Компенсация за моральный вред. М.: Новый век, 1998. Выпуск № 4. С. 41.

³³¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 1. – М.: Русский язык, 1978. С. 228.

³³² Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н.Ушакова в 4 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996. С. 341.

³³³ Аюпов О.Ш. Там же.

нарушение прав, которое, однако, неэквивалентно проявлениям допущенного нарушения. Компенсация реанимирует нарушенные гражданские права лишь в части, которая к тому же, как правило, не может быть точно установлена.

В этом смысле неслучайной видится соответствующая корректировка положений ст. 152 ГК РФ: до 1 октября 2013 г. её п. 5 наделял пострадавшего от диффамации правом требовать «возмещения убытков и морального вреда», после указанной даты пункт 9 названной статьи провозглашает в этой ситуации право требовать *«возмещения убытков и компенсации морального вреда»*. Очевидно, изменив подобным образом формулировки, законодатель сознательно устранил имевшуюся прежде неточность, ведь и во время действия первой редакции данной нормы ст. 12 ГК РФ предусматривала среди общих способов защиты гражданских прав именно компенсацию, а не возмещение морального вреда; термином «компенсация» оперировали в тот период также ст. 151 и глава 59 ГК РФ. Возмещение морального вреда представало некорректным синонимом его компенсации, поскольку с точки зрения идеальных юридических конструкций, моральный вред может быть исключительно компенсирован.

Надо в то же время отметить, что отдельные нормы ГК РФ подразумевают существование неких соразмерных компенсаций или даже прямо их предусматривают. Однако поскольку почти все такие нормы (это, например, ст.ст. 1359, 1360, 1456 ГК РФ) касаются прав в отношении интеллектуальной собственности (патентных прав, прав на топологии интегральных микросхем), почти во всех подобных случаях говорить о соразмерности можно лишь с весьма значительной долей условности. Так, крайне непросто (если допускать такую возможность в принципе) точно определить размер компенсации за использование изобретения или промышленного образца в силу неповторимых характеристик и уникальной ценности этих объектов гражданских прав; проведение в подобных случаях аналогий, формирование средних расценок связано с определёнными сложностями. В некоторых ситуациях закон допускает установление суммы подобных компенсаций в соглашении сторон (абз. 2 п. 4 ст. 1430, п. 2 ст. 1436 ГК РФ), но и здесь с полным правом можно

засвидетельствовать их условную, приблизительную соразмерность. Исключением среди не определяемых чётко компенсаций, выделяется, пожалуй, закреплённая в ст. 1170 ГК РФ компенсация несоразмерности получаемого наследственного имущества с наследственной долей, что не вполне согласуется с выработанными в теории права постулатами.

И ещё одно различие в правовой сущности объектов компенсации морального вреда гражданину и компенсации нематериального вреда юрлицу. Претерпевшие негативные изменения нравственные чувства физического лица не воссоздаются. Явившийся результатом правонарушения печальный опыт отрицательных переживаний необратим. Компенсация морального вреда в этом отношении представляет собой лишь «утешение» за него. Однако такое нематериальное благо организаций, как деловая репутация, к счастью, обладает свойством восстанавливаемости; она может быть не только приведена в первоначальное состояние, но и приращена в результате предпринятых после нарушения умелых действий заинтересованных лиц.

Итак, в чём же состоит нематериальный вред юрлицу? Анализ правовой природы этого субъекта гражданских правоотношений, принадлежащих ему неимущественных прав и нематериальных благ, прецедентной практики Европейского Суда и учитывающей её политики Конституционного Суда РФ приводит к выводу о том, что *такой вред проявляется 1) в собственно отрицательных изменениях в нематериальном благе организации* (это может быть не только деловая репутация, но и любое другое нематериальное благо, например, коммерческая или банковская тайна, тайна переписки и телефонных переговоров) *или в принадлежащем ей неимущественном праве и 2) в способных возникнуть из-за них не поддающихся точному подсчёту негативных внутриорганизационных явлениях неимущественного характера, косвенно или в перспективе опасных для деятельности юридического лица в целом, в частности, для сферы его имущественных прав* (неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании и трудовому коллективу,

общее ухудшение внутрикорпоративного климата, текучесть кадров, нарушение деловых связей и т.д.).

Есть основания полагать, что неотъемлемым и центральным элементом нематериального вреда юрлицу является именно само отражение на нематериальном благе (неимущественном праве) посягательства на него. Об умалении деловой репутации принято говорить как о причине неблагоприятных для организации явлений, составляющих его вред. Так, естественно звучит заключение о том, что умаление деловой репутации повлекло причинение юрлицу убытков в виде, скажем, затрат на рекламную кампанию для её восстановления или отказа конкретного контрагента от заключения намечавшейся выгодной сделки. Однако умаление деловой репутации – это также и самостоятельное последствие совершения правонарушения (допустим, распространения об организации порочащих ложных сведений, недобросовестной рекламы, незаконного использования товарного знака), и этот его аспект также нельзя не учитывать.

Если негативные явления нематериального характера в виде срыва плана развития компании или испорченной внутрикорпоративной атмосферы мизерно малы, они всё же не перестают существовать и нуждаются в компенсации. Если же они не возникли вовсе (что, думается, вполне может быть), умаление нематериального блага (например, деловой репутации) при соответствующем правонарушении (например, диффамации) будет всегда. Если хотя бы один контрагент, клиент, потенциальный клиент компании стал адресатом ложной нелюбезной информации о ней, умаление деловой репутации состоится априори. Поэтому, подчеркнём это ещё раз, в наивысшей степени целесообразным видится закрепление в доктрине и позитивном праве презумпции причинения нематериального вреда юрлицу любым нарушением его неимущественных прав или посягательством на его нематериальные блага. Это

столь же разумно, как и презумпция причинения морального вреда гражданину нарушением его личных неимущественных прав³³⁴.

Рассмотрим эту сторону проблемы через призму судебной практики. ФАС Поволжского округа в Постановлении от 4 февраля 2014 г. по делу № А65-10931/2013 (признавая: по ст. 152 ГК РФ в пользу юрлица подлежит компенсации «нематериальный вред», содержание которого не соответствует содержанию морального вреда, причиненного гражданину) указывает на то, что истец применительно к правилам гл. 59 ГК РФ должен доказать факт причинения убытков нематериального характера, обозначив, в чём конкретно выразилось причинение вреда, и причинно-следственную связь между действиями ответчика и наступлением убытков. При этом размер убытков нематериального характера не подлежит доказыванию, поскольку он не может быть определён объективно. За недоказанностью приведённых обстоятельств суд кассационной инстанции оставляет без изменений решение суда апелляционной инстанции об отказе в удовлетворении заявленных организацией требований о компенсации вреда в нематериальной сфере. Эта же идея в центре внимания Постановления ФАС Поволжского округа от 28 октября 2013 г. по делу № А12-31385/2012: «При выявлении причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий на стороне истца суды должны учитывать наличие реальной возможности влияния действий ответчика на формирование мнения об истце у третьих лиц».

На фоне приведённых аргументов возникают мысли о том, что, во-первых, установление факта правонарушения в любом случае должно являться индикатором причинения организации нематериального вреда, а во-вторых, одна из целей компенсации нематериального вреда юрлицам, помимо прочего, видится в реакции государства и права на само умаление деловой репутации, которая будет обеспечивать эффект превенции и отвечать интересам конкретных добросовестных участников гражданских правоотношений.

---

³³⁴ См. об этом: Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 12.

Любопытна проблема компенсации нематериального вреда ИП. В действующих гражданско-правовых нормах ни разу напрямую не упоминается право ИП на компенсацию морального вреда. Однако опасения в возможности присуждения ему такой выплаты видятся беспочвенными. ГК РФ не апеллирует к понятию «компенсация морального вреда ИП», зато закрепляет институт компенсации морального вреда физическому лицу, так как именно последнее способно к физическим и нравственным страданиям, т.е. восприимчиво к моральному вреду в истолковании основного источника гражданско-правовых норм. Поэтому, как представляется, вполне корректно говорить о том, что ГК РФ предоставляет ИП право требовать такой компенсации, ибо граждане с этим особым статусом охватываются термином «физические лица», или, ещё точнее, за маской предпринимателя всегда скрывается физическое лицо. Именно эту верную логику поддерживает законодатель, что несложно заметить, проанализировав отдельные нормы ГК РФ. Так, например, до недавних пор ст. 25 ГК РФ была полностью посвящена банкротству ИП – такое название она и носила. Теперь же, с 1 октября 2015 г., после изменений Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ³³⁵ статья озаглавлена «Несостоятельность (банкротство) гражданина», что подразумевает расширение сферы её применения, а вовсе не изъятие из последней отношений, возникающих в связи с банкротством ИП. Можно уверенно судить о том, что отредактированная норма распространяет своё действие на любых граждан, поскольку эта категория субъектов гражданского права обнимает и ИП, и физических лиц, ими не являющихся.

Занимая положение предпринимателя в установленном законом порядке, т.е. проходя процедуру государственной регистрации в качестве ИП, и даже непосредственно осуществляя предпринимательскую деятельность (например, вступая в контакты с контрагентами в этой особой роли), никто не утрачивает свою сущность физического лица, права и обязанности гражданина, а следовательно, и возможности использовать предоставленные законом способы

---

³³⁵ Российская газета. 2015. № 144. Полное название: «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

защиты этих прав. Умаление деловой репутации ИП – достаточная причина негативных переживаний гражданина, избравшего соответствующую сферу деятельности. В случае нарушения своего права на деловую репутацию ИП может реализовать все способы защиты, содержащиеся в ст. 152 ГК РФ, включая и компенсацию морального вреда, регламентированную п. 9 названной статьи, а также использовать ст.ст. 151, 1099-1101 ГК РФ. Верными видятся утверждения цивилистов о невозможности разграничения личных неимущественных прав, принадлежащих «простому» гражданину и гражданину со статусом предпринимателя, а также о том, что лишение ИП права требовать компенсации морального вреда в связи с нарушением его деловой репутации «можно рассматривать в качестве необоснованного ограничения его законных прав и интересов как гражданина, которые могут быть ограничены только федеральным законом»³³⁶. Вместе с тем, предприниматель способен испытывать на себе и те рассмотренные выше последствия диффамации, в которых наряду с собственно умалением деловой репутации проявляется нематериальный вред юрлицу. Ведь и у ИП в результате ущемления принадлежащего ему нематериального блага могут возникнуть сложности в управлении своим делом, крах плана развития бизнеса, могут наблюдаться нежелательные частые изменения в составе нанимаемых им работников и т.д. Это означает, что нематериальный вред ИП может принимать форму как морального вреда гражданину, так и нематериального вреда юрлицу. Какое из указанных проявлений окажется более существенным и ощутимым в каждом конкретном случае, думается, решать самому потерпевшему. Ему же видится правильным предоставить и право выбора между двумя приведёнными способами защиты прав, особенно учитывая, что для ИП деловая репутация не менее ценна, чем для юрлица. Представима ситуация, когда не поддающиеся точному расчёту негативные последствия диффамации нематериального характера, касающиеся организации и ведения бизнеса ИП, не возникнут вовсе или не получат сколько-нибудь заметного распространения, тогда как моральный вред «гражданина-коммерсанта» будет иметь ярко выраженный характер, – и

---

³³⁶ Кулиуш О.А. Указ. соч. С. 133.

наоборот, не исключено обратное положение вещей. М.А. Рожкова в качестве возможного выхода из ситуации допускает компенсацию нематериального вреда ИП в том же порядке, что и юрлицу³³⁷. Разумеется, в данном случае неприемлемой была бы выплата обеих компенсаций, поскольку как первая, так и вторая из них оказались бы направлены на сглаживание последствий одного и того же правонарушения в одной и той же нематериальной сфере.

4.1.3. Компенсация нематериального вреда юридическим лицам: вопросы терминологии. Отдельного внимания заслуживает терминологическая часть вопроса. Даже среди учёных, относящих себя к сторонникам взыскания в пользу организаций компенсации нематериального свойства, отсутствует единодушие на предмет закрепления названия за правовым средством защиты принадлежащих юрлицам благ (в том числе, деловой репутации) в части сглаживания нематериального вреда (подчеркнём ещё раз, в силу известных причин о компенсации морального вреда организациям говорить методологически неверно и юридически некорректно). По-разному именуется подобного рода компенсация и в заявлениях истцов, и в судебных актах. Отсутствие единого понятийного аппарата, обслуживающего институт защиты права организаций на деловую репутацию, составляет весьма серьёзную не терпящую недооценки проблему, прежде всего – для правоприменительной практики. В последние полтора десятилетия именно к ней зачастую и сводится взаимное непонимание цивилистов.

К.И. Голубев и С.В. Нарижний в 1999 г. ввели в научный оборот понятие «**нематериальный вред юрлицу**», выразив мысль о целесообразности дополнения за счёт его компенсации института защиты деловой репутации организаций³³⁸. Эти разработки учёные развивали и позже, ими было высказано предложение закрепить защиту неимущественных прав как граждан, так и юрлиц

---

³³⁷ См.: Рожкова М.А. Указ. соч. С. 46; Защита деловой репутации в случаях её диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений) под общей редакцией М.А. Рожковой. М., Статут. 2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³³⁸ Голубев К.И., Нарижний С. Защита деловой репутации юридических лиц // Российская юстиция. 1999. № 7. С. 24 – 25.

в гл. 8 ГК РФ, предусмотрев и способы их защиты, характерные для каждого вида субъектов³³⁹.

Появление другого ныне популярного в работах правоведов, вошедшего в юридический обиход термина для обозначения вреда деловой репутации юрлица, не относящегося к прямым убыткам – «репутационный вред», связывается с комментарием Г.М. Резника статьи 152 ГК РФ³⁴⁰.

Какой же из двух этих в основном встречающихся в научных исследованиях и правоприменительных актах вариантов обозначения рассматриваемого явления наиболее предпочтителен? Есть ли между ними существенная разница? Да и так ли принципиален выбор термина для употребления? Думается, ответ на два последних вопроса должен быть утвердительным.

Простое, быстро вызывающее нужную ассоциацию словосочетание «репутационный вред»³⁴¹ всё же не представляется пригодным для использования в какой-либо иной сфере, кроме бытовой, и даже не потому, что, как отмечено К.И. Скловским, «слова «репутационный» в русском языке не существует»³⁴². Важные причины несостоятельности указанного термина заключаются, как видится, в следующем.

Прежде всего, репутационный вред – это (в буквальном и, думается, единственно возможном истолковании) вред деловой репутации. Но юрлицу принадлежат и иные, помимо деловой репутации, нематериальные блага, а значит, ему может быть причинён и иной нематериальный вред. Разглашение коммерческой или банковской тайны, нарушение тайны переписки или телефонных переговоров и иные подобные действия также порождают

---

³³⁹ Голубев К.И. Нарижний С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты немущественных благ личности. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Юридический центр Пресс, 2004. С. 157 – 162.

³⁴⁰ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина. М., 2004. С. 470 – 471; Резник Г.М. Страдания по тарифу // ЭЖ-Юрист. 2008. № 35. С. 7.

³⁴¹ Понятием «репутационный вред» в качестве принципиальной формулировки или возможного варианта выражения оперирует ряд исследователей. См., например: Белашова М.С. Доказывание и доказательства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 106; Сахапов Ю.З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности её гражданско-правовой защиты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 9, 148.

³⁴² Скловский К.И. Указ. соч. С. 95. Обоснованная критика термина «репутационный вред» проводится также в научных работах более позднего времени: Гаврилов Е.В. «Репутационный вред» в российском праве: нонсенс или необходимость? // Безопасность бизнеса. 2011. № 2. С. 38 – 40.

нематериальный вред, который может проявиться в ощутимых негативных не поддающихся точному подсчёту последствиях в виде тех же неудобств для руководства и работников юрлица, нежелательно частых кадровых перестановок, внезапно возникших сложностей в управлении компанией и т.д. Нематериальный вред – понятие гораздо более широкое, чем вред репутационный, куда более общая категория, которую намного справедливее закрепить на законодательном уровне с тем, чтобы создать надёжный правовой механизм защиты юрлица от любого нематериального вреда, который в принципе возможно ему причинить. Это будет корректным с позиции теории права и оправданным с позиции экономии нормативного материала, ибо позволит избежать появления дублирующих друг друга однотипных по содержанию правил о защите различных нематериальных благ организаций. Закрепить в ГК РФ понятие «репутационный вред» значило бы объять, несомненно, полезным и важным правовым регулированием лишь малую толику того внушительного блока общественных отношений с участием юрлиц, который в нём нуждается.

Во-вторых, репутационный вред юрлицу нередко интерпретируют именно как его неимущественный вред, однако смысловое наполнение этого выражения «коварнее», чем кажется на первый взгляд, и на самом деле имеет две стороны. Если вновь отталкиваться от буквального толкования рассматриваемого термина, то репутационный вред (любой вред деловой репутации организации) может быть как нематериальным, так и материальным (убытками). С этой точки зрения, введение в научный оборот и законодательство термина «репутационный вред» также не вполне уместно: в своей «материальной» части его содержание будет пересекаться с правилами о возмещении реального ущерба и упущенной выгоды, «наслаиваться» на существующее правовое регулирование имущественных отношений.

Е.П. Редько отождествляет понятие неимущественного вреда с понятием морального вреда, содержащимся в ст. 151 ГК РФ, предлагая, исходя из этого, закрепить за специальным правовым институтом для юрлиц название

«компенсация **иного неимущественного вреда**»³⁴³. Не вызывает возражений утверждение автора о равнозначности терминов «неимущественный вред» и «нематериальный вред»³⁴⁴, однако, как представляется, термин «моральный вред» отнюдь им не синонимичен. Моральный вред в отечественном гражданском праве, при том определении, которое с достаточной чёткостью сформулировано в ст. 151 ГК РФ, должен являть собой одну из двух разновидностей нематериального (неимущественного) вреда. По сути, моральный вред – это нематериальный вред, причинённый гражданину. Нематериальный же вред, причинённый юрлицу, будет являться вторым видом нематериального вреда как общей собирательной категории. И поскольку действующее гражданское законодательство не смешивает понятие морального вреда с понятием нематериального вреда в целом, из предлагаемого названия нового способа защиты гражданских прав («компенсация иного неимущественного вреда») оправданно исключить излишнее слово «иного». Таким образом, весьма логичным выглядело бы зафиксированное в законе наряду с правом граждан на компенсацию морального вреда (компенсация нематериального вреда гражданам) право на компенсацию нематериального вреда юрлиц.

Ю.Г. Иваненко высказано мнение о необходимости замены отсылочной нормы о защите деловой репутации юрлиц конкретным законоположением, в котором чётко были бы указаны все способы защиты таковой. При этом до принятия Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ предлагалось два возможных пути решения проблемы: либо закрепить за юрлицами право на присуждение денежного вознаграждения, имея в виду в том числе расширение перечня способов защиты гражданских прав в ст. 12 ГК РФ упоминанием *«присуждения денежного вознаграждения»*; либо же, напротив, законодательно ограничить компенсацию морального вреда или её аналога, исключив

---

³⁴³ Редько Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 10, 153 – 154.

³⁴⁴ Не так часто в специальной литературе встречаются пожелания закрепить за юрлицами право на денежную компенсацию в счёт именно «неимущественного» вреда, что впрочем, не обнаруживает сколько-нибудь ощутимых отличий от компенсации в счёт вреда «нематериального». См., например: Пешкова О.А. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 18 – 25.

соответствующее право юрлиц³⁴⁵ (к чему формально и был сделан шаг после 1 октября 2013 г.). При верности идеи о надлежащем уточнении законодательства, вопрос о закреплении за юрлицом права на компенсацию нематериального вреда заслуживает однозначного положительного ответа. Законодательное решение должно быть вполне определённым; вторая допущенная исследователем опция, «полуреализованная» сегодня в ГК РФ, выходом из сложившегося правового тупика не видится (впрочем, равно как и утверждение прямой отсылочной нормы о компенсации нематериального вреда юрлицам по правилам о компенсации морального вреда гражданам). Говоря о названии нового способа защиты прав юридических лиц, пожалуй, всё же разумнее остановиться на слове «компенсация», не «вознаграждение», поскольку первое более тяготеет к терминологии деликтных обязательств, легче увязывается с понятием вреда и максимально ёмко передаёт суть предоставления за вред, причинённый в той или иной форме.

В научной литературе есть мнение о желательности объединения компенсации морального вреда гражданам и компенсации репутационного вреда юрлицам в единый способ защиты – компенсацию нематериального вреда³⁴⁶. Как представляется, это предложение имеет право на существование и обсуждение. Однако автор настоящей работы находит наиболее предпочтительным формирование и развитие на доктринальном и законодательном уровнях самостоятельного полноценного института компенсации нематериального вреда юрлицу наряду с институтом компенсации морального вреда гражданину. Дело не только и даже не столько в том, что для по-своему рационального слияния соответствующих положений потребуются коренной и концептуальный пересмотр целых пластов проверенного временем глубоко устоявшегося законодательства. Основной аргумент в пользу сохранения отдельного понятия морального вреда и отдельного механизма его взыскания видится в исключительной специфике двух

---

³⁴⁵ Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 192 – 193.

³⁴⁶ См.: Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам и новая редакция ст. 152 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 3. С. 79 – 90.

рассмотренных компенсаций при гармоничном образовании их сочетанием единого общего понятия нематериального вреда. Методики расчёта размера указанных компенсаций; имеющие значение для определения такого размера обстоятельства; проявление вреда, в счёт которого они предоставляются; субъекты, обладающие правом на их взыскание, обладают настолько значительным своеобразием, что, думается, требуют к себе отдельного внимания, специально сформулированных правил. Это приводит к выводу о том, что гражданское право нуждается в отдельно оформленных, чётко разведённых понятиях морального вреда гражданину и нематериального вреда юрлицу.

4.1.4. Критерии определения размера компенсации нематериального вреда юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Нельзя оставить без внимания и следующий ряд принципиально важных вопросов: как доказать нематериальный вред юрлицу, как его исчислять и в каком размере компенсировать?

На этот счёт в специальной литературе, в частности, в диссертационных исследованиях последних лет, утвердительно отвечающих на вопрос о необходимости компенсации нематериального вреда организациям и ИП при умалении их деловой репутации, также нет единого мнения. М.С. Белашова различает понятия «ущерб деловой репутации» и «репутационный вред», по существу имея в виду под первым имущественные последствия умаления деловой репутации юрлица, под вторым же понимая тот самый вред неимущественный, на который обращали внимание Верховный Суд РФ и названный выше международный судебный орган³⁴⁷. В.В. Плотников главным фактором, определяющим особо высокую стоимостную оценку причинённого юридическому лицу диффамацией вреда полагает тяжесть для него экономических последствий распространения порочащих сведений³⁴⁸. Ю.З. Сахапов предлагает размер компенсации репутационного по терминологии автора вреда определять в зависимости от характера и степени распространения

---

³⁴⁷ Белашова М.С. Указ. соч. С. 105 – 106.

³⁴⁸ Плотников В.В. Деловая репутация как объект гражданско-правовой защиты // Хозяйство и право. 1995. № 11. С. 99.

порочающей информации об общественно-социальной оценке нравственных качеств и деловом потенциале граждан и юрлиц³⁴⁹.

Отвечая на вопрос о том, как определить размер компенсации, подлежащий взысканию, нельзя признать удачной привязку таковой к некой фиксированной, стандартизированной в законе сумме, ведь каждый конкретный случай подобного нарушения требует индивидуального подхода. Учитывая то, насколько разными могут быть статусы участников рассматриваемых отношений и обстоятельства, в которых последние возникают, едва ли возможно оперирование единым для всех случаев размером компенсации, едва ли мыслим универсальный её размер. Закрепление в законе усредненной суммы не ответит ничьим интересам, приведёт к субъективному ощущению несправедливости и к объективному лишению нормы права эффективности. В данной ситуации видится оправданным конструирование относительно определённой нормы, наделение суда дискреционными полномочиями по расчёту размера подлежащей в каждом случае взысканию компенсации нематериального вреда юрлицу (с возможным установлением законодательного контура для усмотрения правоприменителя в виде верхнего и нижнего пределов размера предлагаемой компенсации).

Основным ориентиром определения размера компенсации нематериального вреда юрлицу видится масштаб последствий, наступивших для потерпевшего в связи с правонарушением, причём независимо от характера последних в смысле сферы их проявления (необходимо принимать во внимание как материальные, так и нематериальные «расстройства» субъекта). Если исходить из того, что, как обосновывалось, нематериальный вред деловой репутации организации выражается в а) собственно её умалении (всегда) и б) негативных внутриорганизационных нематериального свойства явлениях, вызванных таким умалением (возможно), тогда то, насколько сокрушительными окажутся эти явления для юрлица, безусловно, должно быть отражено в размере взыскиваемой в пользу потерпевшего компенсации за нематериальный вред. Когда же истцу не удалось подтвердить возникновение негативных нематериальных явлений,

---

³⁴⁹ Сахапов Ю.З. Указ. соч. С. 149.

компенсация подлежит выплате за само умаление деловой репутации с помощью иных приводимых ниже критериев. При их описании позволим себе избирательную опору на представляющиеся в данном случае небесполезными позиции Верховного Суда РФ по вопросам взыскания морального вреда гражданам, а также «подсказки» по определению размера компенсации морального вреда, даваемые в ГК РФ, несмотря на нынешнее однозначное исключение из статьи 152 ГК РФ допущения известной аналогии. Всё же и моральный вред гражданину, и нематериальный вред юрлицу имеют общую природу, а следовательно, между их компенсациями, невзирая на бесспорно присутствующие значительные отличия, существует определённая связь, некие «родственные отношения».

Итак, важным критерием определения суммы компенсации нематериального вреда юрлицу является не только *размер причинённого ему нематериального вреда*, но и *размер понесённого им вреда материального*. В п. 8 Постановления ВС РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 содержится указание на то, что компенсация морального вреда определяется судом хоть и в денежной форме, но независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. А в п. 9 того же постановления отмечено, что ответственность за причиненный моральный вред не находится в прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно. Те же выводы можно сделать, проанализировав положения ст. 152 ГК РФ. В этой связи М.А. Рожкова пишет: «размер компенсации нельзя поставить в зависимость от размера удовлетворённого требования о возмещении материального вреда, убытков и других материальных требований, вследствие чего размер компенсации репутационного ущерба может быть установлен арбитражным судом и выше размера взыскиваемых убытков»³⁵⁰. И действительно, убытков (материального вреда) может и вовсе не возникнуть, в то время как компенсация нематериального вреда при установлении факта правонарушения

---

³⁵⁰ Рожкова М.А. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 47.

должна взыскиваться всегда, возможно, и в значительном размере. Однако заблуждением было бы полностью исключать возможность взаимосвязи между убытками и нематериальным вредом. Законодатель, а также Верховный Суд РФ, как представляется, отрицают лишь прямую зависимость предъявления одного требования от предъявления другого, декларируют право истца обращаться с любым из таких требований автономно от другого. При оценке последствий состоявшейся диффамации в целях справедливого расчёта рассматриваемой выплаты, учёту, думается, подлежат всё же и явившиеся результатом правонарушения убытки. Ведь чем большие убытки понесла в результате диффамации организация, тем, закономерно предположить, серьёзнее будут нарушения её внутрикорпоративного климата, стратегического планирования, традиций управления и т.д. Разумеется, убытки могут и не оказать решающего или даже сколько-нибудь весомого влияния на размер возникшего нематериального вреда, тем не менее, отметить такую возможность априори опрометчиво. Оценивать влияние размера убытков на размер нематериального вреда разумно в каждом конкретном случае, при учёте значимых для дела обстоятельств. Кроме того, необязательно, чтобы размер убытков был подтверждён вступившим в законную силу судебным актом. Достаточным будет и мнение, составленное судом по итогам отдельного анализа, основанного на доказательствах, представленных в судебное заседание. При этом, помня о причинах, по которым отечественными цивилистами единогласно признан крайне неудачным термин «нематериальные убытки», следует согласиться с В.В. Килинкаровым, который, называя включаемые в настоящей работе в понятие нематериального вреда юрлицу негативные нематериальные последствия умаления деловой репутации «труднодоказуемыми и зачастую весьма условными убытками», пишет: «Нужно понимать, что в подавляющем числе случаев при компенсации некоего «нематериального» ущерба происходит возмещение своего рода «абстрактных» убытков, доказать реальное причинение которых представляется маловероятным»³⁵¹.

---

³⁵¹ Килинкаров В.В. Право на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности: дис. ...

Обратимся также к вопросу влияния опубликования опровержения на размер присуждаемой в счёт нематериального вреда компенсации. Пункт 15 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 гласит: «Требование о компенсации морального вреда может быть заявлено самостоятельно, если, например, редакция средства массовой информации добровольно опубликовала опровержение, удовлетворяющее истца. Это обстоятельство должно быть учтено судом при определении размера компенсации морального вреда». Вполне рационально было бы применять это правило и при расчёте размера компенсации нематериального вреда юристу. Безусловно, *публикация опровержения нарушителем* даже в добровольном порядке не может служить основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании интересующей истца компенсации, однако поскольку подобное действие способно уменьшить негативные нематериальные явления (снизить беспокойство и неудобство коллектива работников и руководства компании, например), учитывать факт и обстоятельства его совершения при определении размера компенсации нематериального вреда также необходимо.

С виной же нарушителя размер компенсации нематериального вреда связываться не должен. В соответствии со ст. 1100 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины его причинителя в случаях, когда вред причинён распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. То же подчёркнуто и в п. 3 Постановления ВС РФ от 20 декабря 1994 г. № 10. А в соответствии с п. 2 ст. 1101 ГК РФ на размер компенсации морального вреда степень вины причинителя может влиять лишь «в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда». Это справедливо и применительно к организациям, понёсшим нематериальный вред. М.А. Рожкова небеспочвенно выделяет независимость компенсации «репутационного ущерба» от вины нарушителя, являющегося автором и (или) распространителем сведений, порочащих деловую репутацию субъекта предпринимательской деятельности, в качестве одного из «основных принципов компенсации репутационного

ущерба»³⁵². Думается, указанную закономерную мысль о взыскании специальной компенсации организациям разумно поддержать. В этой связи содержащееся в ст. 1100 ГК РФ понятие «моральный вред» было бы правильным заменить общим понятием «нематериальный вред», утвердив, таким образом, независимость денежной компенсации как морального вреда гражданину, так и нематериального вреда юрлицу от вины причинителя такого вреда.

Здесь стоит помнить о единой правовой природе морального вреда гражданину и нематериального вреда организации. Устанавливая правила ст.ст. 1100 и 1101 ГК РФ, законодатель ради эмоционального благополучия истца, вернее, ради утешения за вмешательство в него, пренебрёг снисхождением к нарушителю, пусть и безвинно, но причинившему вред. Нематериальный вред юрлицу – совсем иная сущность, нежели переживания лица физического, однако для организации как для субъекта прав ничуть не менее важная. «Репутационные» интересы организации в нематериальной сфере также справедливо ставить выше снисхождения к распространителю ложных порочащих сведений. К тому же единые в этой части правила будут легче усваиваться адресатами закона, проще систематизироваться правоприменителями. Вместе с тем, подчеркнём ещё раз, сложно представить на практике безвинную диффамацию.

При определении размера компенсации необходимо также учитывать *содержание (или характер) распространённых ложных порочащих деловую репутацию организации сведений*. Главная информация, которую можно вынести из анализа соответствующих данных, заключается в том, насколько распространённые сведения порочат деловую репутацию потерпевшего (об этом применительно к категории морального вреда писал А.М. Эрделевский³⁵³). Важно также принять в расчёт *обстоятельства совершения правонарушения* (в частности, широту распространения интересующих истца сведений, неоднократность их распространения, если она имела место); *статус организации, деловой репутации которой был нанесён вред, а также положение,*

---

³⁵² Рожкова М.А. Указ. соч. С. 46 – 47.

³⁵³ Эрделевский А.М. Компенсация за моральный вред. М.: Новый век, 1998. Выпуск № 4. С. 127 – 128.

в котором находилась её деловая репутация до нарушения. Интерес могут представлять и иные факторы, выявлять исчерпывающий перечень которых нет смысла и объективной возможности.

Несомненно и то, что при определении размера компенсации нематериального вреда юрлицу (точно так же, как при определении размера компенсации морального вреда гражданину в соответствии с п. 2 ст. 1101 ГК РФ) должны соблюдаться *требования разумности и справедливости*.

4.1.5. Теория и практика взыскания компенсации нематериального вреда юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Вопрос о государственной пошлине, уплачиваемой при заявлении в суд требования о компенсации нематериального вреда юрлицу, видится вполне справедливым решить так же, как и в случае с подачей иска о компенсации морального вреда гражданину. На этот счёт в п. 15 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 определено, что моральный вред, хотя он и определяется судом в конкретной денежной сумме, признается законом вредом неимущественным и, следовательно, государственная пошлина должна взиматься на основании подп. 3 п. 1 ст. 333.19 Налогового кодекса Российской Федерации³⁵⁴ (далее – НК РФ), а не в процентном отношении к сумме, определенной судом в качестве компенсации причиненного истцу морального вреда. Во мнении о применимости данного разъяснения и к компенсации нематериального вреда, вызванного умалением деловой репутации юрлица, сходятся многие сторонники взыскания такой компенсации³⁵⁵. В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 333.21 НК РФ (редакция Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 221-ФЗ) при подаче исковых заявлений неимущественного характера по делам, рассматриваемым Верховным Судом РФ в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством Российской Федерации, а также по делам, рассматриваемым арбитражными судами, государственная пошлина уплачивается в размере 6 000 рублей.

---

³⁵⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁵ См., например: Забегайло Л.А. Современные гражданско-правовые способы защиты деловой репутации юридического лица // Право и экономика. 2011. № 5. С. 18 – 22; Рожкова М.А. Указ. соч. С. 41 – 42.

К слову, подп. 4 п. 1 ст. 4 Закона Российской Федерации «О государственной пошлине» от 9 декабря 1991 г. № 2005-1³⁵⁶ также не связывал размер государственной пошлины по искам о компенсации морального вреда с суммой заявленных требований: для физических лиц сумма выплаты составляла 10 процентов от минимального размера оплаты труда, а для юридических – 10 минимальных размеров оплаты труда. Ещё в бытность действия этого закона, утратившего силу с 1 января 2005 г., в юридической литературе высказывались предложения об исчислении суммы государственной пошлины по требованиям о компенсации морального вреда применительно к ставкам для материальных исков³⁵⁷.

В определении размера государственной пошлины по искам о компенсации нематериального вреда юрлицам на той же основе, что и по искам о компенсации морального вреда гражданам, нет ничего, противоречащего логике права и целесообразности применения правовых норм. В то же время не стоит категорично отвергать и рассуждения на тему возможности исчисления суммы государственной пошлины по искам о взыскании компенсации нематериального вреда организациям исходя из размера заявленных истцом требований. Такое допущение видится оправданным из-за возникающего потенциала стимулировать заинтересованное лицо к наиболее взвешенному определению своих претензий. В этом случае следовало бы, во-первых, выделить правило об определении размера государственной пошлины по искам о компенсации нематериального вреда юрлицам из общего правила об определении размера государственной пошлины при подаче исковых заявлений неимущественного характера (в том числе исковых заявлений о компенсации морального вреда); а во-вторых, дабы обеспечить доступность подобных обращений к суду, установить должный разрыв между суммой взыскиваемой государственной пошлины и размером заявляемых истцом требований. Если закрепится разумное соотношение между

---

³⁵⁶ Российская газета. 1992. № 58.

³⁵⁷ См.: Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 205. Автор в свою очередь ссылается на следующую работу: Трубников П.Я. Применение судами закона о печати // Социалистическая законность. 1991. № 11. С. 9 – 10.

размером требований к ответчику и размером государственной пошлины, последняя не ляжет на плечи истца бременем непосильных трат при подаче заявления в суд, но вместе с тем будет находиться в прямой зависимости от объёма его притязаний, что способно стать побудительным мотивом более объективно смотреть на всегда в той или иной степени субъективно оцениваемый неимущественный вред, более здраво судить о своих правах и чужих корреспондирующих им обязанностях вместо того, чтобы формулировать завышенные требования (как это нередко бывает на практике) по принципу торга на рынке («проси больше, чем желаешь получить»), в надежде произвести определённое впечатление на суд и склонить его к максимально – пусть даже незаслуженно – выгодному для себя решению.

А.М. Эрделевским развёрнуто обоснован вывод о возможности зачёта и перехода требования о компенсации морального вреда (по мысли автора уступка такого требования допустима с момента вступления в законную силу решения суда, определившего размер компенсации, или с момента заключения причинителем вреда и потерпевшим соглашения о добровольной компенсации морального вреда; переход же требования о компенсации морального вреда по наследству возможен с момента предъявления соответствующего иска в судебные органы, что порождает количественно неопределённое имущественное право, или же с момента вступления в силу упоминавшегося соглашения причинителя вреда с потерпевшим)³⁵⁸. Представляется, что эти резонные рассуждения ничуть не противоречат правилу п. 18 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 («компенсация морального вреда и убытки в случае удовлетворения иска подлежат взысканию в пользу истца, а не других указанных им лиц») и остаются справедливыми также в приложении к компенсации нематериального вреда организациям. Безусловно, присуждение подобной компенсации во многом обусловлено «индивидуальностью» юрлица, уникальными характеристиками его деловой репутации, статуса, деятельности, однако *неразрывной* связи с личностью

---

³⁵⁸ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики, 3-е издание. М., «Волтерс-Клувер», 2007. С. 165 – 171.

кредитора (признака прав, переход которых к другим лицам не допускается) в данном случае констатировать нельзя. Бесспорно утверждение А.М. Эрделевского о том, что право на компенсацию как полноценное имущественное право наступает в полном объёме только после вступления решения суда в законную силу, в то время как до обращения в суд с иском у потерпевшего есть лишь предпосылки для приобретения полноценного имущественного права, но не оно само³⁵⁹. И конечно, переход в порядке универсального правопреемства в полной мере сформированного имущественного права (права на уже присуждённую юрлицу компенсацию) предполагает наличие у такого юрлица правопреемников, к которым его права и обязанности перейдут после реорганизации.

К.И. Скловский пишет в этой связи следующее. «Завершение ликвидации юридического лица (прекращение юридического лица, исключение его из реестра юридических лиц) означает и прекращение права на возмещение убытков и вреда. Прежде всего, потому, что нет потерпевшего, но также и потому, что полученные суммы уже не могут быть направлены на восстановление репутации организации, так как исчез получатель сумм. А направление их на иные нужды лишает присужденное характера компенсации»³⁶⁰. Нельзя отрицать того, что право на возмещение убытков и компенсацию нематериального вреда прекращается с прекращением организации, но только если последняя так и не заявила в суде необходимое требование, – в этом случае правопреемники (при реорганизации) уже не смогут сделать это за своего правопреемника. Если же имущественное по своей сути требование о компенсации нематериального вреда было сформулировано и, тем более, если компенсация уже была присуждена в пользу исключённого из реестра юрлиц истца, правопреемники будут иметь на неё право. Кроме того, данная выплата, как видится, всё же не предполагает специального целевого назначения: трудно представить себе выверенный механизм для контроля за употреблением присуждённых истцу сумм именно на восстановление своей репутации, равно как трудно говорить и о смысле введения

---

³⁵⁹ Эрделевский А.М. Там же.

³⁶⁰ Скловский К.И. Об ответственности средств массовой информации за причинение вреда деловой репутации // Хозяйство и право. 2005. № 3. С. 101.

такого контроля. Характер компенсации присуждённая сумма, думается, имеет безотносительно того, как именно она будет впоследствии использована. (Так же свободно потерпевший определяет направления использования денежной суммы в счёт нанесённых ему убытков). Эта сумма подлежит присуждению при определённых обстоятельствах, за причинение рассмотренного выше нематериального вреда, она является имущественным предоставлением за негативное нематериального рода влияние правонарушения на права и блага потерпевшего, «утешением» за него, в этом и выражается компенсационный характер такой выплаты; и напротив, он не находится в зависимости от способов применения истцом полученных средств в дальнейшем (будь то проведение новой рекламной компании с целью реставрации деловой репутации, премиальные выплаты работникам для сглаживания причинённых коллективу неудобств или, допустим, передача взысканной денежной суммы иному лицу по договору).

В свете вступивших в силу 1 октября 2013 г. изменений Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ, которые исключили применявшуюся прежде при компенсации нематериального вреда юрлицам аналогию с компенсацией морального вреда гражданам³⁶¹, весьма любопытным видится анализ судебной практики по делам о защите прав организаций в нематериальной сфере (на текущий момент они представлены в судах в первую очередь категорией споров о защите как раз права юрлиц на деловую репутацию). Интерес представляют и такого рода разбирательства, истцами в которых выступают граждане, обладающие статусом ИП, поскольку нематериальный вред подобных субъектов может принимать те же формы, что и нематериальный вред юрлиц. Стоит учитывать значительное количество заявляемых в суды требований о компенсации нематериального вреда (как и ранее, в рознящихся

---

³⁶¹ А ведь примерно за год до их выхода в свет, «компенсация нематериального (репутационного) вреда, причиненного действиями (бездействием), нарушающими имущественные права юридического лица» аргументировалась на уровне Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 17528/11 по делу № А45-22134/2010 (далее – Постановление ВАС РФ от 17 июля 2012 г.). (См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 1). Тезисы этого акта впоследствии легли в основу многих судебных решений.

формулировках, – обращаются в таких ситуациях, например, за взысканием компенсаций в счёт «репутационного» и до сих пор даже «морального» вреда).

До введения в действие указанного закона по делам о компенсации нематериального вреда организациям принимались различные решения, в их обоснование приводилась многовариантная аргументация, при этом судебные органы продемонстрировали отчётливую тенденцию к признанию существования нематериального вреда юрлиц и необходимости такой вред компенсировать.

Практика взыскания рассматриваемой компенсации колебалась и непосредственно после появления обсуждаемых изменений. Даже после этого принимались судебные решения, утверждающие сохранение значения сформированного правового подхода применительно к действующей редакции закона (т.е., продолжающие констатировать верность компенсации нематериального характера в пользу организаций и после вступления в силу пункта 11 ст. 152 ГК РФ в обновлённом виде)³⁶². В подобных ситуациях органами правосудия указывалось на то, что новая законодательная формулировка исключает возможность компенсации юрлицу именно морального вреда, тогда как нематериальный (репутационный) вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими его неимущественные права, подлежит компенсации.

При наличии значительного числа случаев отрицания защиты права организаций и ИП на деловую репутацию подобным способом³⁶³ нередко

---

³⁶² См., например: Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2015 г. № 05АП-6691/2015 по делу № А51-6980/2015; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 ноября 2015 г. № 16АП-3945/2015 по делу № А63-5134/2015; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2014 г. № 18АП-7319/2014, 18АП-7768/2014 по делу № А07-17912/2013; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 ноября 2014 г. № 18АП-11959/2014 по делу № А07-801/2014; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2015 г. № 18АП-5676/2015 по делу № А76-20440/2014; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2015 г. № 13АП-22916/2015 по делу № А56-21847/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁶³ См., например: Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2016 г. по делу № А52-4350/2015; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2015 г. № 13АП-20325/2015 по делу № А21-1525/2015; Определение Верховного Суда РФ от 17 августа 2015 г. по делу № 309-ЭС15-8331; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2016 г. № 07АП-11304/2015 по делу № А67-856/2015; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 февраля 2016 г. № 09АП-59646/2015-ГК по делу № А40-76069/15; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 февраля 2016 г. по делу № А56-45216/2015; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 октября 2015 г. № 12АП-10103/2015 по делу № А06-11143/2014; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 июля 2015 г. по делу № А40-69753/14;

основанием к отказу во взыскании компенсации нематериального вреда служило не принципиальное неприятие обязывания осуществить такую выплату, а отсутствие достаточной для вынесения решения в пользу истца доказательственной базы (свидетельств умаления деловой репутации заявителя, причинно-следственной связи между действиями ответчика и негативными изменениями в принадлежащем истцу нематериальном благе и прочее) или некорректные формулировки заявляемых в суде требований (ещё одно напоминание: в судебных актах признаётся отсутствие у юрлиц права претендовать на компенсацию именно морального вреда)³⁶⁴. Также взыскивались компенсации морального вреда в пользу физических лиц – ИП, при этом в судебных актах упоминалось о возможности компенсации «репутационного» вреда гражданам с этим особым статусом, а также обосновывалась компенсация нематериального вреда юрлицам³⁶⁵.

Представляется уместным привести грамотно и развёрнуто аргументированное постановление, выразительно иллюстрирующее затруднительное положение, в котором оказались правоприменители, решающие вопрос о компенсации нематериального характера в пользу юрлиц.

ООО «Н» (агентство недвижимости) обратилось в арбитражный суд с иском заявлением к ИП К. о защите деловой репутации, возложении обязанности на предпринимателя удалить со всех страниц интересующего истца сайта ложные сведения, порочащие его деловую репутацию, а именно: надпись «недобросовестная фирма» и сопровождающее ее графическое изображение человеческого черепа и костей, расположенные в строке со сведениями об

Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15 февраля 2016 г. № Ф06-5593/2016 по делу № А12-21772/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 февраля 2016 г. по делу № А21-1140/2015; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 декабря 2015 г. № 13АП-28315/2015 по делу № А56-43902/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁴ См., например: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 13 ноября 2015 г. по делу № А33-5001/2015; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 сентября 2015 г. № 09АП-32407/2015-ГК по делу № А40-143163/2014; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 августа 2015 г. № 17АП-9283/2015-ГК по делу № А60-9669/2015; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 ноября 2015 г. № 18АП-12989/2015 по делу № А76-22579/2013. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁵ См., например: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 26 января 2016 г. по делу № А82-6065/2015; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2015 г. по делу № А41-14656/15. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

агентстве недвижимости «Н», и взыскании возмещения нематериального (репутационного) вреда в размере 200 тыс. руб.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично. Суды обязали К. удалить со всех страниц сайта в сети «Интернет» ставшие причиной спора сведения. Также с предпринимателя в пользу общества взыскано 100 тыс. руб. в качестве возмещения нематериального (репутационного) вреда, и 4 тыс. руб. расходов по уплате государственной пошлины. В удовлетворении остальной части исковых требований общества отказано. Судебные акты мотивированы тем, что размещенная на сайте, администратором и владельцем доменного имени которого является К., информация об обществе порочит деловую репутацию последнего и не соответствует действительности.

Суд кассационной инстанции решения судов отменил в части взыскания с К. в пользу ООО «Н» 100 тыс. руб. в качестве возмещения нематериального (репутационного) вреда, в этой части в иске отказал. Целесообразно привести выдержки из подкреплённого обстоятельным обоснованием судебного акта по данному спору.

«...любой суд связан теми способами и формами юрисдикционной защиты нарушенных или оспоренных прав, которые установил законодатель. <...>

В статье 12 ГК РФ и в иных действующих федеральных законах такого способа защиты, как взыскание неимущественного (репутационного) вреда, не предусмотрено. Указанное обстоятельство само по себе исключает возможность применения способа защиты, не предусмотренного федеральным законом. Право устанавливать способы защиты гражданских прав является прерогативой законодателя, а не суда (включая Конституционный Суд РФ).

<...> Федеральным законом № 142-ФЗ статья 152 ГК РФ дополнена пунктом 11, в котором законодатель ясно и недвусмысленно исключил возможность применения такого способа защиты, как компенсация морального вреда к юридическим лицам. В то же время Федеральный закон № 142-ФЗ

вступил в силу с 1 октября 2013 г. <...> Правоотношения предпринимателя и общества по поводу нарушения деловой репутации общества возникли в июле 2014 г., следовательно, их регулирование должно осуществляться с учетом новой редакции статьи 152 ГК РФ.

Под вредом, причиненным деловой репутации, следует понимать всякое ее умаление, которое может носить как имущественный, так и неимущественный характер. Имущественный характер вреда, причиненного деловой репутации обществу, проявляется в наличии у него убытков, обусловленных конкретными действиями, повлекшими, например, снижение стоимости деловой репутации как нематериального актива. Неимущественный характер вреда проявляется в утрате организацией положительного мнения о ее деловых качествах в глазах общественности и делового сообщества. Такая утрата может повлечь за собой потерю клиентов, уменьшение количества заказов, нарушение договорных связей, т.е. в конечном счете вызвать потери имущественного характера»³⁶⁶.

Как видно, при осознании существования нематериального вреда организациям и необходимости его компенсации, будучи способными теоретически их обосновать, судьи оказались ограничены позитивным правом в возможности присудить соответствующую выплату обратившемуся к юрисдикционной форме защиты своих прав истцу.

16 марта 2016 г. Президиумом Верховного Суда РФ был утверждён упоминавшийся обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, в котором определено следующее: «По делам, рассмотренным до 1 октября 2013 г. (даты вступления в силу Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ), требования о компенсации морального вреда заявлялись и юридическими лицами, которым на основании пункта 7 статьи 152 ГК РФ (в ранее действующей редакции) такое право было предоставлено в случае распространения о них сведений, порочащих их деловую репутацию. Ныне действующая статья 152 ГК РФ исключает применение нормы о

---

³⁶⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 августа 2015 г. по делу № А63-11510/2014. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

компенсации морального вреда при распространении сведений, затрагивающих деловую репутацию юридического лица (пункт 11)». Сложилось впечатление, что, предупреждая принятие впредь рознящихся решений, продолжавших возникать и после реформирования ст. 152 ГК РФ, Верховный Суд РФ, формально касаясь лишь компенсации морального вреда организациям и ничего не упоминая о вреде «нематериальном» или «репутационном», дал нижестоящим судебным органам окончательную установку на отказы во взыскании в пользу юридических лиц какой-либо выплаты неимущественного характера. С этого момента суды вполне чётко (вынужденно) проявили позицию отрицания компенсации нематериального вреда организациям: иски в части взыскания таких компенсаций перестали удовлетворяться на том основании, что «соответствующее право юридического лица не предусмотрено ныне действующим законом»³⁶⁷.

Однако в конце осени 2016 года произошло новое событие, имеющее значение для формирования судебной практики по вопросу о защите прав организаций в нематериальной сфере. В одном из своих определений 18 ноября 2016 г. Верховный Суд РФ допустил взыскание компенсации нематериального вреда в пользу юрлиц³⁶⁸. В приводимой Верховным Судом РФ мотивировке содержатся ссылки на хорошо известные документы, служившие базой взыскания указанной компенсации: Определение КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О³⁶⁹ и Постановление Президиума ВАС РФ от 17 июля 2012 г., а также ч. 2 ст. 45 Конституции РФ.

---

³⁶⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 сентября 2016 г. № Ф06-12124/2016 по делу № А57-25723/2015; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 сентября 2016 г. № 09АП-40983/2016-ГК по делу № А40-4436/16; Апелляционное определение Московского городского суда от 28 апреля 2016 г. по делу № 33-10957/2016. См. также: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 апреля 2016 г. № Ф03-1091/2016 по делу № А51-15888/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 апреля 2016 г. № Ф08-264/2016 по делу № А63-5134/2015; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 марта 2016 г. № Ф09-1048/16 по делу № А60-12213/2015 и Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2016 г. № 309-ЭС16-7367 по делу № А60-12213/2015; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2016 г. по делу № А57-25723/2015; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 мая 2016 г. по делу № А67-856/2015; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2016 г. № 13АП-7751/2016 по делу № А42-8359/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 июня 2016 г. № Ф07-3560/2016 по делу № А56-25777/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 по делу № А56-58502/2015. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 3. Полное название: «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Рассматривая исковое заявление Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов к редакции сетевого издания и его учредителю о взыскании 1 млн. рублей в качестве компенсации вреда, причиненного деловой репутации в связи с публикацией не соответствующих действительности сведений на интернет-сайте, суд первой инстанции 11 ноября 2015 г. в удовлетворении заявленного требования отказал, придя к выводу о том, что вред, причиненный юрлицу, носит имущественный характер, а это исключает возможность присуждения ему компенсации неимущественного вреда, в какой бы форме он ни выражался. Суд апелляционной инстанции 1 февраля 2016 г. требование удовлетворил, отметив, что юрлицо вправе претендовать на «возмещение нематериального (репутационного) вреда при доказанности общих условий деликтной ответственности». Решение суда первой инстанции было оставлено в силе постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 апреля 2016 г. с опорой на то, что университет не представил доказательств наступления отрицательных для него последствий опубликования спорной статьи и не привел аргументы в подтверждение наличия причинной связи между ущемлением деловой репутации и оспоренной информацией. Судебная коллегия Верховного Суда РФ оставила без изменения последнее постановление, но признала саму возможность возмещения вреда, причиненного репутации юрлица. Прямо указано на то, что вступление в силу с 1 октября 2013 г. новой редакции ст. 152 ГК РФ, исключившей возможность компенсации морального вреда в случае умаления деловой репутации юрлиц, не препятствует защите нарушенного права посредством заявления юрлицом требования о возмещении вреда, причиненного его репутации.

Таким образом, Верховный Суд РФ подтвердил правомерность взыскания названного вреда и после известных изменений ГК РФ, чем вновь дал организациям шанс на отстаивание своих прав в нематериальной плоскости, а судам – возможность воплощать соответствующую защиту в реальную компенсацию, что можно оценивать только положительно. Есть все основания ожидать новой волны изменений судебных прецедентов по данной категории

споров, возвращения к практике компенсации нематериального вреда юрлицам. Вместе с тем нельзя не отметить несколько важных моментов анализируемого акта, противоречащих выстроенной концепции нематериального вреда организаций и, с точки зрения автора, подлежащих корректировке или замене другими правовыми решениями. *Во-первых*, под вредом, причиненным деловой репутации, Верховным Судом РФ понимается «всякое ее умаление», однако в качестве примеров последнего приводятся либо убытки, представляющие в чистом виде имущественный вред, либо негативные внутриорганизационные явления юрлица (например, невозможность планирования деятельности). При таком видении нематериального вреда юрлицу теряется основной, всегда присутствующий в нём элемент – собственно отрицательные изменения в нематериальном благе организации, сам факт ухудшения состояния деловой репутации, который может и не найти отражения в каких-либо ощутимых для юрлица «неприятностях». Но, как отмечалось, если установлено, что нелестная ложная информация получила распространение, принципиально важна возможность взыскания компенсации за состоявшееся посягательство на нематериальное благо потерпевшего. По этой причине трудно согласиться с закреплённым в комментируемом определении возложением на истца обязанности доказать наступление для него неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений. *Во-вторых*, в соответствии с позицией Верховного Суда РФ истец для получения компенсации нематериального вреда также обязан доказать наличие сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений. Думается, однако, любая деловая репутация (даже не успевшая как следует сформироваться или не являющаяся блестящей) не должна быть оставлена без защиты от диффамации (коль скоро её состояние, каким бы неважным оно ни было, ухудшилось после противоправного распространения сведений). Состояние деловой репутации до нарушения, бесспорно, должно влиять на размер присуждаемой компенсации, но не на решение вопроса о самом присуждении таковой. *К тому же*, исходя из обоснованной в настоящем исследовании целесообразности введения термина

«нематериальный вред юрлицу», представляется нежелательным встречающееся в тексте определения обозначение такого вреда словом «репутационный». В любом случае, наметившее позитивную тенденцию определение Верховного Суда РФ стало первым за последнее время шагом к дальнейшему развитию защиты юрлиц от причинения нематериального вреда.

Итак, предоставленное юрлицам законодательным установлением право на деловую репутацию, бесспорно, должно быть обеспечено надежными инструментами гражданско-правовой защиты для случаев нарушения. Иначе, по справедливому наблюдению Э.А. Цадыковой, «возникает своего рода противоречие: право существует, а возможности защиты этого права не предусмотрены»³⁷⁰. Необходимо комплексное переосмысление в гражданском законодательстве института защиты права на деловую репутацию организаций, подразумевающее, в том числе, закрепление в ГК РФ понятия нематериального вреда юрлицу, неравнозначного моральному вреду гражданину, компенсации такого вреда в качестве самостоятельного способа защиты гражданских прав, а также механизма его реализации. Понятие «компенсация» не синонимично понятию «возмещение» и предполагает лишь частичное восстановление нарушенного права или блага, а не приведение их в первоначальное, существовавшее до нарушения состояние. Отдельно следует подчеркнуть, что возмещение убытков, необходимое и достаточное для устранения материальных последствий нарушения права организации на деловую репутацию, бессильно в борьбе с иными по своей природе последствиями нематериальными, доказать точный размер которых – задача чрезвычайно амбициозная. Возмещение убытков не должно и не может подменять собой компенсацию нематериального вреда. Более того, полноценная защита гражданских прав мыслится возможной только при сочетании двух этих автономных средств правовой защиты.

Обзор выработанных в цивилистике подходов к компенсации вреда, причиняемого деловой репутации юрлиц, не являющегося убытками,

---

³⁷⁰ Цадыкова Э.А. Возмещение нематериального вреда, причинённого юридическому лицу в результате распространения сведений, порочащих его деловую репутацию // Адвокат. 2004. № 9. С. 69.

свидетельствует о неоднозначном решении рассматриваемой проблемы учёными. Исследователи, с одобрением относящиеся ко взысканию подобной компенсации, расходятся во мнениях о её сущности, средствах её реализации и зачастую функциях.

Анализ правовой природы юрлица, принадлежащих ему неимущественных прав и нематериальных благ, прецедентной практики Европейского Суда и учитывающей её политики Конституционного Суда РФ приводит к выводу о том, что *такой вред проявляется 1) в собственно отрицательных изменениях в нематериальном благе организации или в принадлежащем ей неимущественном праве и 2) в способных возникнуть из-за них не поддающихся точному подсчёту негативных внутриорганизационных явлениях неимущественного характера, косвенно или в перспективе опасных для деятельности юрлица в целом, в частности, для сферы его имущественных прав* (неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании и трудовому коллективу, общее ухудшение внутрикорпоративного климата, текучесть кадров, нарушение деловых связей и т.д.). Целесообразным видится установление презумпции причинения юрлицу нематериального вреда любым нарушением его неимущественных прав или посягательством на его нематериальные блага. Первоочередная цель рассматриваемой выплаты организациям – компенсировать нарушение их неимущественных прав (при наличии и карательной, и предупредительно-воспитательной функций).

ГК РФ не апеллирует к понятию «компенсация морального вреда ИП», зато закрепляет институт компенсации морального вреда физическому лицу. Корректно утверждение о том, что ГК РФ предоставляет ИП право требовать такой компенсации, ибо граждане с этим особым статусом охватываются термином «физические лица». Вместе с тем, нематериальный вред ИП может принимать форму как морального вреда гражданину, так и нематериального вреда юрлицу. Поэтому видится правильным предоставить право выбора между двумя соответствующими способами защиты прав самому потерпевшему.

В соответствии с изложенным предлагается внести в нормы ГК РФ следующие изменения.

1. Скорректировать 11-й абзац ст. 12 ГК РФ посредством добавления слова «гражданину» и ввести новый общий способ защиты гражданских прав, добавив за 11-м новый абзац. В этом случае такая защита будет осуществляться путём «компенсации морального вреда *гражданину*»; а также «компенсации нематериального вреда юридическому лицу».

2. Скорректировать название ст. 151 ГК РФ («Компенсация морального вреда *гражданину*») и вести в ГК РФ ст. 151.1 («Компенсация нематериального вреда юридическому лицу») следующего содержания.

«Если юридическому лицу причинён нематериальный вред (отрицательные изменения в принадлежащем организации нематериальном благе или неимущественном праве, а также способные возникать из-за них не поддающиеся точному подсчёту негативные внутриорганизационные явления неимущественного характера, косвенно или в перспективе представляющие опасность для деятельности юридического лица в целом, в частности, для сферы его имущественных прав: неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании и трудовому коллективу, общее ухудшение внутрикорпоративного климата, текучесть кадров, нарушение деловых связей и др.), суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда

При определении размера компенсации суд принимает во внимание факторы, приведённые в пункте 2 статьи 1101.1 настоящего Кодекса».

3. Дополнить п. 9 ст. 152 ГК РФ вторым и третьим абзацами следующего содержания:

«Юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его деловую репутацию, вправе требовать возмещения убытков и компенсации нематериального вреда, причиненных распространением таких сведений.

Индивидуальный предприниматель, в отношении которого распространены сведения, порочащие его деловую репутацию, вправе выбрать между компенсацией морального вреда на условиях, предусмотренных для граждан, и компенсацией нематериального вреда на условиях, предусмотренных для юридических лиц».

4. Озаглавить 4 параграф 59 гл. ГК РФ «Компенсация нематериального вреда».

5. Изложить пп. 1 и 3 ст. 1099 ГК РФ в следующей редакции:

«1. Основания и размер компенсации нематериального вреда (морального вреда гражданину и нематериального вреда юридическому лицу) определяются правилами, предусмотренными настоящей главой, а также статьями 151 и 151.1 настоящего Кодекса.

3. Компенсация нематериального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда».

6. Заменить в названии и первом абзаце ст. 1100 ГК РФ термин «компенсация морального вреда» термином «компенсация нематериального вреда»; добавить после слов «морального вреда» в название и первый абзац ст. 1101 ГК РФ слово «гражданину».

7. Ввести в ГК РФ ст. 1101.1 («Способ и размер компенсации нематериального вреда юридическому лицу») следующего содержания:

«1. Компенсация нематериального вреда юридическому лицу осуществляется в денежной форме.

2. Размер компенсации нематериального вреда юридическому лицу определяется судом в зависимости от объёма нематериального вреда, понесённого потерпевшим в результате правонарушения (степень умаления деловой репутации, степень его негативных последствий нематериального характера); размера понесенных юридическим лицом убытков (при их наличии); содержания распространённых сведений; обстоятельств совершения правонарушения (в частности, широты распространения интересующих истца сведений, неоднократности их распространения, если она имела место);

статуса организации, деловой репутации которой был нанесён вред, а также положения, в котором находилась её деловая репутация до нарушения, действий ответчика по сглаживанию нематериального вреда после совершения правонарушения (публикации опровержения, принесения извинений), а также других имеющих значение для рассмотрения дел данной категории факторов.

При определении размера компенсации нематериального вреда юридическому лицу должны учитываться требования разумности и справедливости».

§ 4.2. Принесение публичных извинений как способ защиты права на деловую репутацию индивидуальных предпринимателей

Несмотря на внушительный набор специальных способов защиты прав на честь, достоинство и деловую репутацию, который предлагает ст. 152 ГК РФ, и возможность прибегнуть к общему инструментарию ст. 12 ГК РФ, при умалении указанных нематериальных благ в судах нередко заявляется требование, не попавшее в эти нормы, – требование о принесении извинений³⁷¹. В чём причина его популярности; каково его соотношение с другими требованиями, которые могут быть заявлены по данной категории споров, и имеется ли правовая почва для обязания ответчиков принести извинения при защите деловой репутации, чести, достоинства и других нематериальных благ? Испытывает ли отечественный правопорядок необходимость в таком способе защиты гражданских прав?

Если рассматривать извинения с позиций *de lege ferenda* как нечто новое для ГК РФ в его нынешней редакции, то стоит признать, что эта новизна на самом деле – хорошо забытое старое.

Принесение извинений относительно часто упоминалось ещё в «Артикуле воинском» Петра I³⁷², датированном 26 апреля 1715 г. Причём сфера применения

---

³⁷¹ См.: Рожкова М.А. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 38.

³⁷² URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 20 марта 2017 г.).

норм о «прошении прощения» была достаточно широкой и не ограничивалась нарушением личных неимущественных прав³⁷³.

В ещё более активное употребление принесение извинений вводилось Екатериной II в её «Манифесте о поединках»³⁷⁴ от 21 апреля 1787 г. Только тяжкие обиды, определявшиеся в названном акте исчерпывающим образом в противовес обидам простым, квалифицировавшимся по остаточному принципу, карались более строго и не предполагали принесения извинений обидчиком, которому надлежало понести уголовное наказание.

Позднее Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (первым уголовным кодексом в отечественной истории) обиженный словесным оскорблением наделялся правом наряду с извинениями (если он ими не удовлетворялся) требовать денежной компенсации в качестве дополнительной меры ответственности³⁷⁵.

Действующие нормы отечественного гражданского законодательства не называют принесение извинений ни в качестве общего, ни в качестве специального способа защиты гражданских прав³⁷⁶. Статья 12 ГК РФ общий перечень способов защиты оставляет открытым с оговоркой: такие способы

---

³⁷³ Так, указанный документ вводил следующие правила. «Никто да не дерзает судей, комиссаров и служителей провиантских, такожде и оных, которые на экзекуции присылаются, бранить и в делах принадлежащих их чину противиться, или какое препятствие чинить, но оным всякое почтение воздавать. Кто погрешит против того, имеет в том прощения просить, или заключением наказан, или по состоянию дела, чести или живота лишен быть» (Артикул 34). «Когда кто пьян напьется, и в пьянстве своем что злаго учинит, тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вяншею жестокостию наказан быть имеет» (Артикул 43). «Кто из воинских людей своего хозяина, или хозяйку, или челядина ударит, или непристойным образом с ним поступит, или вред какой учинит, той не токмо имеет у обиженного публично при воинском суде в том прощения просить, и убыток вдвое заплатить, но еще сверх того, по состоянию дела и по разсуждению судейскому, наказан быть» (Артикул 85). «Ежели учинитца драка при питье в пиру без вызову, хотя никто умерщвлен или поранен не будет, то рядового за то чрез полк гонять шпицрутен. А офицера жестоким караулом профосу отдав наказать, и сверх того имеет виноватый у обиженного просить о прощении пред судом» (Артикул 141). «Ежели кто другого не одумавшись с сердца, или не опаматовась, бранными словами выбранит, оный пред судом у обиженного христианское прощение имеет чинить и просить о прощении. <..> Ежели оный, который имеет просить о прощении, в том поупрямитца, то можно онго чрез потребные способы к тому принудить» (Артикул 152).

³⁷⁴ См.: Законодательство императрицы Екатерины II. 1783-1796 годы (составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов). М.: Зерцало, 2011. – Доступ из СПС «Гарант».

³⁷⁵ URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/87/> (дата обращения: 20 марта 2017 г.).

³⁷⁶ Требования о принесении извинений судами не удовлетворяются. См., например: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 ноября 2012 г. № 15АП-11767/2012 по делу № А53-4030/2012, оставленное без изменения Постановлением ФАС Северо-Кавказского округа от 28 февраля 2013 г. по делу № А53-4030/2012; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 21 апреля 2011 г. № 5811. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обязательно должны быть предусмотрены законом³⁷⁷. В Определении КС РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О обозначено, что при установлении и исследовании фактических обстоятельств дела в рамках соответствующего правоотношения требуется определить допустимость применения и пригодность того или иного конкретного способа защиты, не запрещенного законом, ибо в соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами. На этом основании некоторые авторы усматривают противоречие между ст. 12 ГК РФ и ч. 2 ст. 45 Конституции РФ и предлагают привести первую в соответствие со второй³⁷⁸.

Оправданы ли столь радикальные выводы? Так, А.М. Эрделевским высказано опасение, что использование судом способов защиты, не предусмотренных законом, способно внести хаос в применение гражданского законодательства с трудно прогнозируемыми последствиями. Логичным видится и заключение о том, что в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ речь идёт о допустимых способах самозащиты гражданином своих прав и свобод, следовательно, приведённое правило применимо лишь к случаям их защиты собственными действиями. Однако следует различать понятия «защищать свои права» и «обращаться за защитой своих прав». Обращение гражданина или организации за защитой своих прав к государственному органу, в частности, к суду (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) или в межгосударственные органы (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ) предполагает формализацию и конкретизацию способов, которыми может осуществляться такая защита³⁷⁹. С этим, действительно, трудно не согласиться. Думается, определение в законе способов защиты гражданских прав исчерпывающим образом в значительной степени способствует

---

³⁷⁷ Как уже отмечалось, п. 2 ст. 150 ГК РФ предписывает осуществлять защиту нематериальных благ в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (и здесь в ГК РФ вновь ссылка на ст. 12 ГК РФ, т.е., опять же: использование только тех способов защиты гражданских прав, которые предусмотрены законом) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения.

³⁷⁸ См.: Гаврилов Е.В. Принесение извинения как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2012. № 7. С. 16 – 21.

³⁷⁹ Эрделевский А.М. О новых судебных подходах к защите неимущественных благ // Материал подготовлен для СПС «КонсультантПлюс».

определённости и единообразие правоприменения, выверенности и надёжности в работе механизма защиты прав участников гражданских правоотношений, вносит ясность для самого правоприменителя и всех заинтересованных лиц, а кроме того, страхует от необоснованного расширения дискреционных полномочий государственных и межгосударственных органов, ухода в субъективные представления об уместности и, собственно, правомерности применения тех или иных мер в случае совершения гражданского правонарушения.

Нередко закрепление принесения извинений в качестве способа защиты гражданских прав считают идущим в разрез со ст. 10 Европейской конвенции. Однако, закрепляя право каждого на свободное выражение мнений, указанная статья связывает налагающие обязанности и ответственность свободы, являющиеся элементами этого права, с «определёнными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия³⁸⁰». Учёт этого важного нюанса позволяет сделать вывод о том, что принесение извинений как мера гражданско-правовой ответственности вовсе не вступает в противоречие с Конвенцией, а напротив, гармонично вписывается в её логику.

Следует отметить, что принесение в определённых случаях извинений при очевидности гражданско-правовой природы этой меры ответственности закреплено в актах иной отраслевой принадлежности и успешно практикуется с опорой на них. Так, п. 1 ст. 136 УПК РФ его главы 18 («Реабилитация»), содержит правило, по которому прокурор приносит реабилитированному официальное извинение от имени государства за причиненный ему вред. Глава 21

---

³⁸⁰ Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод. (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2.

Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)³⁸¹, посвящённая освобождению от отбывания наказания, содержит норму (п. 7 ст. 173), в соответствии с которой в документе об освобождении осуждённого от отбывания наказания вследствие отмены приговора в связи с прекращением уголовного дела указанному осужденному приносятся официальные извинения от имени государства. Согласно п. 3 ст. 9 Федерального закона «О полиции»³⁸² (далее – ФЗ «О полиции») в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, полиция приносит извинения гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции, по месту нахождения (жительства), работы или обучения гражданина в соответствии с его пожеланиями. Действует Приказ Министерства внутренних дел России от 15 августа 2012 г. № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции»³⁸³. За нарушение положений Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации, утверждённого Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114³⁸⁴, в силу его пункта 5.1 руководителем органа прокуратуры лично или при необходимости в присутствии трудового коллектива к прокурорскому работнику может быть применена такая мера воздействия, как требование о публичном извинении.

На данный момент принесение извинений практикуется комиссиями по делам несовершеннолетних, общественно-дисциплинарными комиссиями воинских частей, комиссиями по мандатным вопросам депутатской этики, судами чести³⁸⁵.

---

³⁸¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁸² О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁸³ Российская газета. 2012. № 203.

³⁸⁴ Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁵ См.: Малеина М.Н. Возложение обязанности принести извинение как способ защиты неимущественных прав // Законодательство. 2009. № 11. С. 10 – 16.

Принесение извинений известно и ряду иных подзаконных нормативных правовых актов, корпоративных актов органов государственной власти³⁸⁶.

В контексте приведённых примеров отдельными исследователями даётся любопытное толкование ст. 12 ГК РФ³⁸⁷. Поскольку по смыслу статьи способ защиты гражданских прав (а принесение извинений – способ защиты именно гражданских прав, независимо от того, документом какой отраслевой принадлежности он закрепляется) должен быть установлен на уровне закона (к коим относятся УПК РФ, УИК РФ, ФЗ «О полиции») и в ГК РФ отсутствует указание на то, что это должен быть акт исключительно гражданского законодательства, принесение извинений входит в открытый общий перечень ст. 12 ГК РФ. Согласно описанной логике, принесение извинений уже сейчас может полноценно использоваться и в гражданском праве.

Однако эти, несомненно, заслуживающие внимания рассуждения нельзя назвать бесспорными. Во-первых, отраслевой принадлежностью правовых норм обусловлена значительная специфика закреплённых ими способов защиты гражданских прав (случаи и порядок использования, учёт отраслевых принципов правового регулирования общественных отношений и т.д.). Во-вторых, принесение извинений в рассматриваемых актах имеет чётко определённую ограниченную сферу применения и предполагает специальных субъектов в лице как обязанных принести извинения (прокурор, полиция), так и уполномоченных требовать их принесения (реабилитированные, осужденные, освобожденные от

---

³⁸⁶ Так, например, в силу ст. 31 Регламента Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума), утверждённого Постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД, для подготовки к рассмотрению палатой вопросов, связанных с нарушением правил депутатской этики, Государственная Дума на срок полномочий Государственной Думы данного созыва образует Комиссию по вопросам депутатской этики, заседания которой проводятся по мере необходимости. В соответствии с Положением Государственной Думы от 13 января 2012 г. № 14-6 ГД «О Комиссии Государственной Думы по вопросам депутатской этики» по поручению Государственной Думы, её Председателя, председательствующего на заседании Государственной Думы первого заместителя Председателя, а также в связи с обращениями депутатов и жалобами граждан Комиссия рассматривает случаи, когда депутатами были нарушены правила депутатской этики – употреблены грубые, оскорбительные выражения, наносящие ущерб чести и достоинству депутатов и других лиц, допущены необоснованные обвинения в чей-либо адрес, использованы заведомо ложная информация, призыв к незаконным действиям, – и иные случаи нарушения депутатами общепринятых этических норм поведения во взаимоотношениях друг с другом и иными лицами при осуществлении своих полномочий. По результатам рассмотрения случая нарушения правил депутатской этики Комиссия вправе рекомендовать Государственной Думе, прежде всего, предложить депутату-нарушителю принести публичные извинения.

³⁸⁷ См.: Макарова Т.Н. Вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // Комментарий судебной практики. Выпуск 10 / под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юридическая литература, 2004. С. 57 – 71.

отбывания наказания вследствие отмены приговора в связи с прекращением уголовного дела, граждане и организации, права которых были нарушены сотрудником полиции). Всё это вызывает сомнения в верности системного толкования названных норм, при котором общий перечень способов защиты, воспроизведённый в ГК РФ, распространяется за пределы отраслевого закона. Узкая интерпретация ст. 12 ГК РФ в гораздо большей степени соответствует логике общей теории права (хотя и не интересам защищающих свои права лиц: присутствие правил о принесении извинений только в перечисленных публично-правовых нормах нельзя признать достаточным).

Адекватное изложенным доводам разъяснение содержится и в Постановлении ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3, в соответствии с п. 18 которого «извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации статьей 152 ГК РФ и другими нормами законодательства не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчиков по данной категории дел принести истцам извинения в той или иной форме». Впрочем, формально отвергая возможность применения рассматриваемой меры ответственности, Верховный Суд РФ уже в следующем абзаце приведённого постановления ориентирует суды на утверждение мировых соглашений, в соответствии с которыми стороны по обоюдному согласию предусмотрели принесение ответчиком извинений в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении истца, поскольку, как указывается в документе, это не нарушает прав и законных интересов других лиц и не противоречит закону, который не содержит такого запрета. Таким образом, в п. 18 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 принесение извинений получило как бы «полуодобрение» Верховного Суда РФ, признание целесообразности применения его на практике.

Анализируемые заключения акта высшей судебной инстанции предваряются напоминанием: «Согласно части 3 статьи 29 Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них». Напрямую об этом не пишется, однако, учитывая расположение процитированного текста и упоминание обоюдного

согласия сторон на принесение ответчиком извинений в мировом соглашении, нельзя не сделать вывод о том, что Верховный Суд РФ квалифицирует принесение извинений как отказ от своих мнений и убеждений по принуждению. Так ли это на самом деле? Очевидно, установление в законе ответственности за высказывание суждений, выражение мнений как таковое недопустимо. Однако, как гласит золотое юридическое правило, право одного лица (на свободное выражение мнений и убеждений, например) прекращается там, где нарушается право другого (в данном случае того, чьи честь, достоинство или деловая репутация пострадали в результате дезинформации). Принесением извинений должно быть санкционировано не свободное выражение воззрений, а нарушение чужих прав, вполне конкретные действия, например, составляющие диффамацию: распространение недостоверных, порочащих чьи-либо честь, достоинство или деловую репутацию сведений. Это, конечно, ни в коем случае не колеблет конституционных и международно-правовых постулатов о правах и свободах человека и гражданина, в частности, о гарантиях свободы мысли и слова. Каждый вправе придерживаться любой точки зрения, иметь и выражать собственные суждения, но в то же самое время никому не предоставлено право распространять о ком-либо ложные порочащие сведения, наносить этим кому-либо убытки, нарушать чьи-либо личные неимущественные права. С равным успехом можно сравнить чувство неприязни к соседу, не наказуемое с точки зрения права, и поджог его имущества, выраженный в чётко объективированных вопреки противоправных действиях, наносящих ему ущерб, или оскорбление, от которого страдают принадлежащие ему нематериальные блага в виде чести и достоинства личности.

Здесь повторно стоит отметить, что ст. 152 ГК РФ, не делая различия между констатацией факта и выражением персональной точки зрения, говорит о защите от распространения любых сведений, которые, не соответствуя действительности, порочат честь и достоинство гражданина, деловую репутацию гражданина или организации. Можно ли отнести к ним мнения, суждения, личные оценки, субъективные взгляды – вопрос, не нашедший отражения в законодательстве и

неоднозначно решаемый в юридической литературе и судебной практике. Ещё раз обратимся к существующим по данному вопросу подходам. В соответствии с первой (и наиболее широко представленной) из трёх основных выработанных учёными позиций необходимо различать утверждение о факте, которое можно проверить на соответствие действительности и опровергнуть, и выражение мнения, которое не может быть охарактеризовано как ложное или правдивое и, соответственно, составлять диффамацию³⁸⁸. Этот подход воспринят и в п. 9 Постановления ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3. Согласно второй позиции (из которой исходит и автор настоящей работы) все оценочные высказывания можно поделить на имеющие и не имеющие под собой фактологическую базу. Таким образом, первые могут быть опровергнуты и квалифицированы как диффамация, вторые – нет³⁸⁹. Наконец, в интерпретации третьей позиции, любые мнения охватываются статьёй 152 ГК РФ, поскольку могут быть рассмотрены на предмет обоснованности³⁹⁰.

Для принесения извинений характерно, что не должно меняться то мнение, которое в силу своей субъективности согласно первой и второй из приведённых теорий не может быть проверено на соответствие действительности и за которое отсутствует юридическая ответственность, а должно быть выражено отношение к своему поступку-нарушению (допустим, противоправному распространению сведений). При диффамации извинение подразумевает признание своей вины в ней, своей неправоты в предмете (судом установлено, что порочащая истца информация недостоверна) и/или форме (личное мнение выражено образом, дающим основание понимать его как констатацию объективно несуществующих

---

³⁸⁸ Иоффе О.С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 64 – 65; Мишонов А.С. Защита деловой репутации: основные моменты, на которые стоит обратить внимание // Право и экономика. 2008. № 9. С. 13 – 16; Кузнецов Н.М. Содержание отношений по защите чести, достоинства и деловой репутации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18; Седугин П.И. Судебная практика по делам о защите чести и достоинства // Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1964-1965 гг. М.: Юридическая литература, 1966. С. 63.

³⁸⁹ Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Ученые записки ВИЮН. М., 1941. Вып. 6. С. 149; Резник Г. М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ. М.: Статут, 2006. С. 10 – 12; Глисков А.А. Проблемы квалификации клеветы, совершенной путем распространения негативной оценочной характеристики потерпевшего // Адвокат. 2011. № 8. С. 64 – 69.

³⁹⁰ См.: Макарова Т.Н. Там же; Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 47 – 48.

фактов) высказывания. Может ли причинитель вреда, извиняясь, считать, что поступил верно, распространив о ком-либо ложные порочащие сведения? Будет ли в таком случае выполняться функция морального удовлетворения, «успокоения», восстановления задетых чувств лица, чьё право было нарушено, которая является главным атрибутом принесения извинений и в социологии, и в юриспруденции? М.Н. Малеина с извинением связывает понятие раскаяния, причём придаёт последнему принципиальное значение, отмечая, что в его отсутствие извинение со стороны нарушителя может восприниматься потерпевшим как новое пренебрежение правами личности³⁹¹, а английский журналист и писатель Г.К. Честертон надменное извинение называл ещё одним оскорблением³⁹².

В данном вопросе возможны разные рассуждения. Так, нет сомнений в том, что искреннее внутреннее раскаяние в полном смысле этого слова по судебному принуждению невозможно. Исходя из этого, свою логику имеет мысль о том, что извинение подразумевает проявление инициативы со стороны самого извиняющегося и, соответственно, должно осуществляться в добровольном порядке на основе мирового соглашения. Однако ведь в случаях, когда суд обязывает своим решением ответчика опубликовать опровержение распространённой им информации, последний должен совершить названное действие, даже если он убеждён в том, что бездоказательно распространённые им сведения, признанные судом ложными, на самом деле правдивы. Принесение публичных извинений как полноценный способ защиты прав точно так же должно основываться на судебном постановлении, которым порочащей и недостоверной признаётся конкретная обнародованная информация. Важно, что извинение в такой ситуации подразумевает признание вины в чётко обозначенном факте распространения определённой информации, а отнюдь не в том, что лицо имеет то или иное мнение.

---

³⁹¹ См.: Малеина М.Н. Возложение обязанности принести извинение как способ защиты немущественных прав // Законодательство. 2009. № 11. С. 10 – 16.

³⁹² URL: http://persons-aforism.ru/persons/CHESTERTON_Gilbert_Kit (дата обращения: 20 марта 2017 г.).

Возможно, в силу специфики отечественной ментальности принесению извинений истцы в России часто придают принципиальное значение. Нередко даже формально произнесённые слова извинений способны принести гражданину психологическую реабилитацию, порой обладающую явным субъективным приоритетом перед имущественным предоставлением за нарушение прав. При этом с позиций ответчика избрание истцом такого средства защиты, как принесение извинений, может быть более желательно, т.е., выгодно, чем, скажем, такого, как возмещение убытков. Всё это говорит в пользу оправданности рассмотрения публичных извинений как потенциального легального способа защиты гражданских прав.

Что же касается персональных оценок, основанных на соответствующих действительности сведениях, высказанных в корректной форме или не высказанных вовсе, то тут не применима ни гражданско-правовая, ни административная, ни уголовная ответственность; понуждать к отказу от них или к приданию их гласности недопустимо. Ведь извинения приносятся не за свои убеждения субъективного характера, а за вполне конкретные действия, формирующие состав гражданского правонарушения, если речь о диффамации, следуя формулировкам ст. 152 ГК РФ, – за распространение порочащих честь, достоинство и деловую репутацию субъектов гражданских правоотношений и всегда обязательно не соответствующих действительности сведений.

Рассмотрим соотношение принесения публичных извинений с иными способами защиты гражданских прав, закреплёнными в ГК РФ. В юридической литературе существует взгляд на извинения как на вид опровержения³⁹³. Думается, если речь идёт о диффамации в общественном месте и нарушитель, извиняясь, естественным образом подразумевает и несоответствие действительности распространённых им порочащих сведений, имеет место всё же

---

³⁹³ Так, М.Н. Малеиной высказано следующее мнение: «Извинение может рассматриваться как опровержение, если распространение порочащих не соответствующих действительности сведений произошло на собрании, в общественном месте и т.п., но не в средстве массовой информации, рекламе, документе, исходящем от организации. Извинение может выступать как самостоятельный способ защиты права, если извинение упоминается в решении суда вместе с другим способом защиты или автономно». (Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 149).

сочетание опровержения и извинений, использование двух способов защиты гражданских прав одновременно. Одно не должно поглощать другое, ибо опровержение и извинения имеют несколько принципиальных отличий.

Если опровержение – это констатация нарушителем факта распространения им не соответствующих действительности порочащих сведений, направленная на информирование лиц, среди которых она была распространена, и на изменение посредством этого общественного мнения, то ***принесение публичных извинений как способ защиты гражданских прав*** – это признание нарушителем своей неправоты в совершении противоправного деяния и его обращение к потерпевшему с просьбой о прощении. Извинение, таким образом, предполагает и некий этический элемент, морально-нравственную оценку своих действий и, в отличие от опровержения, обращено исключительно к тому, кто «понёс обиду», хотя функция восстановления общественного мнения о последнем в какой-то степени присутствует и тут, но не является самоцелью применения способа защиты, а лишь сопутствует непосредственному его предназначению.

Иногда при диффамации в суды заявляются требования об опубликовании опровержения, текст которого будет включать в себя извинение³⁹⁴. В СМИ в употребление даже начал входить новый полуиностранный термин – «извинение-дисклеймер», в буквальном переводе с английского «извинение-опровержение» (последнее от англ. «disclaim» – «отрицать, опровергать»). Представляется, что противоречия закону здесь нет (при закреплении возможности принесения извинений в нормах материального права суд смог бы обязывать к этому и в отсутствие достижения соответствующего мирового соглашения между сторонами), однако нарушенное право в данном случае также будет защищаться двумя самостоятельными способами, которые могут быть применены как по отдельности, так и вместе.

---

³⁹⁴ См., например: Определение Свердловского областного суда от 14 апреля 2005 г. по делу № 33-1897/2005; Постановление ФАС Московского округа от 27 февраля 2012 г. по делу № А41-14502/11; Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 мая 2012 г. № ВАС-6156/12 по делу № А41-14502/11. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Возникает и вопрос о соотношении извинений с компенсацией морального вреда. Имеется мнение о том, что извинение является формой последней³⁹⁵. Однако, как следует из статьи 151 ГК РФ и пункта 1 ст. 1101 ГК РФ, компенсация морального вреда (физических и нравственных страданий) осуществляется в денежной форме. Принесение же извинений, также имеющее целью сглаживание нравственных страданий, имеет нематериальное воплощение, представляя собой не выплату денежной компенсации в счёт понесённых потерпевшим страданий, а направленное на их смягчение признание своей неправоты в правонарушении, выражение сожалений по этому поводу.

В комбинациях выделяемых учёными функций компенсации морального вреда есть вариации: одни исследователи выявляют функцию «предупреждения (превенции) совершения нарушителем новых аналогичных посягательств на неимущественные права и нематериальные блага другого лица», умалчивая о карательной³⁹⁶; другие, напротив, среди функций такой компенсации упоминают карательную, не называя превентивную³⁹⁷. Справедливо признать за компенсацией морального вреда обе обозначенные функции: и карательную (штрафную), и превентивную, суть которой наиболее полно отражается, если именовать её предупредительно-воспитательной. Но те же авторы солидарны, отмечая в качестве функций возмещения морального вреда компенсационную и функцию морального или личного удовлетворения («сатисфакция за нарушенное правовое чувство потерпевшего»³⁹⁸). Здесь, однако, возникает опасность повториться. Компенсационная функция взыскания денежной суммы в счёт морального вреда не может предполагать восстановления нарушенных имущественных прав; если действия нарушителя имеют результатом негативные последствия в имущественной сфере потерпевшего, их устранение логично в рамках возмещения убытков, которое производится независимо от собственно

---

³⁹⁵ См.: Будякова Т.П. Извинение как форма компенсации морального вреда в истории российского государства и права // Государство и право. 2004. № 1. С. 103 – 105.

³⁹⁶ См.: Арсланов К.М. Функции правового института возмещения морального вреда при посягательстве на честь, достоинство, деловую репутацию и сферу частной жизни гражданина по законодательству России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. С. 11.

³⁹⁷ См.: Макарова Т.Н. Там же.

³⁹⁸ Арсланов К.М. Там же.

компенсации вреда морального. Поэтому всё, что компенсирует денежная сумма, взыскиваемая за причинение морального вреда, – это психологические неудобства, отрицательные переживания, к которым, в конечном счёте, сводятся и физические страдания³⁹⁹. А в этом смысле компенсационная функция дублирует функцию морального удовлетворения пострадавшего от нарушения лица, в которой и выражается субстанциальная характеристика компенсации морального вреда как способа защиты гражданских прав. Таким образом, следует признать, что компенсации морального вреда присущи функция морального удовлетворения, карательная и предупредительно-воспитательная функции.

Представляется, что в сравнении с рассмотренной компенсацией принесение извинений как таковое не включает в себе карательную функцию, если интерпретировать её проявление узко, как возложение на правонарушителя обязанности понести лишения имущественного характера. С необходимостью уплаты штрафа нарушитель столкнётся лишь в случае уклонения или прямого отказа от принесения извинений в качестве меры ответственности за неисполнение судебного решения. Не стоит опровергать и постулат о том, что лишения личного характера в гражданском праве не применяются. Попытки отнести принесение извинений к лишениям, связанным с личностью нарушителя, напрасны: признание своей вины в поправии чужих прав и испрашивание прощения у потерпевшего корректнее расценить скорее как элемент личностного роста и позитивную динамику в общей характеристике персоны причинителя вреда. Можно избрать и широкий подход при толковании понятия карательной функции, связывая с ней свойственную любой мере гражданско-правовой ответственности негативную оценку действий нарушителя со стороны государства в лице суда, всегда сопровождаемую элементом принуждения, – в этом случае карательная функция будет сопутствовать и принесению извинений как способу защиты гражданских прав. В настоящем исследовании, однако, за основу принимается первый менее абстрактный подход. Функция морального удовлетворения, главенствующая и при компенсации морального вреда, при

---

³⁹⁹ См.: Хавжокова З.Б. Указ. соч. С. 178.

принесении извинений с очевидностью также выступает стержневой. Вести речь о компенсационной функции извинений можно лишь условно, – постольку, поскольку действия нарушителя неимущественного характера реанимируют душевное равновесие, эмоциональное благополучие потерпевшего. Правда, в случае такого условного рассмотрения компенсационной функции в контексте принесения извинений она вновь становится синонимичной функции морального удовлетворения. Предупредительно-воспитательная функция принесения извинений особенно выразительна, имея в виду заложенную в этом способе защиты гражданских прав идею переосмысления нарушителем отношения к своему получившему оценку судом поступку.

Как видно, между указанными мерами гражданско-правовой ответственности прослеживается весьма заметная связь, вместе с тем, их отождествление невозможно. Анализ формы и содержания компенсации морального вреда и принесения извинений неизбежно приводит к выводу о их неравнозначности. С учётом изложенного, единственно верной предстаёт квалификация приведённых явлений в качестве самостоятельных способов защиты гражданских прав.

Принесение извинений, точно так же, как и компенсация морального вреда (п. 3 ст. 1099 ГК РФ), должно осуществляться независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. При этом если нарушителем были принесены извинения, видится допустимым расценивать это как основание для снижения размера компенсации морального вреда, поскольку оба названных способа защиты гражданских прав, как отмечалось, разными методами служат, прежде всего, задаче морального удовлетворения, затем – превенции и воспитания нарушителя, а значит, после надлежащего исполнения решения суда о принесении извинений указанные задачи, по крайней мере в определённой степени, уже исполнены. Остаётся лишь штрафная функция компенсации морального вреда. Поэтому, присуждая соответствующую денежную компенсацию в пользу истца в таких случаях, не следует упускать из вида факт

обязания ответчика принести извинения и факт их принесения (если оно состоялось).

В юридической литературе отмечается, что к гражданско-правовой ответственности могут быть отнесены только такие принятые к правонарушителю меры, в результате которых он понёс имущественные лишения⁴⁰⁰. Соглашаясь с авторами приведённого подхода в том, что гражданское право имеет дело, в первую очередь, с имущественными отношениями, справедливо признать, что и гражданско-правовая ответственность лишь прежде всего носит имущественный характер. Однако полностью исключать возможность применения мер иного существа представляется не вполне оправданным. Конкретное закреплённое в законодательстве правило или отраслевой принцип, которые бы ограничивали подобным образом гражданско-правовую ответственность, отсутствуют, между тем, целесообразность применения такой меры, как принесение извинений, не оставляет сомнений. Не стоит забывать к тому же, что в предмет регулирования гражданского права входят и личные неимущественные отношения, как связанные, так и не связанные с имущественными.

Исторически принесение извинений осуществлялось в различных формах. Учёными по этому критерию выделяются следующие виды извинений: 1) в частном порядке (наедине); 2) в частном порядке (при свидетелях); 3) в присутствии суда; 4) в частном письме; 5) через газету; 6) в тексте мирового соглашения; 7) с использованием современных технических средств⁴⁰¹.

По мнению диссертанта, методологически корректно выделение двух форм извинений: публичной и непубличной (в зависимости от того, имеет ли возможность кто-либо помимо потерпевшего непосредственно зафиксировать принесение извинений). В рамках двух обозначенных форм извинений по различным критериям можно выделять их виды, проводя более частные классификации.

---

⁴⁰⁰ Гражданское право. Том 2. Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2011. С. 645.

⁴⁰¹ Будякова Т.П. Там же.

Осуществить контроль за принесением извинений наедине или в частном письме и адекватно отреагировать на неисполнение ответчиком решения суда по меньшей мере крайне затруднительно. Возможно, конечно, представить, например, расписку истца в отсутствии у него претензий к извинившемуся ответчику, однако многочисленные потенциальные проблемы (необходимость долгосрочного хранения расписки, незастрахованность от злоупотреблений истца при её утере ответчиком, излишняя формализованность довольно щепетильной сферы двусторонних отношений и т.д.) могут придать доказыванию надлежащего извинения оттенок абсурдности. Принесение извинений в присутствии суда также таит в себе определённые сложности и неясности. Делать это в судебном заседании при вынесении решения, которое к этому моменту ещё не вступило в законную силу, поспешно, да и с неюридической точки зрения не совсем правильно: подобная процедура, безусловно, предполагает моральную готовность истца к принятию извинений, но главным образом – ответчика к их принесению, а также зачастую непосредственную подготовку их текста. Назначение же отдельной встречи сторон спора с судом для приведения решения в исполнение предсказуемо загромоздит работу судей и судебного аппарата. Извинения при свидетелях представляются куда более уместными с той оговоркой, что необходима проработка механизма, с помощью которого можно будет проследить за исполнением ответчиком возложенной на него судом обязанности. Возможно, для этой цели будут пригодными выдача исполнительных листов и сопровождение судебными приставами стадии принудительного исполнения решения суда (при принесении извинений целесообразно их присутствие, а также составление ими акта о принесении извинений с подписями истца и свидетелей в целях ведения учёта исполнения решений). Впрочем, самым логичным и естественным видится принесение извинений тем же способом, которым в отношении истца была распространена искомая информация (публикация извинений в газете, на интернет-сайте, озвучивание в эфире радио- или телепередачи, отображение посредством титров в определённое эфирное время и т.д.). Что же касается утверждения судом мирового соглашения,

предусматривающего принесение ответчиком извинений (и реализуемого сегодня на практике с одобрения Верховного Суда РФ, выраженного в Постановлении ВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3), то, думается, и для этой формы реализации предлагаемого способа защиты гражданских прав нет никаких препятствий. Однако сторонами должна быть достигнута договорённость на предмет принесения именно публичных извинений; извинения во всевозможных непубличных формах (тет-а-тет, в частном письме и т.д.) по изложенным причинам стоит всё же оставить в сфере личных отношений спорщиков, вопросом совести нарушителя и усмотрения потерпевшего.

Поскольку принесение извинений в качестве юрисдикционного инструмента защиты гражданских прав обретает смысл лишь в своём «публичном» воплощении, и за самим способом защиты прав разумно было бы закрепить название «принесение публичных извинений». Представляется, что извинения по судебному принуждению должны обладать свойством публичности, в противном случае эффективность меры будет значительно снижена в силу сложности контроля за её исполнением. Уточнение возможных форм публичных извинений могло бы найти органичное место в разъяснении высшей судебной инстанции.

На неисполнение решения суда об обязанности ответчика принести извинения разумно распространить общее правило о взыскании штрафа, действующее и при неисполнении любого иного судебного решения.

Обратимся к вопросу о субъектном составе отношений, которые могли бы регулироваться гражданско-правовыми нормами о принесении извинений.

Учитывая отмечавшуюся цель последних («утешение» жертвы правонарушения, её моральное удовлетворение, восстановление её душевной гармонии), не остаётся сомнений в том, что требовать принесения извинений может исключительно физическое лицо в силу того, что только такой участник гражданских правоотношений обладает психикой, сознанием, способен проявлять эмоции. Причём вопрос о пригодности принесения извинений в качестве способа защиты гражданских прав зависит от особенностей личности потерпевшего и

требует в каждом конкретном случае отдельного внимания. Думается, указанное требование может быть заявлено в том числе и ИП, поскольку обладая этим специальным статусом, он не перестаёт быть гражданином и обладать названными выше характеристиками, а значит, и в отношении ИП обозначенная функция извинений будет выполняться.

Не скажешь того же о юрилицах, в силу своей природы избавленных от потенциального психологического дискомфорта даже в случае нарушения их прав. Несмотря на то, что та же диффамация действительно может причинить деловой репутации организации существенный вред (в том числе нематериальный, не поддающийся точному измерению), моральное удовлетворение юридическому лицу в любом случае не потребуется.

Менее очевиден вопрос о защите с помощью извинений прав общности людей, объединённых одинаковыми интересами или характеристиками, но не представляющих собой организацию в смысле ст. 48 ГК РФ. Как, например, быть в случае, когда распространением ложных сведений задеваются честь и достоинство неопределённого или даже определённого круга лиц: коллектива работников предприятия, покупателей определённого магазина, таксистов города Москвы, сибирских предпринимателей, блондинок или граждан с веснушками, людей той или иной национальности или конфессии? Можно ли обязать правонарушителя принести извинения такого рода общностям? Дело в том, что честь и достоинство могут принадлежать и таким, не кристаллизовавшимся в единого участника гражданских правоотношений социальным группам. В юридической литературе уверенно и, представляется, совершенно обоснованно за подобными неорганизованными группами лиц признаются групповые интересы, направленные на «формирование и поддержание положительной общественной оценки социальных и духовных качеств соответствующей группы»⁴⁰². Деловой репутацией, однако, такие субъекты обладать не могут, так как последняя подразумевает сложившееся в обществе мнение о

---

⁴⁰² Малеина М.Н. Защита чести и деловой репутации неопределённого круга лиц // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 173 – 180.

профессиональных качествах своего носителя, а социальные группы, не являющиеся юрлицами, нельзя полагать единым субъектом-профессионалом в какой-либо сфере деятельности. Это не говоря о том, что статус субъектов гражданских правоотношений закон в принципе признаёт лишь за гражданами, организациями, обладающими правами юридического лица, и публично-правовыми образованиями (Российской Федерацией, её субъектами и муниципальными образованиями), следовательно, у круга лиц, лишённого организационного единства, отсутствует возможность прибегать к юрисдикционной защите своих прав. В свете рассмотренного нельзя согласиться с мнением о возможности защиты права на деловую репутацию круга лиц и о применимости для защиты права на деловую репутацию определённой общности граждан или организаций в силу их специфики опровержения, ответа и прочих способов защиты гражданских прав, за исключением взыскания убытков и компенсации морального вреда⁴⁰³.

Ещё одно замечание для окончательной справедливости: уполномоченные государственные органы могут принимать извинения, приносимые народу страны (выступая его официальными представителями) или его отдельным общностям при оскорблении чувств последних, нарушении прав на честь и достоинство неопределённого или определённого, но не сформированного в организацию круга лиц. Известно, что такая практика достаточно широко распространена в дипломатических отношениях⁴⁰⁴.

---

⁴⁰³ Кулиуш О.А. Защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 58 – 60.

⁴⁰⁴ Так, например, в конце января 2014 г. телеканал CNN опубликовал скандальный рейтинг «самых уродливых памятников в мире». Помимо памятника Мартину Лютеру Кингу в Толедо и Иоанну Павлу II в Риме, в список попал монумент «Мужество» мемориального комплекса «Брестская крепость — герой». Российские политики и дипломаты обратили внимание на материал канала в начале февраля, потребовав извинений. После критики канал сперва исключил монумент «Мужество» из рейтинга, а вечером 13 февраля на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации появилось сообщение о встрече руководства CNN с российским послом в США, во время которой представители канала принесли извинения, «выразив искренние сожаления» по поводу включения монумента в рейтинг и отметили, что начали внутреннее расследование из-за публикации материала. При этом в сообщении отмечалось, что в Министерстве иностранных дел Российской Федерации «приняли к сведению официальные извинения». (Новикова А. Российский МИД не принял извинений телеканала CNN // Комсомольская правда: сетевое издание. 2014. URL: <http://www.kp.ru/online/news/1659306/> (дата обращения: 20 марта 2017 г.). Карпова А. Российский МИД принял извинения телеканала CNN // Сноб: сетевой журн. 2014. URL: <http://snob.ru/selected/entry/71907> (дата обращения: 20 марта 2017 г.).

Нарушителями чужих прав на честь, достоинство и деловую репутацию, распространив ложные порочащие сведения, могут стать как гражданин, так и юридическое лицо (скажем, редакция газеты), поэтому принесение извинений возможно и уполномоченным органом (должностным лицом) от имени организации-причинителя вреда.

На вопрос о том, при любой ли диффамации принесение извинений будет приемлемо, следует ответить положительно. В истории права, общественных нормах и морально-этических представлениях людей подходы к этой проблеме разнятся. Так, в литературе отмечается уместность извинений при неосторожных действиях обидчика (в этом смысле умышленная диффамация исключает применение данной меры ответственности) или недопустимость извинений, например, при неоднократности нарушений⁴⁰⁵. Однако, думается, что наличие субъективно смягчающих или отягчающих обстоятельств совершения диффамации (объективные установления закона на этот счёт отсутствуют) не должно влиять на определение возможности использования извинений. Ещё раз подчеркнём: извинения должны приноситься за конкретные действия, составляющие гражданское правонарушение и, если таковые судом установлены, а потерпевший избрал соответствующий способ защиты своего права, нарушенное право должно получить защиту избранным способом.

По верному замечанию М.Н. Малеиной, для применения принесения извинений как самостоятельного способа защиты гражданских прав «достаточно, чтобы суд по обстоятельствам конкретного дела сделал вывод, что извинение нарушителя отвечает интересам потерпевшего и является дополнительным воздействием на нарушителя»⁴⁰⁶.

Ценность принесения извинений как способа защиты гражданских прав заключается в уникальном сочетании морального удовлетворения потерпевшего и воспитательного воздействия на нарушителя. А ведь зачастую восстановление справедливости и своего душевного спокойствия для истца куда важнее, чем

---

⁴⁰⁵ Будякова Т.П. Там же.

⁴⁰⁶ Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 149.

имущественная компенсация, особенно в случаях, когда страдают принадлежащие ему нематериальные блага и личные неимущественные права.

Целесообразность принесения извинений косвенно признал и Верховный Суд РФ, ориентируя суды в своём постановлении на утверждение мировых соглашений, содержащих тексты извинений, что успешно и реализуется на практике⁴⁰⁷ и ещё раз убедительно говорит о востребованности рассмотренной меры в обществе, её одобрении участниками гражданских правоотношений, заявляющими соответствующие требования в суде. Учёными в этой связи отмечается полезность процедуры медиации, которая получает развитие в России (опытным медиаторам под силу задача подобрать текст извинений, удовлетворяющий обе стороны)⁴⁰⁸.

Значение извинений как средства восстановления у потерпевшего психического равновесия в последнее время всё активнее обосновывается и учёными⁴⁰⁹.

Итак, по итогам настоящего параграфа сделаны следующие заключения. *Принесение публичных извинений как способ защиты гражданских прав – это признание нарушителем своей неправоты в совершении противоправного деяния и его обращение к потерпевшему с просьбой о прощении.* Анализ таких тесно связанных с принесением извинений способов защиты гражданских прав, как опровержение и компенсация морального вреда, позволяет обосновать вывод о том, что ни к одному из них рассмотренный перспективный способ защиты не сводим и, являясь абсолютно независимым, несёт в себе самобытный смысл.

---

⁴⁰⁷ См., например: Апелляционное определение Псковского областного суда от 23 декабря 2014 г. по делу № 33-1961; Апелляционное определение Московского городского суда от 28 апреля 2014 г. по делу № 33-8944; Определение ФАС Уральского округа от 4 сентября 2013 г. № Ф09-5644/13 по делу № А60-52109/2012; Кассационное определение Верховного суда Республики Бурятия от 28 ноября 2011 г. по делу № 33-3583; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 9 ноября 2011 г. по делу № А31-3523/2011; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 марта 2011 г. № 09АП-2254/2011-ГК по делу № А40-94730/10-27-826; Определение Московского городского суда от 30 сентября 2010 г. по делу № 33-23858. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰⁸ См.: Мананников О.В. Пределы свободы печати: правовые аспекты // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 86 – 97.

⁴⁰⁹ См.: Гусалова А.Р. Гражданско-правовая защита деловой репутации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012. С. 6; Мананников О.В. Указ. соч. С. 86 – 97.

Таким образом, весьма желательно введение в гражданское законодательство принесения публичных извинений в качестве самостоятельного способа защиты гражданских прав. Рациональным было бы его закрепление в ст. 12 ГК РФ в виде общего (по причине пригодности для защиты права на любое нематериальное благо), а также в ст. 152 ГК РФ в качестве специального для целей применения при защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию субъектов гражданских правоотношений – в том числе ИП. В перечне специальных способов защиты ст. 152 ГК РФ принесение публичных извинений будет смотреться особенно уместно. Удобство его использования по делам соответствующей категории подкреплено сформировавшейся практикой утверждаемых мировых соглашений.

«Принесение публичных извинений» видится наиболее подходящим названием для нового способа защиты гражданских прав. Извинения, к которым мог бы обязывать суд, должны быть публичными, – в противном случае не избежать проблем в области контроля за исполнением судебных решений. Наиболее предпочтительными из всех возможных разновидностей принесения публичных извинений представляются принесение таковых при свидетелях с привлечением судебных приставов к контролю за исполнением судебных решений, а также публикация извинений тем же способом, которым в отношении истца была распространена не соответствующая действительности порочащая информация. Утверждение судом мирового соглашения, предусматривающего принесение извинений ответчиком по обоюдному согласию сторон, практикуемое в настоящее время, также предстаёт правомерным и оправданным, причём и в этом случае принесение извинений должно облекаться в публичную форму.

Субъектом, имеющим право требовать принесения извинений, может выступать гражданин (в том числе зарегистрированный в качестве ИП), но не юрлицо, которое, не являясь психофизическим существом, не нуждается в так называемом моральном удовлетворении. Принимать извинения от имени той или иной общности людей и в целом народа страны может быть доверено

уполномоченному государством представителю таковых. Субъект обязанности принести извинения может быть представлен как гражданином, так и юристом.

Вопрос о пригодности принесения извинений в качестве способа защиты гражданских прав зависит от индивидуальных особенностей личности истца, но не от вида или обстоятельств совершения диффамации: думается, что в случае выражения потерпевшим желания использовать именно это правовое средство, препятствий к его применению, относящихся к характеристике правонарушения, быть не может.

В свете изложенного представляется полезным расширить арсенал общих способов защиты гражданских прав, перечисленных в ст. 12 ГК РФ, дополнив её 12-м абзацем, состоящим из слов: *«принесения публичных извинений»*, а также изложить абз. 1 п. 9 ст. 152 ГК РФ в следующей редакции. «Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе требовать возмещения убытков, компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений, *а также принесения публичных извинений*».

Заключение

Итоги исследования. Деловая репутация юрлиц и ИП – нематериальное благо особого свойства и особой значимости для своих обладателей. Это должно предопределять её особое положение в цивилистической науке и гражданском законодательстве. Однако количество проблем, спорных, малоисследованных и неисследованных вопросов, связанных с защитой права на деловую репутацию (преимущественно указанных лиц), на сегодняшний день критически велико.

Крайне желательно изучение в юридических исследованиях рассматриваемой пока почти исключительно экономистами и бухгалтерами, подробно разработанной в англо-саксонском праве категории «гудвилл», нетождественной категории «деловая репутация», но часто ошибочно с ней отождествляемой.

Несмотря на неимущественную природу, деловая репутация организаций и граждан-предпринимателей тесно связана с имущественными интересами последних. От умаления нематериальной ценности страдает материальная сфера указанных субъектов гражданского права. При этом определять оценку деловой репутации в денежном выражении можно лишь условно, и то не без существенных трудностей. В подобных обстоятельствах задача юридической науки состоит в том, чтобы выработать оптимальный и, если не на сто процентов выверенный (ввиду объективной невозможности), то максимально продуманный подход к защите права на деловую репутацию юрлиц и ИП. Между тем внимание законодателя к рассматриваемой проблематике, а также степень доктринальной разработанности вовлечённых в её орбиту понятий нельзя признать достаточными.

Одно из таких понятий – «*диффамация*». Это слово используется для обозначения наиболее распространённого и выразительного варианта умаления деловой репутации. Необходимо дифференцировать его применительно к различным отраслям права, а также отделять от сходных, чётко не разграниченных действующим законодательством явлений. По сути, российское гражданское право нуждается в единообразном понимании и

грамотно сформулированном определении гражданско-правовой диффамации, которое могло бы выглядеть следующим образом: нарушение норм гражданского права, состоящее в распространении не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юрлица. Важна также регламентация отношений, связанных с *дезинформацией* (распространением любых не носящих порочащего характера, но не соответствующих действительности сведений о гражданине или юрлице) и *дискредитацией* (умышленным распространением соответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведений, которое при отсутствии в том общественного интереса должно быть запрещено). Обозначенные составы правонарушений должны быть снабжены санкциями, аналогичными тем, что установлены ГК РФ за диффамацию (с учётом отдельных исключений). Если явление дезинформации (без указания самого этого термина) сегодня фактически известно ГК РФ, то правовой реакции на такое деяние, как дискредитация, для полноты положений основного источника гражданско-правовых норм о защите права на деловую репутацию на данный момент недостаточно. Законодательное закрепление соответствующих дефиниций предотвратит смешение рассмотренных деяний с диффамацией.

Совершенствование механизма гражданско-правовой защиты права на деловую репутацию юрлиц и ИП предполагает как работу над соответствующими общими вопросами (правопреемство в отношении деловой репутации обозначенных субъектов, сроки исковой давности по требованиям о защите их права на деловую репутацию, разграничение утверждений о фактах и оценочных мнений, закрепление понятия защиты положительного и (или) правдивого образа лица вместо понятия защиты заинтересованными субъектами деловой репутации гражданина (в том числе ИП) после его смерти и деловой репутации юрлица после его реорганизации или ликвидации), так и гармонизацию и принципиальное реформирование существующих законодательных положений и научных представлений о способах правовой защиты от возникающих в данной сфере нарушений (следует, например, чётко выделить возможные формы опровержения

во избежание уравнивания последнего с иными самостоятельными способами защиты, принимаемыми за его разновидности).

Нельзя не отметить более неустойчивое, чем у гражданина, положение отстаивающей свою деловую репутацию организации, что проявляется, например, в ограниченных по сравнению с физическими лицами возможностях использования ответа⁴¹⁰ или в полном игнорировании законом нематериальных последствий умаления деловой репутации юрлиц.

Защита права на деловую репутацию граждан-предпринимателей и организаций могла бы быть много более полной и всесторонней при добавлении к известным законодательству правовым средствам новых – столь необходимой для правоприменительной практики компенсации нематериального вреда юрлицу и принесения публичных извинений.

Нематериальный вред юрлиц представляет собой реально существующий, но не нашедший отражения в российском законодательстве правовой феномен. Несомненна необходимость исследования его содержания и правовой природы, равно как и необходимость легального закрепления возможности его денежной компенсации посредством специально предназначенной для этой цели выплаты. Принимая во внимание издавна имевшую место в отечественном правопорядке неопределённость по этому вопросу, а также заметные турбулентности судебной практики последнего времени, вызванные неоднозначными изменениями законодательства, проблема компенсации нематериального вреда юрлиц становится особенно злободневной. Следует выделить следующие проявления нематериального вреда юрлицу: 1) собственно отрицательные изменения в нематериальном благе организации или в принадлежащем ей неимущественном праве, а также 2) способные возникать из-за них не поддающиеся точному подсчёту негативные внутриорганизационные явления неимущественного характера, косвенно или в перспективе опасные для деятельности юрлица в целом, в частности, для сферы его имущественных прав (неопределённость в

---

⁴¹⁰ Последний необходимо отличать от реплики и комментария, определения которых (их формулировки предложены в работе) разумно закрепить на законодательном уровне; кроме того, защиту с помощью ответа стоит расширить за рамки деятельности СМИ.

планировании решений, препятствия в управлении компанией, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании и трудовому коллективу, общее ухудшение внутрикорпоративного климата, текучесть кадров, нарушение деловых связей и т.д.). Первое проявление – обязательное, второе – возможное. При этом возмещение убытков, необходимое и достаточное для устранения материальных последствий нарушения права организации на деловую репутацию, не должно и не может подменять собой компенсацию нематериального вреда. На текущий момент сложилась аномальная парадоксальная ситуация, в которой суды, признавая фактическое существование нематериального вреда юрлицу, лишены возможности помочь пострадавшей организации при его причинении. Можно уверенно констатировать необходимость безотлагательной комплексной модернизации ряда норм ГК РФ с целью выхода из образовавшегося правового тупика. Предложения по изменению действующего законодательства, содержащиеся в диссертации, призваны способствовать созданию симметричного современным условиям гражданско-правового регулирования соответствующих отношений.

Принесение публичных извинений в качестве способа защиты гражданских прав представляет собой признание нарушителем своей неправоты в совершении противоправного деяния и его обращение к потерпевшему с просьбой о прощении. Ни опровержение, ни компенсация морального вреда не могут заменить собой принесение извинений как перспективное средство правовой защиты деловой репутации граждан (в том числе ИП), особая ценность которого заключается в уникальном сочетании морального удовлетворения потерпевшего и воспитательного воздействия на нарушителя.

Рекомендации, перспективы дальнейшей разработки темы. В силу специфики воздействия умаления деловой репутации юрлиц и ИП на существование субъектов – его носителей необходимо внимание законодателя и учёных к особенностям механизма правовой защиты указанного нематериального блага во избежание обстоятельств, при которых ИП, а в ещё большей степени – юрлица окажутся необоснованно обделёнными в средствах отстаивания своих

законных интересов и, как ни парадоксально, защищёнными более слабо, чем граждане, не обладающие статусом предпринимателя, что способно поколебать принцип равенства правового режима для всех субъектов гражданского права.

Некоторые принятые в последнее время поправки соответствующих норм ГК РФ не устраняют все назревшие и давно требующие разрешения вопросы, а в случае с компенсацией нематериального вреда юрлицам – напротив, даже усугубляют их остроту.

Развитие научно-технического прогресса в мире и предпринимательских отношений в России требует адекватного новым реалиям законодательства, а также более глубокой доктринальной разработки многих проблем. Деловая репутация – пожалуй, главное нематериальное благо юрлиц и граждан-профессионалов (в частности, ИП), нуждающееся в дальнейшем изучении и усилении правовой защиты от многократно возросших угроз.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Всеобщая декларация прав человека. (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. № 67.
2. Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод. (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2.
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445; 2009. № 1. Ст. 1; 2009. № 1. Ст. 2.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. Верховным Советом СССР 31 мая 1991 № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 26 июня 1991 г. № 26. Ст. 733; Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3302; 1996. № 5. Ст. 411; Российская газета. 1993. № 57 (утратили силу).
17. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
18. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.
19. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 202; Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
20. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Российская газета. 2004. № 166; Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283.
21. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета. 2006. № 51; Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.
22. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. № 162; Собрание законодательства

Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434; Парламентская газета. 2006. № 126 – 127.

23. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165; Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

24. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

25. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 145.

26. Федеральный Закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Российская газета. 2014. № 101.

27. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 27; Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 548.

28. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 144.

29. Федеральный закон от 5 октября 2015 г. № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 225; Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 41 (ч. 1). Ст. 5629.

30. Закон Российской Федерации «О государственной пошлине» от 9 декабря 1991 г. № 2005-1 // Российская газета. 1992. № 58 (утратили силу).

31. Приказ Минфина России от 27 декабря 2007 г. № 153н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007)» // Российская газета. 2008. № 22.

32. Приказ Министерства внутренних дел России от 15 августа 2012 г. № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции» // Российская газета. 2012. № 203.

33. Приказ Минэкономразвития России от 22 июня 2015 г. № 385 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка нематериальных активов и интеллектуальной собственности (ФСО № 11)» // Вестник образования России. 2015. № 19.

34. Приказ Минфина России от 28 декабря 2015 г. № 217н «О введении Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

35. Приказ Минфина России от 16 октября 2000 г. № 91н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» ПБУ 14/2000» // Финансовая газета. № 48. 2000 (утратили силу).

36. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

37. Письмо Банка России от 21 июля 2011 г. № 110-Т «О Методических рекомендациях «О признании, оценке, представлении и раскрытии информации о деловой репутации при составлении кредитными организациями финансовой отчетности в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности» // Вестник Банка России. 2011. № 41.

38. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте

Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

39. Постановление Государственной Думы от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 1998. № 37.

40. Положение Государственной Думы от 13 января 2012 г. № 14-6 ГД «О Комиссии Государственной Думы по вопросам депутатской этики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 4. Ст. 457.

41. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. 1995. № 29.

42. Определение Конституционного Суда РФ от 1 октября 1998 г. № 168-О «По запросу Администрации Московской области о проверке конституционности части первой п. 1 и п. 2 ст. 1015 Гражданского кодекса РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 1.

43. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 г. № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 3.

44. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005. № 50; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

45. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2010 г. № 323-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ускова Антона Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» //

Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 17. Ст. 2140. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 4.

46. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. 2010. № 132. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

47. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // Российская газета. 2013. № 157.

48. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 12-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дубравина Николая Григорьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

49. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2016 г.». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

50. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 сентября 1999 г. № 46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1999. № 11; Российская газета («Ведомственное приложение»). 1999. № 210.

51. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 мая 2012 г. № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 8.

52. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении

судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (утратили силу).

53. Defamation Act 1952 // The National Archives is a United Kingdom government department - Официальный интернет-портал Национального архива Правительства Великобритании. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6and1 Eliz2/15-16/66/contents/enacted> (дата обращения: 20 марта 2017 г.).

54. Defamation Act 2013 // The National Archives is a United Kingdom government department - Официальный интернет-портал Национального архива Правительства Великобритании. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/pdfs/ukpga_20130026_en.pdf (дата обращения: 20 марта 2017 г.).

Материалы судебной практики

55. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 сентября 1999 г. по делу «Далбан против Румынии» (жалоба № 28114/95). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

56. Постановление Европейского суда по правам человека от 6 апреля 2000 г. по делу «Компания Комингерсол С.А.» против Португалии» (жалоба № 35382/97) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 2.

57. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 2007 г. по делу «Красуля против Российской Федерации» (жалоба № 12365/03). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

58. Постановление Европейского Суда по правам человека от 14 октября 2008 г. по делу «Дюндин против Российской Федерации» (жалоба № 37406/03). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 февраля 2010 г. по делу «Федченко против Российской Федерации» (жалоба № 48195/06). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

60. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1998 г. № 813/98 по делу № А70-1806/5-97 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1999. № 2.

61. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20 октября 2004 г., 27 октября 2004 г. по делу № А40-40374/04-89-467. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 декабря 2004 г., 27 декабря 2004 г. по делу № 09АП-6183/04-ГК. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

63. Постановление ФАС Московского округа от 30 марта 2005 г. по делу № КГ-А40/1052-05. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

64. Определение Свердловского областного суда от 14 апреля 2005 г. по делу № 33-1897/2005. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

65. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 11 августа 2006 г. по делу № А79-2305/2006. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

66. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 17 мая 2007 г. № Ф04-2669/2007(33906-А46-21) по делу № 12-420/05. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

67. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 5 августа 2008 г. № Ф03-А59/08-1/2245 по делу № А59-5065/06-С8. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

68. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 2 октября 2008 г. по делу № А56-27956/2007. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

69. Определение Московского городского суда от 30 сентября 2010 г. по делу № 33-23858. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

70. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 марта 2011 г. № 09АП-2254/2011-ГК по делу № А40-94730/10-27-826. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

71. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 21 апреля 2011 г. № 5811. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

72. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 9 ноября 2011 г. по делу № А31-3523/2011. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

73. Кассационное определение Верховного суда Республики Бурятия от 28 ноября 2011 г. по делу № 33-3583. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

74. Постановление ФАС Московского округа от 27 февраля 2012 г. по делу № А41-14502/11. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

75. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 мая 2012 г. № ВАС-6156/12 по делу № А41-14502/11. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

76. Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 17528/11 по делу № А45-22134/2010 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 1.

77. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 ноября 2012 г. № 15АП-11767/2012 по делу № А53-4030/2012. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

78. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29 августа 2013 г. по делу № А43-26790/2012. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

79. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 28 февраля 2013 г. по делу № А53-4030/2012. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

80. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 мая 2013 г. № 15АП-4280/2013 по делу № А53-33975/2012. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

81. Определение ФАС Уральского округа от 4 сентября 2013 г. № Ф09-5644/13 по делу № А60-52109/2012. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

82. Постановление ФАС Поволжского округа от 28 октября 2013 г. по делу № А12-31385/2012. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

83. Постановление ФАС Поволжского округа в Постановлении от 4 февраля 2014 г. по делу № А65-10931/2013. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

84. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 апреля 2014 г. по делу № 33-8944. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

85. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2014 г. № 18АП-7319/2014, 18АП-7768/2014 по делу № А07-17912/2013. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

86. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 ноября 2014 г. № 18АП-11959/2014 по делу № А07-801/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

87. Апелляционное определение Псковского областного суда от 23 декабря 2014 г. по делу № 33-1961. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

88. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23 января 2015 г. № Ф10-4833/2014 по делу № А35-1230/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

89. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 9 февраля 2015 г. по делу № 33-294. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

90. Определение Приморского краевого суда от 17 февраля 2015 г. по делу № 33-1332/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

91. Постановление Президиума Верховного суда Республики Алтай от 19 мая 2015 г. по делу № 44Г-5/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

92. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2015 г. № 18АП-5676/2015 по делу № А76-20440/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

93. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2015 г. № 04АП-1635/2015 по делу № А58-6199/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

94. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2015 г. № 17АП-7095/2015-ГК по делу № А60-48774/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

95. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 июля 2015 г. № Ф05-8820/2015 по делу № А40-69753/14. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

96. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2015 г. № 05АП-6691/2015 по делу № А51-6980/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

97. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 августа 2015 г. № Ф08-5582/2015 по делу № А63-11510/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

98. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 августа 2015 г. № 17АП-9283/2015-ГК по делу № А60-9669/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

99. Определение Верховного Суда РФ от 17 августа 2015 г. по делу № 309-ЭС15-8331, А50-21226/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

100. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2015 г. № 10АП-7350/2015 по делу № А41-14656/15. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

101. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 сентября 2015 г. № 09АП-32407/2015-ГК по делу № А40-143163/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

102. Апелляционное определение Московского городского суда от 12 октября 2015 г. по делу № 33-37362/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

103. Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 21 октября 2015 г. по делу № 33-4386/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

104. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 октября 2015 г. № 12АП-10103/2015 по делу № А06-11143/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

105. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2015 г. № 13АП-20325/2015 по делу № А21-1525/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

106. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 ноября 2015 г. № 16АП-3945/2015 по делу № А63-5134/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

107. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 ноября 2015 г. № 18АП-12989/2015 по делу № А76-22579/2013. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

108. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 13 ноября 2015 г. по делу № А33-5001/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

109. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 ноября 2015 г. по делу № 33-38619/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

110. Апелляционное определение Астраханского областного суда от 25 ноября 2015 г. по делу № 33-4246/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

111. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 ноября 2015 г. № Ф09-7905/15 по делу № А07-15714/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

112. Определение Верховного Суда РФ от 2 декабря 2015 г. № 309-ЭС15-14985 по делу № А07-7150/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

113. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2015 г. № 13АП-22916/2015 по делу № А56-21847/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

114. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 декабря 2015 г. № 17АП-15652/2015-ГК по делу № А71-4153/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

115. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 декабря 2015 г. № 13АП-28315/2015 по делу № А56-43902/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

116. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 декабря 2015 г. № 17АП-15988/2015-ГК по делу № А60-25903/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

117. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 декабря 2015 г. по делу № А56-87641/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

118. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 января 2016 г. № 17АП-16948/2015-ГК по делу № А60-36499/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

119. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 26 января 2016 г. № 02АП-10786/2015 по делу № А82-6065/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

120. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 февраля 2016 г. по делу № А21-1140/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

121. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15 февраля 2016 г. № Ф06-5593/2016 по делу № А12-21772/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

122. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19 января 2016 г. № 33-515/2016 по делу № 2-4578/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

123. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2016 г. № 07АП-11304/2015 по делу № А67-856/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

124. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 февраля 2016 г. № 09АП-59646/2015-ГК по делу № А40-76069/15. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

125. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 февраля 2016 г. № 13АП-32374/2015 по делу № А56-45216/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

126. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 24 февраля 2016 г. по делу № 33-1140/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

127. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 25 февраля 2016 г. по делу № 33-1950/2016 (33-21791/2015). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

128. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2016 г. № 17АП-18886/2015-ГК по делу № А60-24473/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

129. Определение Верховного Суда РФ от 3 марта 2016 г. № 309-ЭС16-966 по делу № А07-15714/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

130. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 4 марта 2016 г. № Ф02-7786/2015 по делу № А33-873/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

131. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 9 марта 2016 г. по делу № 33-3596/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

132. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 14 марта 2016 г. по делу № 33-4081/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

133. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 марта 2016 г. № Ф09-1048/16 по делу № А60-12213/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

134. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2016 г. № 309-ЭС16-1013 по делу № А71-12852/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

135. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 29 марта 2016 г. по делу № 33-749/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

136. Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 29 марта 2016 г. по делу № 33-1364/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

137. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 апреля 2016 г. № Ф08-264/2016 по делу № А63-5134/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

138. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 апреля 2016 г. № 17АП-16394/2015-ГК по делу № А60-27128/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

139. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 апреля 2016 г. № Ф03-1091/2016 по делу № А51-15888/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

140. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 19 апреля 2016 г. № 02АП-643/2016 по делу № А29-3811/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

141. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 19 апреля 2016 г. по делу № 33-1482/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

142. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21 апреля 2016 г. № 07АП-2360/2016(1) по делу № А45-17859/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

143. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 апреля 2016 г. по делу № 33-10957/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

144. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 мая 2016 г. № 17АП-3249/2016-ГК по делу № А50-21902/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

145. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 мая 2016 г. № Ф04-1331/2016 по делу № А67-856/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

146. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 6 мая 2016 г. № 04АП-1497/2016 по делу № А10-5491/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

147. Постановление ФАС Московского округа от 16 мая 2006 г. № КГ-А40/3899-06-П по делу № А40-44105/04-26-224. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

148. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 мая 2016 г. № 18АП-4250/2016 по делу № А07-8546/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

149. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 30 мая 2016 г. по делу № А33-27093/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

150. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 мая 2016 г. № Ф04-1838/2016 по делу № А46-8893/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

151. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 3 июня 2016 г. № Ф09-4159/16 по делу № А60-26589/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

152. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 3 июня 2016 г. по делу № А60-1179/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

153. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 марта 2016 г. № 16АП-3879/2015 по делу № А61-1377/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

154. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 11 мая 2016 г. по делу № 33-6/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

155. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 16 мая 2016 г. по делу № 33-5248/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

156. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2016 г. № 12АП-3421/2016 по делу № А57-25723/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

157. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 июня 2016 г. № Ф07-3560/2016 по делу № А56-25777/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

158. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2016 г. № 13АП-7751/2016 по делу № А42-8359/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

159. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 июня 2014 г. № 12АП-4478/2014 по делу № А06-6321/2013. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

160. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2014 г. по делу № А12-468/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

161. Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2016 г. № 302-ЭС16-6273 по делу № А10-183/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

162. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2015 г. № 04АП-1635/2015 по делу № А58-6199/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

163. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 июля 2016 г. № 09АП-27096/2016-ГК по делу № А40-228485/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

164. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2016 г. № 309-ЭС16-7367 по делу № А60-12213/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

165. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июля 2016 г. по делу № 33-27771/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

166. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 25 июля 2016 г. по делу № 33-12594/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

167. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2016 г. № 18АП-10294/2016 по делу № А07-29244/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

168. Апелляционное определение Московского городского суда от 8 сентября 2016 по делу № 33-36458/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

169. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 сентября 2016 г. № Ф06-12124/2016 по делу № А57-25723/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

170. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 сентября 2016 г. № 09АП-40983/2016-ГК по делу № А40-4436/16. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

171. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2016 по делу № А52-4350/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

172. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 октября 2016 г. № 19АП-4769/2016 по делу № А14-788/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

173. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 по делу № А56-58502/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Научная, учебная и иная специальная литература

174. Britanica. Настольная энциклопедия. Т. 1. М.: Астрель, 2006. – 1158 с.
175. Carroll C.E. The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation. SAGE Publications, Inc., Thousand Oaks, California. 2016. – 1002 p.
176. Chang E., Dillon T., Hussain F.K. Trust and reputation for service-oriented environments: technologies for building business intelligence and consumer confidence. John Wiley & Sons Ltd., West Sussex, England. 2006. – 348 p.
177. Lamoureux E.L., Baron S.L., Stewart C. Intellectual property law and interactive media: free for a fee. Peter Lang Publishing, Inc., New York. 2009. – 298 p.
178. Miller R.J., Jentz G.A. Business Law Today: The Essentials. Institute for University Studies, Arlington, Texas. 2014. – 888 p.
179. Parkinson M.G., Parkinson L.M. Law for advertising, broadcasting, journalism, and public relations. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, Routledge, MahWah, New Jersey. 2006. – 511 p.
180. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
181. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. – М.: Юристъ, 1996. – 366 с.
182. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов / Под ред. Боровского Я.М. – М.: ТЕРРА, 1997. – 960 с.
183. Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М.: Юридическая литература, 1971. – 208 с.
184. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. Изд. 2-е переработанное и дополненное. М.: Книжный мир, 2009. – 860 с.
185. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 720 с.
186. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. – 432 с.
187. Гейтс Билл. Бизнес со скоростью мысли. Изд. 2-е, исправленное. М.: «ЭКСО-Пресс», 2001. – 480 с.

188. Голубев К.И. Нарижний С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных личных благ личности. 3-е изд., испр. и доп. СПб., Юридический центр Пресс, 2004. – 302 с.
189. Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69 – 71 / Б.М. Гонгало, В.О. Калятин, М.Я. Кириллова и др.; / под ред. П.В. Крашенинникова. М: Статут, 2014. – 510 с.
190. Гражданское право. В двух томах. Том 1. Учебник / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Издательство «БЕК», 1993. – 432 с.
191. Гражданское право. Том 1. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2004. – 773 с.
192. Гражданское право. Том 2. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2011. – 798 с.
193. Гражданское право: учеб. / С.С. Алексеев, Б.М. Гонгало, Д.В. Мурзин [и др.]; под общ. ред. чл.-корр. РАН С.С. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Екатеринбург; Институт частного права, 2009. – 528 с.
194. Гражданское право: учеб. в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. – 511 с. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
195. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М.: Русский язык, 1978. – Т. 1. – 699 с. Т 2. – 779 с. Т 4. – 683 с.
196. Европейский суд по правам человека. Избранные решения / Пред. ред. колл. В. А. Туманов. Т. 1. М.: Норма, 2000. – 841 с.
197. Ермолова О.Н., Трофименко А.В. Проблемы теории нематериальных благ. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 288 с.
198. Ермолова О.Н. Нематериальные блага личности в гражданском праве Российской Федерации. Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права, 2009. – 170 с.
199. Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса. М.: Статут, 2013. – 223 с.
200. Законодательство императрицы Екатерины II. 1783-1796 годы (составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов). М.: Зерцало, 2011. – 272 с. – Доступ из СПС «Гарант».

201. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практическое пособие / Д.В. Афанасьев, А.С. Ворожеевич, М.Е. Глазкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2015. – 270 с.
202. Защитные институты в сфере предпринимательской и профессиональной деятельности: учебное пособие / В. В. Кванина. – М.: Юнити-Дана, 2014. – 167 с.
203. Иванчак А.И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть. М.: Статут, 2014. – 268 с.
204. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. – 688 с.
205. Костюк В.Д. Нематериальные блага. Защита чести, достоинства и деловой репутации. М.: Лекс-Книга, 2002. – 320 с.
206. Курбатов А.Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. М.: Юстицинформ, 2013. – 172 с.
207. Маковой М., Чефранова Е.А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 10. Право на свободу и выражение своего мнения (прецеденты и комментарии). М., 2001. – 167 с.
208. Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М.: Наука, 1985. – 166 с.
209. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. – 244 с.
210. Малый энциклопедический словарь: В 4 т. Т. 2 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза – Ефрона. – М.: ТЕРРА, 1994. – 520 с.
211. Настольная книга руководителя организации: правовые основы / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2015. – 506 с.
212. Невзгодина Е.Л. Сделки с недвижимостью (понятие, виды, правовое регулирование): Учебное пособие / Под ред. А.И. Казанника. – 2-е изд., доп. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 695 с.

213. Новицкий И.Б. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2006. – 460 с.
214. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
215. Осадчая О.И. Репутационный вред как последствие умаления деловой репутации юридического лица // Право и жизнь. 2006. № 99/9 (http://www.law-n-life.ru/arch/99_Osadchaya.doc). [Электронный ресурс].
216. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой под ред. П.В. Крашенинникова. Статут, 2011. – 1326 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
217. Потапенко С.В. Диффамационное право. Гражданско-правовой аспект: Учебное пособие. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2007. – 204 с.
218. Потапенко С.В. Судебная защита от диффамации в СМИ. Краснодар, 2002. – 280 с.
219. Пчелинцева Л.М. Семейное право России. Учебник для вузов. – М.: Норма Инфра М, 1998. – 663 с.
220. Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ. М.: Статут, 2006. – 270 с.
221. Садилов О.Н., Файзутдинов И.Ш. Гражданское право: Учебник в 2 т. Том 1. М.: Контракт; Инфра-М, 2006. – 493 с.
222. Седугин П.И. Судебная практика по делам о защите чести и достоинства // Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1964-1965 гг. М.: Юридическая литература, 1966. – 66 с.
223. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1988. – 608 с.
224. Советское гражданское право в 2 т. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968. – 520 с.
225. Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации / И.А. Блинец, К.Ю. Бубнова, О.В. Видякина и др.; / под ред. И.А. Блинеца, Л.А. Новоселовой. Москва: Проспект, 2015. – 120 с.

226. Суржик А.Ф. Правовое регулирование чести, достоинства и деловой репутации в гражданском праве Российской Федерации. М.: ТрансЛит, 2007. – 192 с.
227. Тагайназаров Ш.Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. Душанбе, 1990. – 213 с.
228. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М.: Юриспруденция, 2015. – 192 с.
229. Тарасенкова А.Н., Зайцев А.А. Жизнь без конфликтов: добрососедство и закон. М.: Редакция «Российской газеты», 2016. Вып. 9. – 144 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
230. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. – 456 с.
231. Тимошенко В.А., Смушкин А.Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (постатейный) // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
232. Тихомиров М.Ю. Защита чести, достоинства и деловой репутации: новые правила. М.: Издательство Тихомирова М.Ю., 2014. – 48 с.
233. Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова в 4 т. М.: ТЕРРА, 1996. – Т. 1. – 824 с. Т. 2 – 520 с. Т. 3 – 712 с. Т. 4 – 752 с.
234. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. – 1184 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
235. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. Изд. 1885 гг. с включением статей по продолжению 1889, 1887 и 1889 г. – 521 с.
236. Федотов М.А. Право массовой информации в Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2002. – 624 с.
237. Филиппова С.Ю. Фирменное право России. М.: Статут, 2016. – 271 с.
238. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Ученые записки ВИЮН. М., 1941. Вып. 6. – 207 с.
239. Фойницкий И.Я. Посягательства личные и имущественные // Уголовное право. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. – 441 с.

240. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. – 805 с.
241. Эрделевский А.М. Компенсация за моральный вред. М.: Новый век, 1998. Выпуск № 4. – 188 с.
242. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., «Волтерс-Клувер», 2007. – 174 с.
243. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М.: Издательский дом «Форум», ИНФРА-М, 1997. – 240 с.
244. Эрделевский А.М. О новых судебных подходах к защите неимущественных благ // Материал подготовлен для СПС «КонсультантПлюс». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Научные статьи, периодические издания

245. Акатьева М.Д. Репутационный риск: оценка современного теоретико-понятийного аппарата // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 20. С. 16 – 29.
246. Алексеев С.В. Спортивный маркетинг. Правовое регулирование public relations в сфере физической культуры и спорта // Спорт: экономика, право, управление. 2014. № 4. С. 5 – 9.
247. Андреев В.К. Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 27 – 33.
248. Архиереев Н.В. К вопросу о сущности диффамации на примере сравнительного анализа правового регулирования диффамации в Англии, США, Израиле и России // Юрист. 2016. № 16. С. 36 – 41; № 17. С. 27 – 32.
249. Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 9 – 13.
250. Барсукова В.Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 20 – 25.
251. Барсукова В.Н. Право на честь и достоинство: особенности содержания // Современное право. 2015. № 7. С. 38 – 44.
252. Богданов Е.В. Проблема сохранения («переживания») прав и обязанностей умершего гражданина // Адвокат. 2015. № 8. С. 27 – 31.

253. Борзунова О.А. Гудвилл: хорошую репутацию нельзя потрогать, но можно обложить налогами // Налоговый вестник. 2009. № 6. С. 115 – 118.
254. Борычева Т.А. Понятие и правовая природа нематериальных благ юридических лиц // Юридический мир. 2012. № 9. С. 30 – 32.
255. Будякова Т.П. Извинение как форма компенсации морального вреда в истории российского государства и права // Государство и право. 2004. № 1. С. 103 – 105.
256. Бычков А. Защита от диффамации. Практика судебных разбирательств // Финансовая газета. 2016. № 22. С. 12 – 13.
257. Вешкурцева З.В. Структурные подходы к определению понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права» // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 225 – 234.
258. Ворожевич А.С. Незаконное использование товарного знака: понятие, меры ответственности // Вестник гражданского права. 2015. № 6. С. 7 – 46.
259. Гаврилов Е.В. Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение // «Налоги» (газета). 2010. № 29. С. 27 – 30.
260. Гаврилов Е.В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 10. С. 39 – 47.
261. Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам и новая редакция ст. 152 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 3. С. 79 – 90.
262. Гаврилов Е.В. Новации российского гражданского законодательства в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации // Судья. 2014. № 4. С. 12 – 16.
263. Гаврилов Е.В. Право на честь и достоинство // ЭЖ-Юрист. 2014. № 40. С. 1– 3.
264. Гаврилов Е.В. Принесение извинения как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2012. № 7. С. 16 – 21.

265. Гаврилов Е.В. «Репутационный вред» в российском праве: нонсенс или необходимость? // Безопасность бизнеса. 2011. № 2. С. 38 – 40.

266. Гаврилов Е.В. Удаление информации, пресечение или запрещение дальнейшего распространения сведений как способы защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2014. № 9. С. 41 – 45.

267. Генералова Н.В., Попова Е.Ю. Анализ научных публикаций по учету гудвилла в российской и международной периодике за 1990 - 2014 гг. // Аудиторские ведомости. 2015. № 2. С. 63 – 72.

268. Глисков А.А. Проблемы квалификации клеветы, совершенной путем распространения негативной оценочной характеристики потерпевшего // Адвокат. 2011. № 8. С. 64 – 69.

269. Дмитриева О.В. Бухгалтерский и налоговый учет расчетов с авторами и художниками в издательствах в 2015 году // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2015. № 2. С. 7 – 15.

270. Ершова Е.А. Гудвилл: основные проблемы и противоречия // Сб. ст. «Основные проблемы частного права» / Отв. Ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. С. 240 – 252.

271. Забегайло Л.А. Современные гражданско-правовые способы защиты деловой репутации юридического лица // Право и экономика. 2011. № 5. С. 18 – 22.

272. Зайчатникова Е. Деловая репутация компании // Аудит и налогообложение. 2002. № 10. С.34 – 37.

273. Захаров Н. Нематериальные блага и их защита // ЭЖ-Юрист. 2014. № 9. С. 4.

274. Земскова С.И. Криминалистическая характеристика диффамации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 1. С. 89 – 94.

275. Иваненко Ю.Г. Правовая защита деловой репутации юридических лиц // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 24 – 26.

276. Измestьева-Кунц А.А. Диффамация и способы защиты от неё в дореволюционном гражданском праве // Российский судья. 2010. № 1. С. 26 – 34.

277. Иванов А.Е. Генезис нормативного регулирования учета гудвила: движение к гармонизации // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 34. С. 10 – 21.

278. Иванов А.Е. Дезагрегация гудвила и оценка его компонентов - актуальная научная задача // Аудиторские ведомости. 2016. № 2. С. 68 – 87.

279. Иванов А.П., Быкова Ю.Н. Защита деловой репутации // Международный бухгалтерский учёт. 2007. № 11. С. 10 – 18.

280. Иванова С. Защите - быть! // ЭЖ-Юрист. 2016. № 16. С. 12.

281. Индербиев Д.С. Трансформация законодательных подходов к регламентации ответственности за распространение порочащих личность измышлений в российском уголовном праве (1922 - 2012 гг.) // Российский следователь. 2014. № 6. С. 19 – 23.

282. Иноземцева Ю.А. Сколько стоит доброе имя // Главная книга. 2014. № 8. С. 71 – 74.

283. Иоффе О.С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 59 – 71.

284. Каменева З.В. Опыт правового регулирования диффамации в мире // Адвокат. 2014. № 6. С. 43 – 47.

285. Карпов К.В. Компенсация морального вреда юридическим лицам // Научный вестник Омской высшей школы милиции МВД России. 1996. № 1. С. 32 – 34.

286. Карпов К.В. О некоторых вопросах возмещения репутационного вреда, причинённого юридическим лицам // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 113 – 116.

287. Карпов К.В. О необходимости введения конструкции нематериального вреда вместо компенсации морального вреда // Вопросы гражданского права в деятельности правоохранительных органов: материалы 2 международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. С. 66 – 72.

288. Карпов К.В., Морозова С.А. Проблематика в установлении и доказывании порочащего характера распространенных сведений по делам о защите деловой репутации юридических лиц // В сборнике: Современные тенденции развития юридической науки Сборник материалов III международной заочной научно-практической конференции. Под общ. ред. Т.М. Пономарёвой. 2014. С. 79 – 82.

289. Кванина В.В. Компенсация репутационного вреда как способ защиты юридического лица // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4 (49). С. 108 – 112.

290. Кванина В.В. Особенности правового режима отдельных форм имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 42 – 46.

291. Климашина Ю.С. Альтернативный подход к учету деловой репутации организаций // Аудитор. 2015. № 10. С. 42 – 49.

292. Кожевина Е.В. Нематериальные блага как объект гражданских прав: дискуссионные вопросы теории и судебное толкование // Цивилист. 2010. № 4. С. 59 – 63.

293. Кравченко А.А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 94 – 104.

294. Кузубов С.А. Гудвилл как объект учета: истоки происхождения // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 2. С. 12 – 20.

295. Макарова Т.Н. Вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // Комментарий судебной практики. Выпуск 10 / под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юридическая литература, 2004. С. 57 – 71.

296. Малеина М.Н. Возложение обязанности принести извинение как способ защиты неимущественных прав // Законодательство. 2009. № 11. С. 10 – 16.

297. Малеина М.Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. 1993. № 23. С. 18 – 22.

298. Малеина М.Н. Защита чести и деловой репутации неопределённого круга лиц // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 173 – 180.

299. Малеина М.Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 102 – 105.
300. Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40 – 47.
301. Мананников О.В. Пределы свободы печати: правовые аспекты // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 86 – 97.
302. Мананкова Р.П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26 – 42.
303. Мещерякова Т.Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 46 – 49.
304. Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3 – 8.
305. Михалевич Е.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации общественных и политических деятелей при распространении информации в сети Интернет // Информационное право. 2013. № 5. С. 25 – 28.
306. Михалевич Е.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации публичных персон в свете последних изменений в Гражданском кодексе Российской Федерации // Судья. 2014. № 4. С. 34 – 37.
307. Мишонов А.С. Защита деловой репутации: основные моменты, на которые стоит обратить внимание // Право и экономика. 2008. № 9. С. 13 – 16.
308. Мордохов Г.Ю. Защита деловой репутации в сети Интернет // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 56 – 60.
309. Невзгодина Е.Л. Правовой режим предприятия как недвижимое имущество // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 2 (11). С. 54 – 60.
310. Обязательства, возникающие не из договора: сборник статей / Ф.Х. Альманса Монтойя, А.А. Амангельды, Д.В. Афанасьев и др.; отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2015. (Статья «Обязательство по компенсации

репутационного ущерба как разновидность деликтного обязательства» (М.А. Рожковой). – 444 с.

311. Пантелеев Б. СМИ уходят в Интернет // ЭЖ-Юрист. 2011. № 33. С. 8.

312. Пешкова О.А. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц // Правовые вопросы связи. 2005. № 1. С. 18 – 25.

313. Плотников В. Деловая репутация как объект гражданско-правовой защиты // Хозяйство и право. 1995. № 11. С. 94 – 99.

314. Плотников В.С., Плотникова О.В. Оценка обесценения гудвилла и возмещение потерь от обесценения в консолидированной финансовой отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 5. С. 25 – 37.

315. Прохорова М.Л., Индербиев Д.С. Законодательное описание основного и квалифицированных составов клеветы: перспективы совершенствования // Российский следователь. 2014. № 8. С. 19 – 22.

316. Рабец А.М., Хватова М.А. Право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации // Юрист. 2015. № 19. С. 7 – 11.

317. Рожкова М.А. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 1 – 80.

318. Рузанова В.Д. Системность гражданского законодательства как необходимое условие наиболее полного осуществления гражданских прав в предпринимательской сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 15 – 20.

319. Сабитов Р.А., Литвиненко А.Ю. Уголовно-правовая защита деловой репутации юридического лица // Современное право. 2009. № 12. С. 132 – 136.

320. Свинцова М.В. Сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию граждан и юридических лиц // Судья. 2014. № 4. С. 29 – 33.

321. Симонова И.С. О некоторых особенностях обеспечения законности при привлечении граждан к административной ответственности за оскорбление // Административное право и процесс. 2015. № 8. С. 69 – 72.

322. Скловский К.И. Об ответственности средств массовой информации за причинение вреда деловой репутации // Хозяйство и право. 2005. № 3. С. 94 – 102.

323. Слипченко С.А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 42 – 47.
324. Смирнова А.А. Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9. С. 7 – 10.
325. Соколов Я.В. Гудвилл - большая новость // БУХ. 1С. 2005. № 7. С. 42, 43.
326. Соколова О. В защиту деловой репутации... // Информационный бюллетень «Экспресс-бухгалтерия»: электрон. журн. 2016. № 12. С. 28 – 30.
327. Трофимова Т.В. Нематериальные блага юридических лиц и их гражданско-правовая защита // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 3. С. 244 – 248.
328. Фёдоров П.Г. Деловая репутация юридического лица и её защита // Законодательство и экономика, 2010, № 11. С. 41 – 45.
329. Фроловский Н.Г. Защита деловой репутации юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 48 – 52.
330. Хоружий Л.И. Гудвилл в бухгалтерском учете и бухгалтерской отчетности организаций АПК // Бухучет в сельском хозяйстве. 2014. № 2. С. 39 – 49.
331. Цадыкова Э.А. Возмещение нематериального вреда, причинённого юридическому лицу в результате распространения сведений, порочащих его деловую репутацию // Адвокат. 2004. № 9. С. 65 – 70.
332. Чубина Е.А. Факт или интерпретация факта: анализ экспертной практики по делам о недостоверной рекламе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 27 – 30.
333. Шулепова Т.И. Рассмотрение дел о защите деловой репутации // Арбитражная практика. 2008. № 11. С. 83 – 91.
334. Эрделевский А.М. О компенсации морального вреда юридическим лицам // Хозяйство и право. 1996. № 11. С. 104 – 108.
335. Эрделевский А.М. Утверждения о факте и выражение мнения понятия разного рода // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 17 – 19.

Диссертации и авторефераты диссертаций

336. Арзуманян А.Б. Нематериальные блага как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. – 33 с.
337. Арсланов К.М. Функции правового института возмещения морального вреда при посягательстве на честь, достоинство, деловую репутацию и сферу частной жизни гражданина по законодательству России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. – 26 с.
338. Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. – 23 с.
339. Белашова М.С. Доказывание и доказательства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – 229 с.
340. Беспалов А.В. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. – 167 с.
341. Быковский В.В. Гражданско-правовая защита физических и юридических лиц при распространении о них сведений, порочащих их честь, достоинство и деловую репутацию: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – 202 с.
342. Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. – 385 с.
343. Гусалова А.Р. Гражданско-правовая защита деловой репутации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012. – 22 с.
344. Добриева М.Д. Честь, достоинство и деловая репутация как объект защиты в гражданском праве и процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. – 197 с.
345. Иваненко Ю.Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. – 230 с.
346. Карайчева О.В. Деловая репутация как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. – 214 с.
347. Кархалев Д.Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. – 180 с.

348. Килинкаров В.В. Право на деловую репутацию субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. – 204 с.
349. Кравченко П.И. Оценка гудвилла предприятия на региональном рынке: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2006. – 22 с.
350. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. – 44 с.
351. Кузнецов Н.М. Содержание отношений по защите чести, достоинства и деловой репутации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 210 с.
352. Кулиуш О.А. Защита деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – 164 с.
353. Леонидов М.А. Гражданско-правовая охрана чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 152 с.
354. Никуличева Н.Ю. Право юридических лиц на деловую репутацию и его гражданско-правовая защита: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2004. – 177 с.
355. Палькина Т.Н. Личные неимущественные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. – 31 с.
356. Пешкова О.А. Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. – 38 с.
357. Редько Е.П. Компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. – 207 с.
358. Савельев А.С. Оценка гудвилла компаний как инструмент принятия управленческих решений: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. – 175 с.
359. Сахапов Ю.З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности её гражданско-правовой защиты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. – 193 с.
360. Седов В.М. Условия и способы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. – 185 с.

361. Супрунов А.Г. Правовая защита деловой репутации по законодательству современной России: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. – 201 с.

362. Тимерханов А.А. Деловая репутация юридического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. – 22 с.

363. Тимешов Р.П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. – 24 с.

364. Тюленев И.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации по российскому и международному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. – 200 с.

365. Хавжокова З.Б. Защита чести, достоинства и деловой репутации: теория и практика гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 205 с.

**Предложения по внесению изменений в действующее законодательство
(предложенная и аргументированная в диссертации редакция норм
Гражданского кодекса Российской Федерации)⁴¹¹**

1. Абзац 11 статьи 12 ГК РФ («Способы защиты гражданских прав») изложить в следующем виде: «компенсации морального вреда *гражданину*»; добавить за ним два следующих абзаца: «*компенсации нематериального вреда юридическому лицу*» и «*принесения публичных извинений*».

2. Третий абзац пункта 2 статьи 150 ГК РФ⁴¹² – удалить.

3. Название статьи 151 ГК РФ изложить в следующем виде: «Компенсация морального вреда *гражданину*».

4. Дополнить ГК РФ статьёй 151.1 следующего содержания:

Статья 151.1. Компенсация нематериального вреда юридическому лицу

Если юридическому лицу причинён нематериальный вред (отрицательные изменения в принадлежащем организации нематериальном благе или неимущественном праве, а также способные возникать из-за них не поддающиеся точному подсчёту негативные внутриорганизационные явления неимущественного характера, косвенно или в перспективе представляющие опасность для деятельности юридического лица в целом, в частности, для сферы его имущественных прав: неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией, беспокойство и неудобства, причиненные членам

---

⁴¹¹ Курсивом выделены внесённые или изменяющие действующие положения закона формулировки нормативного правового акта, предложенные и обоснованные автором диссертации.

⁴¹² Абзац состоит из следующего предложения. «В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами».

руководства компании и трудовому коллективу, общее ухудшение внутрикорпоративного климата, текучесть кадров, нарушение деловых связей и др.), суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размера компенсации суд принимает во внимание факторы, приведённые в пункте 2 статьи 1101.1 настоящего Кодекса.

5. Изложить статью 152 ГК РФ в следующей редакции:

Статья 152. Защита прав на честь, достоинство и деловую репутацию
(в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ)

1. При распространении не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (деловую репутацию юридического лица) сведений (диффамация), такие гражданин или юридическое лицо вправе требовать по суду опровержения распространённых о них сведений, если распространивший сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения, или другим аналогичным способом.

По требованию заинтересованных лиц допускается защита положительного и (или) правдивого образа гражданина (после его смерти) или юридического лица (после его реорганизации или ликвидации).

2. Сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (деловую репутацию юридического лица) и распространённые в средствах массовой информации, должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации.

Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (деловую репутацию юридического лица), оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», гражданин (юридическое лицо) вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения

указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет»⁴¹³.

Если письмо, содержащее порочащие честь, достоинство или деловую репутацию сведения, направлено третьему лицу, опровержение таких сведений может быть произведено путем обязанности его автора направить указанному лицу новое письмо с опровержением изложенной ранее информации.

3. Порядок опровержения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (*деловую репутацию юридического лица*), в иных случаях, кроме указанных в *пункте 2* настоящей статьи, устанавливается судом⁴¹⁴.

4. *Лицо, в отношении которого распространены сведения, ущемляющие его права и законные интересы, имеет право потребовать обнародования своего ответа. Если указанные сведения были распространены в средствах массовой информации, ответ подлежит обнародованию в тех же средствах массовой информации*⁴¹⁵.

5. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (*деловую репутацию юридического лица*), содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву⁴¹⁶.

6. В случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (*деловую репутацию юридического лица*), стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданин (*юридическое лицо*) вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения

---

⁴¹³ Второй абзац пункта 2 статьи 152 ГК РФ представляет собой скорректированный пункт 5 этой статьи в действующей редакции закона.

⁴¹⁴ Пункт 3 статьи 152 ГК РФ представляет собой скорректированный пункт 6 этой статьи в действующей редакции закона.

⁴¹⁵ Абзац 1 пункта 4 статьи 152 ГК РФ основан на переработке пункта 2 этой статьи в действующей редакции закона.

⁴¹⁶ Пункт 5 статьи 152 ГК РФ представляет собой скорректированный пункт 3 этой статьи в действующей редакции закона.

таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно⁴¹⁷.

7. Применение к нарушителю мер ответственности за неисполнение судебного решения не освобождает его от обязанности совершить предусмотренное решением суда действие.

8. Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина (*деловую репутацию юридического лица*), невозможно, *лицо*, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.

9. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе требовать возмещения убытков, компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений, *а также принесения публичных извинений*.

Юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его деловую репутацию, вправе требовать возмещения убытков и компенсации нематериального вреда, причиненных распространением таких сведений.

Индивидуальный предприниматель, в отношении которого распространены сведения, порочащие его деловую репутацию, вправе выбрать между компенсацией морального вреда на условиях, предусмотренных для граждан, и компенсацией нематериального вреда на условиях, предусмотренных для юридических лиц.

10. Правила пунктов 1 - 9 настоящей статьи, за исключением положений о компенсации морального вреда, могут быть применены судом также к случаям распространения любых *не носящих порочащего характера, но не соответствующих действительности сведений о гражданине или юридическом лице (дезинформация)*, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Срок исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с распространением указанных сведений в средствах массовой информации,

---

⁴¹⁷ Пункт 6 статьи 152 ГК РФ представляет собой скорректированный пункт 4 этой статьи в действующей редакции закона.

составляет один год со дня опубликования таких сведений в соответствующих средствах массовой информации. *К требованиям, предъявляемым в связи с распространением указанных сведений в иных случаях, подлежат применению правила об общем сроке исковой давности.*

Правила пунктов 1 - 9 настоящей статьи, за исключением положений об опровержении, о признании распространённых сведений не соответствующими действительности и положения абзаца 1 пункта 10 настоящей статьи о сроках исковой давности, могут быть применены судом также к случаям умышленного распространения соответствующих действительности порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведений (дискредитация), если распространивший такие сведения не докажет, что они были распространены в общественных интересах⁴¹⁸.

6. Изменить название 4 параграфа главы 59 ГК РФ («Обязательства вследствие причинения вреда») следующим образом: «Компенсация нематериального вреда».

7. Изложить пункт 1 статьи 1099 ГК РФ в следующей редакции: «1. Основания и размер компенсации нематериального вреда (морального вреда гражданину и нематериального вреда юридическому лицу) определяются правилами, предусмотренными настоящей главой, а также статьями 151 и 151.1 настоящего Кодекса».

8. Дополнить пункт 3 статьи 1099 ГК РФ словом «нематериального» и изложить, таким образом, в следующем виде: «3. Компенсация нематериального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда».

9. Изменить название статьи 1100 ГК РФ следующим образом: «Основания компенсации нематериального вреда», а её абзац 1 – следующим образом:

---

⁴¹⁸ Пункт 11 статьи 152 ГК РФ в настоящем проекте изменений удалён. (Пункт состоит из следующего предложения. «Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица»).

«Компенсация *нематериального* вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда».

10. Изложить абзац 4 статьи 1100 ГК РФ в следующей редакции: «вред причинен *диффамацией*».

11. Изменить название статьи 1101 ГК РФ следующим образом: «Способ и размер компенсации морального вреда *гражданину*», а её абзац 1 – следующим образом: «Компенсация морального вреда *гражданину* осуществляется в денежной форме».

12. Дополнить ГК РФ статьёй 1101.1 следующего содержания:

Статья 1101.1. Способ и размер компенсации нематериального вреда юридическому лицу

1. Компенсация нематериального вреда юридическому лицу осуществляется в денежной форме.

2. Размер компенсации нематериального вреда юридическому лицу определяется судом в зависимости от объёма нематериального вреда, понесённого потерпевшим в результате правонарушения (степень умаления деловой репутации, степень его негативных последствий нематериального характера); размера понесенных юридическим лицом убытков (при их наличии); содержания распространённых сведений; обстоятельств совершения правонарушения (в частности, широты распространения интересующих истца сведений, неоднократности их распространения, если она имела место); статуса организации, деловой репутации которой был нанесён вред, а также положения, в котором находилась её деловая репутация до нарушения, действий ответчика по сглаживанию нематериального вреда после совершения правонарушения (публикации опровержения, принесения извинений), а также других имеющих значение для рассмотрения дел данной категории факторов.

При определении размера компенсации нематериального вреда юридическому лицу должны учитываться требования разумности и справедливости.